This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav. 4347.1
A

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

BOUGHT WITH

THE GIFT OF

WILLIAM AMORY GARDNER

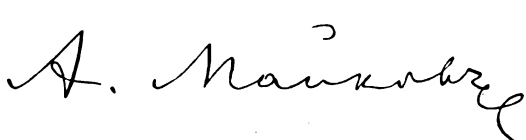
OF BOSTON

(H. U. 1884)

Received July 13, 1898.

BUCHBINDEREI
JUL. HAGER

Грав. на стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.



Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. МАЙКОВА

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

ПРАВЛЕННОЕ [illegible]

АВТОРОМ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

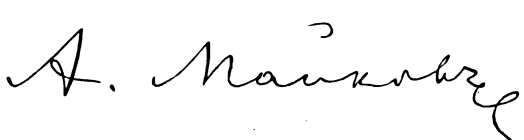
[illegible]

[illegible]

Типографія А. Ф. МАРКСА [illegible]

1893.

Грав. на стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.



Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПБ.

[illegible]

[illegible]

Н. МА[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] А.

[illegible]

[illegible] Ф. МАРКСА. [illegible]

1893.

A

JUL 13 1898
LIBRARY.

Gardner fund.
(3 vols. in 2)

ОГЛАВЛЕНІЕ

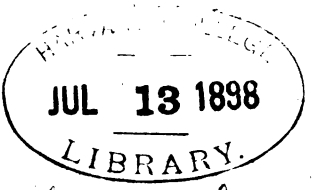
ПЕРВАГО ТОМА.

СТРАН.

1. Посвященіе 1

I. Въ антологическомъ родѣ. 3—50.

2. Октава 5
3. Раздумье 6
4. Сонъ 8
5. «Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты» 9
6. Картина вечера 10
7. Воспоминаніе 11
8. Гезіодъ 12
9. Эхо и молчаніе 13
10. «Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ» 14
11. Пустыннику 15
12. Призывъ 16
13. Пріапу 18
14. «На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой» . . 19
15. «Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ» 20
16. «Я былъ еще дитя: она уже прекрасна» 21
17. Овидій 22
18. Искусство 23
19. «Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты» . . 24
20. Вакханка 25
21. Горный ключъ 26
22. Эпитафія 28
23. Мысль поэта 29
24. Вакхъ 30
25. Зимнее утро 31
26. Дума 33
27. Сомнѣніе 34
28. Плющъ 36
29. Прощаніе съ деревней 37



Clar 7377.1
A
HARVARD COLLEGE
JUL 13 1898
LIBRARY.
Gardner fund.
(3 vols. in 2)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

СТРАН.

1. Посвященіе 1

I. Въ антологическомъ родѣ. 3—50.

2. Октава 5
3. Раздумье 6
4. Сонъ 8
5. «Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты» 9
6. Картина вечера 10
7. Воспоминаніе 11
8. Гезіодъ 12
9. Эхо и молчаніе 13
10. «Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ» 14
11. Пустыннику 15
12. Призывъ 16
13. Пріапу 18
14. «На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой» . . 19
15. «Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ» 20
16. «Я былъ еще дитя: она уже прекрасна» 21
17. Овидій 22
18. Искусство 23
19. «Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты» . . 24
20. Вакханка 25
21. Горный ключъ 26
22. Эпитафія 28
23. Мысль поэта 29
24. Вакхъ 30
25. Зимнее утро 31
26. Дума 33
27. Сомнѣніе 34
28. Плющъ 36
29. Прощаніе съ деревней 37

30. Свирѣль 39
31. «Я знаю, отчего у этихъ береговъ» 40
32. Горы 41
33. Діонея 42
34. На памятникѣ 43
35. «Дитя мое, ужь нѣтъ благословенныхъ дней» 44
36. «Пусть полудикіе Скиѳы, съ глазами налитыми кровью» . 45
37. Черепъ 46
38. Поэзія 47
39. Барельефъ 48
40. Е. П. М. 49

II. Подражанія древнимъ. 51—70.

Сафо:
41. I. «Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра» 53
42. II. «Звѣзда божественной Киприды» 54
Анакреонъ:
43. «Пусть гордится старый дядъ» 55
Проперцій:
44. I. Туллу 56
45. II. Цинтіи 58
Горацій:
46. I. «Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?» . 60
47. II. «Легче лани юной ты» 61
Марціалъ:
48. «Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно» . . . 62
Овидій:
49. Посланіе съ Понта 63
Эпикурейскія пѣсни:
50. I. «Мирта Киприды мнѣ дай!» 66
51. II. «Блеститъ чертогъ; горитъ елей» 67
52. III. «Остроумица, плясунья» 69

III. Изъ восточнаго міра. 71—80.

53. Еврейскія пѣсни: I. «Торжественъ, свѣтелъ и румянъ» . 73
54. II. «Колыбель моя качалась». 75

55. Молитва бедуина 76
56. Вертоградъ 78
57. Единое благо 79
58. Ангелъ и демонъ 80

IV. Элегіи. 81—96.

59. Исповѣдь 83
60. «О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю» 84
61. «Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума» 85
62. Жизнь 86
63. Безвѣтріе 88
64. Мраморный фавнъ 91
65. Призваніе 94

V. Очерки Рима. 97—146.

66. На пути 99
67. Campagna di Roma 100
68. «Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!» 103
69. Amoroso 105
70. Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея 107
71. «На дальнемъ Сѣверѣ моемъ» 110
72. Нищій 111
73. Капуцинъ 113
74. Въ остеріи 115
75. Fortunata 117
76. Нимфа Эгерія 119
77. Тиволи 121
78. «Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?» 123
79. Художникъ 126
80. Fiorina 127
81. Двойникъ 128
82. Lorenzo 130
83. «Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ, подъ землей» . . . 132
84. Газета 135

85. Антики 137
86. Игры 138
87. «Сижу задумчиво съ тобой наединѣ» 140
88. Древній Римъ 141
89. Palazzo 144

VI. Житейскія думы. 147—182.

90. Послѣ бала 149
91. Утопистъ 151
92. «Передъ твоей душой пугливой» 153
93. «Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!» 155
94. «Надъ прахомъ генія свершать святую тризну». (Отрывокъ). 156
95. На смерть М. И. Глинки 158
96. Эоловы арфы 160
97. «Какъ чудныхъ странниковъ сказанья» 161
98. «Когда гонимъ тоской неутолимой» 164
99. Филантропы 165
100. Мать и дочь 166
101. Старый хламъ 171
102. Онъ и она 175
103. Приданое 181

VII. Фантазіи. 183—198.

104. Розы 185
105. Размѣнъ 187
106. Пери 189
107. Допотопная кость 191
108. Импровизація 193
109. Сонъ въ лѣтнюю ночь 196

VIII. Камеи. 199—220.

110. У храма 201
111. Анакреонъ 203
112. Юношамъ 205
113. Анакреонъ скульптору 207
114. Алкивіадъ 211

115. Аспазія 214
116. Преторъ 216
117. Аркадскій селянинъ путешественнику 218

IX. Посланія. 221—286.

118. П. М. Цейдлеру 223
119. Я. П. Полонскому: I. «Твой стихъ красой и ароматомъ». 225
120. II. «Полонскій! суждено онять судьбою злою» 226
121. П. А. Плетневу 230
122. М. Л. Михайлову 231
123. И. А. Гончарову 232
124. «Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ». (Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной) 234
125. Е. А. Шеншиной 236

X. На волѣ. 237—272.

126. Весна 239
127. «Весна! выставляется первая рама» 240
128. «Боже мой!—вчера ненастье» 241
129. «Поле зыблется цвѣтами» 242
130. Подъ дождемъ 243
131. Звуки ночи 244
132. Утро 245
133. Въ лѣсу 246
134. «Маститые, вѣтвистые дубы» 247
135. Голосъ въ лѣсу 248
136. «Все вокругъ меня, какъ прежде» 249
137. «Вотъ бѣдная чья-то могила» 251
138. Журавли 252
139. Облачка 253
140. Болото 255
141. Панъ 257
142. Пейзажъ 261
143. Ласточки 263
144. «Осенніе листья по вѣтру кружать» 265

145. Осень 266
146. «И городъ вотъ опять! опять сіяетъ балъ» 269
147. Мечтанія 271

XI. Изъ дневника. 273—282.

148. «Зачѣмъ, шутя неосторожно» 275
149. «Еще я полнъ, о другъ мой милый» 276
150. «Люблю, если тихо къ плечу моему головой прислонившись». 277
151. «Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы» 278
152. «Порывы нѣжности обуздывать умѣя» 279
153. «Точно голубь свѣтлою весною» 280
154. Въ альбомъ 282

XII. Дочери. 283—288.

155. «Новая, свѣтлая звѣздочка» 285
156. «Она еще едва умѣетъ лепетать» 286
157. «Эти дѣтскіе глазки» 287
158. «Не можетъ быть! не можетъ быть!» . . . . . —
159. «Вотъ ужь и гробъ!.. и она» 288

XIII. Изъ странствованій. 289—298.

160. На берегахъ Нормандіи 291
161. «О вѣчно-ропщущій, угрюмый Океанъ!» 293
162. Альпійскіе ледники 294
163. Альпійская дорога 295
164. «Все—серебряное небо!» 296
165. «Здѣсь весна, какъ художникъ ужь славный, работаетъ тихо». 297

XIV. Неаполитанскій альбомъ. (Миссъ Мери). 299—354.

166. Донъ-Пеппино 301
167. «Боже мой, какая нѣга» 304
168. «Вотъ смотрите, о, миссъ Мери» 305
169. Къ миссъ Мери. (Романсъ донъ-Пеппино) 309
170. «Весь Неаполь залитъ газомъ» 311
171. «Я люблю въ Café d'Europa» 312

172. «Какое утро! Стихли громы» 314
173. Къ миссъ Мери 316
174. «Князь NN и графъ фонъ-Дум—енъ» 317
175. «Въ темный храмъ одинъ прокрался» 318
176. «Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно» 319
177. «Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли» 320
178. «Золотой архіепископъ» 322
179. Народная пѣсня 324
180. Еще изъ народной пѣсни 325
181. «Что́ за шумъ и крикъ, о Боже!» 326
182. «Вы повсюду—о, миссъ Мери!» 327
183. Два карлина 329
184. Тарантелла 333
185. Lacrymae Christi 337
186. «Все ты бредишь Англичанкой» 342
187. «Всѣмъ ты жалуешься вѣчно» 343
188. «Фердинандъ король былъ рыцарь» 344
189. «Внѣ ограды Campo Santo» 345
190. «Миссъ! не бойтесь легкой шутки!» 347
191. «Донъ-Пеппино Русской бредитъ» 348
192. «Пульчинель вскочилъ на бочку» 349
193. «Мнѣ Неаполь опротивѣлъ» 350
194. «Душно! иль опять сирокко?» 351
195. «Говорятъ, со всѣхъ соборовъ» 352
196. «Блеститъ салонъ княгини Зины» 353
197. «Народный вождь вступаетъ въ городъ» 354

XV. Дома. 355—376.

198. Мать 357
199. Весна 360
200. Вербная недѣля 362
201. Лѣтній дождь 363
202. Сѣнокосъ 364
203. Ночь на жнитвѣ 366
204. Въ степяхъ 368

205. Нива 373
206. «Дорогъ мнѣ, передъ иконой» 375

XVI. Страны и народы. 377—416.

207. «Сидѣли старцы Иліона» 379
208. Платона единственные два стиха, до насъ дошедшіе . . 381
209. Изъ Сафо 382
210. Рыцарь. (Изъ Bertrand de Born) 383
211. Изъ Петрарки 385
212. Мадонна 386
213. Миньона. (Изъ Гёте) 388
214. Изъ Гёте 390
215. Изъ Гёте:
1. «Эта маленькая Лилли» 391
2. «Надо кончить»—порѣшили» 392
216. Изъ Гафиза 394
217. Изъ испанской антологіи 395
218. Изъ турецкой антологіи 398
219. Двѣ бѣлорусскія пѣсни 400
220. Сонъ негра. (Изъ Лонгфелло) 405
221. Купальщицы. (Мелодія съ береговъ Ганга) 408
222. Изъ крымскихъ сонетовъ. Мицкевича 409
223. Разрушеніе Іерусалима 412
224. Валкиріи 414

XVII. Переводы и варіаціи. Гейне. 417—478.

225. Гейне. (Прологъ) 419
226. «Пора, пора за умъ мнѣ взяться!» 420
227. «Сердце, сердце! что ты плачешь?» 421
228. «Осенняго мѣсяца обликъ» 422
229. «Не теряй, мой другъ, терпѣнья» 424
230. «Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ» 425
231. На морѣ 426
232. «Осердившись, кастраты» 428
233. «Ну, время! конца не дождешься!» 429
234. «Плачу я, въ лѣсу блуждая» 431

235. «Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни» 432
236. «Я вглядываюсь жадно» 433
237. «Одинокая слезка» 434
238. «Въ толпѣ опять я слышу пѣсню» 435
239. «Что́ за милый это мальчикъ!» 436
240. «Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ» 438
241. «Меня ты не смутила» 440
242. «Ее въ грязи онъ подобралъ» 441
243. Невольникъ 442
244. «На мольбы мои упорно» 443
245. Лилія 444
246. Чайльдъ Гарольдъ 445
247. «Ночи теплый мракъ гвоздики» 446
248. «Онъ ужь снился мнѣ когда-то» 447
249. «Чуднымъ звукомъ даже ночи» 448
250. Король Гаральдъ 450
251. Али-Бей 452
252. «Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!» 454
253. «Изъ моей великой скорби» 455
254. «Посмотри: во всемъ доспѣхѣ» 456
255. «Ты быстро шла, но предо мною» 457
256. Весною 458
257. На горахъ Гарца 459
258. Романъ въ пяти стихотвореніяхъ 461
259. Старые знакомые 465
260. «Они о любви говорили» 467
261. «Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!» 469
262. «Краса моя, рыбачка» 470
263. Лорелея 471
264. Auf Flügeln des Gesanges 473
265. «Нежданной молніей, вполнѣ» 475
266. «Конецъ! опущена завѣса!» 477

XVIII. Excelsior. 479—516.

267. «О царство вѣчной юности» 481

268. «Чужой для всѣхъ» 482
269. Пустынникъ 484
270. Excelsior. (Изъ Лонгфелло) 485
271. «Куда бъ ни шелъ шумящій міръ» 488
272. «Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой Весны пролетѣли». . . . 490
273. «Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни» 491
274. «Вдохновенье—дуновенье» 492
275. Художнику 493
276. «Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ» 494
277. «Возвышенная мысль достойной хочетъ брони» 495
278. «Оконченъ трудъ—ужь онъ мнѣ трудъ постылый». . . . 496
279. «Не отставай отъ вѣка»—лозунгъ лживый» 497
280. Перечитывая Пушкина 498
281. «Мы выросли въ суровой школѣ» 499
282. Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову 500
283. Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу. 501
284. К. Р. 502
285. Отвѣтъ. (К. А. Дворжицкому) 504
286. Отвѣтъ Л. 505
287. «Мысль поэтическая—нѣтъ!» 507
288. «Воплощенная, святая» 508
289. «Вчера—и въ самый мигъ разлуки». 510
290. «Изъ темныхъ долинъ этихъ взоръ» 511
291. В. и А. 512
292. «Оставь, оставь! на вдохновенный» 515
293. Моему издателю (А. Ѳ. Марксу) 516

XIX. Акварели. 517—538.

294. Айвазовскому 519
295. Мертвая зыбь 521
296. «Надъ необъятною пустыней Океана» 522
297. Денница 523
298. Олимпійскія игры 524
299. Жанна д'Аркъ. (Отрывокъ) 525
300. Renaissance. (Къ юбилею Рафаэля Санціо) 526

301. Гроза 528
302. «Ужь побѣлѣли неба своды» 530
303. «Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній». (Мотивъ Коппе́). 531
304. Сиротка 532
305. «Дѣвочка—братьямъ и другъ, и примѣръ: лепетать только стала» 533
306. У Мраморнаго моря: 1. «Все—горы, острова—все утренняго пара» 534
307. 2. «Румяный парусъ тамъ стоитъ» . 535
308. 3. «Заалѣлъ, горитъ востокъ» . . . 536
309. На Чамлиджи 537
310. На пути по берегу Коринѳскаго залива 538

XX. Альбомъ Антиноя. 539—546.

311. 1. «Высокая пальма» 541
2. «Одинъ безъ силъ въ пустынѣ знойной» 542
3. «Вдоль надъ рѣкой быстроводной». 543
4. «Смерти нѣтъ! Вчера Адонисъ». . . . . —
5. «Вы разбрелися, овцы заблудшія». 544
6. «Ты не въ первый разъ живешь». . . . . —
7. «Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ» 545
8. «Смотри, смотри на небеса». 546

XXI. Вѣчные вопросы. 547—558.

312. Вопросъ 549
313. «Для нихъ свобода—что видѣнье» 550
314. Мани-ѳакелъ-фаресъ 551
315. Ex teneBris lux 554
316. Разсказъ духа. (Отрывокъ) 556

XXII. Наброски. 559—566.

317. «Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что̀ ты такое?» . . 561
318. «О, трепещущая птичка» 563
319. «Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ—извини, не повѣрю». 564
320. Гр. О. А. Г. К—й 565
321. «Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути» 566

XXIII. О, память сердца! ты сильнѣй. 567—578.

322. Изъ письма 569
323. «Улыбки и слезы!.. И дождикъ и солнце!» 570
324. «О морѣ! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй» 571
325. «Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ» 573
326. «Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы!» 574
327. «Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ» 575
328. «Внѣ долга—жизни и не зная» 576
329. «Туманомъ мимо звѣздъ сребристыхъ проплывая» . . . 578

XXIV. Изъ Аполлодора Гностика. 579—600.

330. «Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ» . 581
331. «Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его—Богомъ» 582
332. «Милыхъ, что́ умерли» 583
333. «Не говори, что нѣтъ спасенья» 584
334. «Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце» . 585
335. Эпитафія 586
336. «Заката тихое сіянье» 587
337. «Выше, выше въ поднебесной» 589
338. «Катись, катися надо мной» 590
339. «Поэзія—вѣнецъ познанья» 591
340. «Пиръ у васъ и ликованья» 593
341. «Прочь идеалы!..» Грозный кликъ!» 594
342. «Творца, какъ духа, постиженье» 596
343. «Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья» 598
344. «Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ» 599

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ, которой были милы
Мой первый лепетъ, первый стихъ,
Кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ
Провидѣлъ дремлющія силы,
Кто сердца трепетомъ слѣдилъ,
Какъ крѣпъ мой даръ въ огнѣ науки,—
Я вдохновеній вольныхъ звуки
Тебѣ смиренно посвятилъ.
Привѣтствуй ихъ своей улыбкой,

И словомъ мира и любви
Ихъ въ новый путь благослови,
Дорогой скользкою и зыбкой!
Такъ скромные дары боговъ,
Кошницы собранныхъ плодовъ,
Богамъ же чтитель ихъ приноситъ;
Ихъ оросивъ виномъ златымъ,
Глядитъ, какъ съ камня вьется дымъ,
И даръ пріятъ въ молитвѣ проситъ.

1842.

I.

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

РАЗДУМЬЕ.

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ его заблещетъ; нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ...
Не грозенъ для него свѣтильникъ Эвменидъ:
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенники неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.

Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

1841.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,—
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

1839.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по-вѣтру.... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ—въ забытые чертоги
Вселились,—новые, невѣдомые боги!

Ораніенбаумъ.
1839.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынной,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметь
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

1838.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Въ забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое въ немъ вижу опять;
Но странно, неловко и мило мнѣ снова
Во образѣ прежнемъ себя узнавать....
Такъ путникъ приходитъ чрезъ многіе годы
Подъ кровли отеческой мирные своды.
Заборъ его дома травою обросъ,
И привязи псовъ у крыльца позабыты;
Крапива въ саду прорастаетъ межъ розъ,
И ласточекъ гнѣзда надъ окнами свиты;
Но все въ тишинѣ ему кажется вкругъ—
Что живъ еще встарь обитавшій здѣсь духъ.

1838.

ГЕЗІОДЪ.

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали генія младенческія силы;
И нимфы юныя, толпою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками соплетясь у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вкругъ и пѣли,
Амброзіей дитя поили и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумятъ изъ урнъ каскада воды,
Лелѣяли его младенческіе годы...
И рано лирою пѣвецъ овладѣвалъ:
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,
Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.

1839.

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшіе листья
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда...
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленыя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ испугана, въ чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро кидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

1840.

Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ.
Но день померкъ; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальціоны:
Напрасно!.. Мѣсяцъ всталъ, сребрился и угасъ;
Рѣдѣла ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяныя врата
Младого дня, изъ косъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синія долины и лѣса:
Ты не являлась...

1841.

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ на досугѣ;
Ставь передъ нами изъ глины кувшины простые
Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что такъ звонко межъ камнями льется,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыя липы!
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.

1841.

ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ;
На главахъ смоляного бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора;
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Заливъ почіетъ въ берегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ хо̀лма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ...

Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ сосенъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О други! въ поле! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...
Чу! въ рощѣ голосъ заунывной
Весенней иволги гремитъ!

1838.

ПРІАПУ.

Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ,
Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Пріапу.
Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель
Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ,
Юнымъ деревьямъ дастъ силу расти, увѣнчаетъ
Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣситъ.
Подлѣ статуи, изъ грота шумя, упадаетъ
Ключъ свѣтловодный; его осѣняютъ вѣтвями
Дубы; на нихъ свои гнѣзда дрозды укрѣпляютъ...
Будь благосклоненъ, хранитель пустыннаго сада!
Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградной,
Плюща и желтыхъ колосьевъ! пролей свою благость
Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступъ садовый и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженныя туго плодами корзины.

1840.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его возлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

1840.

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, откуда струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенитъ и брызги бьетъ,
То прыгаетъ змѣей, то нитью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза,
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средь длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
Разрозненныхъ въ корняхъ, но сплетшихся вѣтвями...
Я вижу, кажется, въ чащѣ, поросшей мхомъ,
Дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листами,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,
Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,
И Пана кроткаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розъ и изъ плюща,
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

1840.

(Изъ Андрея Шенье).

Я былъ еще дитя: она уже прекрасна...
Какъ часто, помню я, съ своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя съ ней, рѣзвясь,
Младенческой рукой запутывалъ не разъ
Я локоны ея. Персты мои скользили
По груди, по челу, межъ пышныхъ розъ и лилій...
Но чаще посреди поклонниковъ своихъ
Надменная меня ласкала, а на нихъ
Лукаво-нѣжный взоръ поднявъ какъ-бы случайно,
Дарила поцѣлуй, съ насмѣшливостью тайной,
Устами алыми младенческимъ устамъ.
Завидуя въ тищи божественнымъ дарамъ,
Шептали юноши, сгорая въ нѣгѣ страстной:
«О, сколько милыхъ ласкъ потеряно напрасно!»

1840.

ОВИДІЙ.

Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою,
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ роднóмъ?
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать?.. О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегѣ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!..
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услыхать страны родимой звуки,
Свои элегіи читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена, —
И вотъ — мнѣ кажется, что дымная лачуга
Присутствіемъ гостей невидимыхъ полна.

1841.

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

1841.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

1841.

ВАКХАНКА.

Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканѳомъ и плющомъ власы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышитъ виноградъ на персяхъ у нея,
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! лишь слышны изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій...

1841.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Откуда ты, о ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору-ль льдяную растопилъ?
Земли-ль изъ сердца ключъ шипящій
Истоки тайные пробилъ?
Откуда-бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать наядѣ иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ;
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть,
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студеной влагѣ погружать.

Таковъ и ты, о стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То тайно всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой лепетъ складной,
Въ тебѣ усладу почерпать.

1841.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель
Насъ земля пріемлетъ:
Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ
На груди родимой.
Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,
И сотрется имя;
Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузитъ въ раздумье и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

1841.

МЫСЛЬ ПОЭТА.

О мысль поэта! ты вольна,
Какъ пѣсня вольной гальціоны!
Въ тебѣ самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажетъ молніи: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажетъ горному орлу:
Ты не ширяй подъ небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блескѣ розовой зари?

1839.

ВАККЪ.

Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ,
Сынъ Зевса былъ вручен элидскимъ ореадамъ.
Сокрытый отъ людей, сокрытый отъ боговъ,
Онъ росъ подъ говоръ водъ и шелестъ тростниковъ.
Лишь мирный богъ лѣсовъ, надъ тихой колыбелью,
Младенца услаждалъ волшебною свирѣлью...
Какой отрадою, средь сладостныхъ заботъ,
Онъ нимфамъ былъ! Глухой внезапно ожилъ гротъ.
Тамъ, кожей барсовой одѣтый, какъ въ порфиру,
Съ тимпаномъ, съ тирсомъ онъ являлся божествомъ.
То въ играхъ хмелемъ и плющомъ
Опутывалъ рога, при смѣхѣ нимфъ, сатиру,
То гроздія срывалъ съ изгибистой лозы,
Ихъ связывалъ въ вѣнокъ, вѣнчалъ свои власы,
Иль нектаръ выжималъ, смѣясь, своей ручонкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей среброзвонкой,
И тѣшился, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ, прозрачный, какъ слеза.

1840.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На домы, крытые ковромъ младого снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ-будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою:
Тамъ по льду гладкому и скользкому рѣки
Свистятъ и искрятся визгливые коньки;

На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухого хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

1839.

ДУМА.

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младыя грозы.
Тамъ — солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ и сладость слезъ!

1841.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ — поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ — красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня

Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

1839.

ПЛЮЩЪ.

Зачѣмъ, о плющъ, лозой своей
Гробницы мраморъ повиваешь,
И прахомъ тлѣющихъ костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше-ль тамъ, у звонкихъ струй,
У грота, подлѣ водопада,
Гдѣ тайно юношѣ наяда
Даритъ свой влажный поцѣлуй,
Тебѣ гранитовый осколокъ
Кудрявой зеленью убрать,
Или надъ ними брачный пологъ
Прозрачныхъ листьевъ разостлать?
«Прекрасенъ звукъ рѣчей нескромныхъ,
Свиданья тайныя въ тѣни;
Но мнѣ милѣй на листьяхъ темныхъ
Слеза прощальная любви:
Пріявъ на зелень молодую,
Ее какъ жемчугъ я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всѣмъ забытое люблю!»

1841.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

О друга! прежде чѣмъ покинемъ мирный кровъ,
Гдѣ тихо протекли дни нашего бездѣлья
Вдали отъ шумнаго движенья городовъ,
Ихъ скуки злой, ихъ ложнаго веселья,
Послѣдній кинемъ взглядъ съ прощальною слезой
На бывшій нашъ эдемъ!.. Вотъ домикъ нашъ укромной:
Пусть вѣкъ благой пенатъ хранитъ его покой,
И грустная сосна объемлетъ вѣтвью темной!
Вотъ лѣсъ, гдѣ часто мы внимали шумъ листовъ,
Когда сквозитъ межъ нихъ лучъ солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной съ любовью вожделѣнной,
О вѣтви мирныя таинственныхъ дубровъ!
Шуми, мой свѣтлый ключъ, изъ урны подземельной
Шуми, напомни мнѣ игривою струей
Мечты настроены подъ сладкій говоръ твой,
Унывно-сладкія, какъ пѣсни колыбельны!..

А тамъ,—тамъ, на концѣ аллеи липъ и ивъ,
Колодезь межъ деревъ, гдѣ часто, ночью звѣздной,
Звенящій свой кувшинъ глубоко опустивъ,
Дочь поля и лѣсовъ, склонясь надъ темной бездной,
Съ улыбкой образъ свой встрѣчала на водахъ
И любовалась имъ, и тайно помышляла
О стройномъ юношѣ,—а небо обвивало
Звѣздами ликъ ея на зыблемыхъ струяхъ.

1841.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой...
Добрый Панъ! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

1840.

Я знаю, отчего у этихъ береговъ
Раздумье тайное объемлетъ духъ пловцовъ:
Тамъ нимфа грустная съ распущенной косою,
Полузакрытая пѣвучей осокою,
Порою пѣснь поетъ про шелкъ своихъ власовъ,
Лазурь заплаканныхъ очей, жемчугъ зубовъ,
И сердце полное любви нераздѣленной.
Проѣдетъ ли челнокъ — пловецъ обвороженный,
Ея заслушавшись, перестаетъ грести;
Замолкнетъ ли она—но долго на пути
Ему все чудятся напѣвы надъ водою
И нимфа въ камышахъ, съ распущенной косою.

1841.

ГОРЫ.

Люблю я горныя вершины.
Среди небесной пустоты
Горятъ ихъ странныя руины,
Какъ недоконченны мечты
И думы Зодчаго природы.
Тамъ недосозданные своды,
Тамъ великана голова
И неизваянное тѣло,
Тамъ пасть разинутая льва,
Тамъ профиль дѣвы онѣмѣлый...

1841.

ДІОНЕЯ.

Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.
Если ты въ циркѣ на бой гладіаторовъ смотришь, иль внемлешь
Мудрымъ урокамъ въ лицеѣ, иль учишься мчаться на коняхъ,—
Плачетъ, ни слова не скажетъ! Когда же въ пыли ты вернешься,—
Вдругъ оживетъ, и соскочитъ, и кинется съ воплемъ,
Крѣпче, чѣмъ плющъ вкругъ колонны, тебя обвиваетъ руками:
Слезы на длинныхъ рѣсницахъ, въ устахъ поцѣлуй и улыбка.

1840.

НА ПАМЯТНИКѢ.

Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно
Свирѣли скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; онъ пѣлъ про плескъ ручья,
Помоной щедрою убра́нныя поля,
Про ласки юныхъ дѣвъ и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожныя заботы.

1842.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной,
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ ужъ зорекъ не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ легкіе пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не верескъ, не цвѣты пестрѣютъ по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та-жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

1841.

Пусть полудикіе Скиѳы, съ глазами налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьянаго пира—
Други! оставимте имъ, дикарямъ кровожаднымъ, обычай
Сладкія Вакховы вина румянить пирующихъ кровью...
Бранныя копья средь кубковъ и факеловъ пира!..
Гдѣ мы, скажите?.. Какое безумство! веселье—и битва!
Полноте спорить! умолкните, други! вражду утопите
Въ чашахъ, у коихъ, чѣмъ болѣе пьете, все глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрыя головы важно и тяжко уставивъ.

1841.

ЧЕРЕПЪ.

Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ.
Замогильный
Гость, выходи-ко! Вокругъ тебя панцырь, перчатки и
бердышъ —
Пусть истлѣваютъ! Тебя-жъ отлучу я, о черепъ, отъ тлѣна!
Ты не услышишь ни кликовъ воинскихъ, ни бранныхъ
ударовъ.
Мирно лежи у подножія лиры эллинской и миртомъ
Вѣчно-зеленой Эллады вѣнчайся, порой наполняясь
Гулкимъ отвѣтомъ на струны ея, потрясенныя вѣтромъ.
Также не въ вѣчныхъ ли миртахъ, не въ звукахъ ли
горнихъ гармоній,
Прежній хозяинъ твой, духъ, утопаетъ теперь?...

1840.

ПОЭЗІЯ.

Люби, люби каменъ, кури имъ ѳиміамъ!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы намъ
Панорма небеса, Ѳетиды блескъ невѣрный,
И виноградники богатаго Фалерна,
И розы Пестума, и въ раскаленный день
Бландузія кристаллъ, и миръ его прохлады
И Рима древняго священныя громады,
И утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень.

1840.

БАРЕЛЬЕФЪ.

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его,
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ,
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ.
Отчекань: въ саду пустынномъ,
Между лозъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти возлѣ бочки винной;
Фавны съ хмелемъ на челѣ;
Вакхъ подъ тигровою кожей
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

1842.

Е. П. М.

Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ...
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благости небесъ, величіи природы,
И, подъ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣсного озера и верхи соснъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безсмысленно гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ...

Но послѣ, далеко отъ милыхъ сихъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо мной встаютъ

Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальнихъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...

1842.

II.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

САФО.

I.

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миртомъ убрала?...
Такъ! мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу мукъ:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, въ ней
Границъ холодныхъ не преступитъ:
Она безсмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потупитъ;
Не можетъ локоновъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ какъ-бы случайно
Широко ризы разметать.

1841.

11.

Звѣзда божественной Киприды!
Люблю я ранній твой восходъ,
Въ часы, какъ ночь своей хламидой
Востокъ туманный обовьетъ.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотитъ,
Гдѣ Вакхъ, въ вѣнцѣ изъ винограда
И тигра кожею покрытъ,
Съ кипящей чашей предсѣдаетъ.
Ты миръ вселяешь средь дубровъ,
Гдѣ нимфа робко пробѣгаетъ,
За ней влюбленный богъ лѣсовъ.
Твой лучъ дрожащій вызываетъ
Гимнъ Филомелы надъ ручьемъ.
Милѣй въ сіяніи твоемъ
Любви мечтательность и нѣжность,
И взоромъ отраженный взоръ,
Одежды легкая небрежность,
И полускромный разговоръ.

1841.

АНАКРЕОНЪ.

*
* *

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь — плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ —
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ — мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня-жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ теплой хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ
Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмель и хмель въ рѣчахъ.

1843.

ПРОПЕРЦІЙ.

I.

ТУЛЛУ.

Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно
Подъ сельскимъ портикомъ своимъ
За чашей греческою, полной
Лесбійскимъ сокомъ золотымъ.
Ты взоромъ слѣдуешь спокойно
За бѣгомъ лодокъ по рѣкѣ,
Пловцовъ внимая пѣсни стройной,
Ловя ихъ парусъ вдалекѣ,
Или любуясь важнымъ ходомъ
Влекомыхъ вервями судовъ,
И на привѣтствія пловцовъ
Главой киваешь мимоходомъ.

Но, другъ мой, Пафоса жрецу,
Мнѣ не вкусить тѣхъ наслажденій!
За то, когда на ложѣ лѣни,
Склонясь ко мнѣ, лицомъ къ лицу,
Задремлетъ Цинтія; когда я
Въ ея запутаю власахъ
Свои персты, въ тиши внимая
Сквозь-сонный лепетъ на устахъ,
И ей любуясь: что Пактолы
Златая розсыпь для меня,
Всемірный скиптръ, вѣнецъ тяжелый
И бармы пышныя царя!

1841.

II.

ЦИНТІИ.

О Цинтія! вдали отъ друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубыя,
Обнявшія брега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мнѣ-ль летятъ твои игривыя мечтанья?
Меня ли ищетъ взоръ на этихъ челнокахъ,
Мелькающихъ вдали на бѣлыхъ парусахъ?
Все та же-ль ты какъ въ часъ послѣдняго свиданья?
Быть-можетъ... страшная мечта!... передъ тобой
Иной на гимнъ любви киѳары строй наладилъ...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Онъ имя Цинтіи въ стихахъ моихъ изгладилъ...
Быть-можетъ, на брегу зелено-теплыхъ водъ,
Подъ тѣнью маслины, густымъ плющомъ увитой,
Довѣрчиво ему внимаешь ты—и вотъ,
Моя любовь и я, тобою все забыто!..

Прочь! прочь, коварный сонъ! разсѣйся ты какъ дымъ!
Иль лучше ты яви мнѣ Цинтію младую,
Какъ бродитъ, грустная, надъ озеромъ лѣснымъ,
И, въ легкомъ челнокѣ, равнину водяную
Браздя весломъ, собой любуется въ водахъ,
Теряя розаны въ взволнованныхъ струяхъ;
Иль въ полдень у ручья, за рощею зеленой,
Одежды сбросивши на бархатъ луговой,
Спускается въ ручей робѣющей ногой,
Невольнымъ визгомъ вдругъ долину оглашаетъ,
И, воды расплеснувъ, какъ лебедь выплываетъ.

1841.

ГОРАЦІЙ.

I.

Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?
Кто этотъ юноша, въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ,
Укрывъ свой челнъ въ кустахъ, взбѣгаетъ на утесъ
И въ гротѣ на скалѣ тебя онъ обнимаетъ?..
Какъ счастливъ онъ!.. любовь въ очахъ его горитъ!..
Но онъ, неопытный, не знаетъ, какъ невѣрно
То море! какъ оно обманчиво блеститъ,
Подобно женщинѣ, темно и лицемѣрно!
Твоя златая рѣчь — крыло его ладьи.
Онъ думаетъ найти любовь и наслажденье,
Но, Боже мой! онъ бурь не слышитъ приближенья,
Свирѣпыхъ моря бурь и страшныхъ бурь любви!
Но мнѣ ужъ этихъ грозъ не страшно дуновенье:
Я вышелъ на̀ берегъ, во храмъ; богамъ своимъ
Гирлянды возложилъ на жертвенникъ спасенья
И ризы влажныя развѣсилъ передъ нимъ.

1841.

II.

Легче лани юной ты
Убѣгаешь предо мною.
Залепечутъ ли листы,
Вѣтерокъ ли надъ водою
Пробѣжитъ, или въ кустахъ
Слышенъ ящерицы шорохъ —
Ужъ ее объемлетъ страхъ,
Гнутся ноги, огнь во взорахъ.
Но я жду, что на бѣгу
Ты оглянешься къ врагу,
И замедлишь шагъ и рядомъ
Вдругъ очутишься со мной,
Страхъ забывъ, потупясь взглядомъ,
Мнѣ внимая всей душой!

1841.

МАРЦІАЛЪ.

* * *

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней, —
Друга себѣ не ищи и ничьимъ не зови себя другомъ:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842.

ОВИДІЙ.

ПОСЛАНІЕ СЪ ПОНТА.

Здорово, добрый другъ! здорово, консулъ новый!
Я знаю, — въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь...
Увѣренъ, что купилъ народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злаченными рогами...
Но, если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручитъ,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою, —
Какъ встрѣтишь ты его? чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?

Что бъ ни было! ты все стоишь передо мною
Какъ прежній добрый другъ... и я кляну судьбу,
Стократъ ее кляну, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоемъ моихъ даровъ;
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи и голосомъ невѣрнымъ —
Отъ чувства полноты, — прочесть тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящіе цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящаго Эвксина
Да быта скиѳскаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!..
А пѣсни дикарей!.. Межъ Скиѳовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиѳъ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я пріучилъ его къ себѣ какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,
Я правлю, и на Пиндъ какъ вихорь онъ взлетаетъ...
Пойми меня, мой другъ! пойми: мой грубый стихъ
Не втунѣ ужъ звучитъ среди пустынь нагихъ,
А принятъ, повторенъ и понятъ человѣкомъ!
И Скиѳы дикіе, подобно древнимъ Грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!

Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима
И все, съ чѣмъ мысль моя вовѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
Я пѣлъ, какъ, побѣдивъ Батавовъ и Тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь римскихъ легіоновъ
И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу...
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали,
И изумленные, въ восторгѣ повторяли:
«Ты славишь Августа — зачѣмъ же ты не съ нимъ?»
То Скиѳы говорятъ, — а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынѣ...

1842.

ЭПИКУРЕЙСКІЯ ПѢСНИ*).

I.

Мирта Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя?
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златыя!

Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной.

1840.

*) Эти три стихотворенія, которыя я назвалъ «Эпикурейскими пѣснями», назначались въ поэму «Три Смерти», какъ бы сочиненіе Лукана; но одно за другимъ забраковывались. *Пр. авт.*

II.

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что̀ въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда—
Угоднѣе богамъ!

Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ! на звуки флейтъ и лиръ

Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О други! сыпьте розъ Гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ — этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

1840.

III.

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
Жизнь, душа моихъ пировъ,
Ты, мой маленькій философъ,
Пристыжаешь мудрецовъ
Разрѣшеньемъ ихъ вопросовъ,
Пытки мудрыхъ ихъ головъ!

И твержу я за тобою:
Смертный! съ жизнію земною
Ты не много разсуждай!
Раньше чаръ ея приманку
И смѣлѣе разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И изъ рукъ не выпускай!

Пусть, капризная, вертится,
И царапаетъ, и злится,
Ты покровъ съ нея сорви,
Мни гирлянды, плющъ и розы,
Въ мигъ всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Все безуміе любви!

Тѣ, которые узнали
Въ жизни бури вакханалій —
Нѣтъ ужъ новости имъ въ ней!
О людская безтолковость!
Смертный! знай, что въ жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный міръ тѣней.

1850.

III.

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО МІРА.

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Торжественъ, свѣтелъ и румянъ
Рождался день подъ небесами;
Бѣлѣлъ въ долинѣ вражій станъ
Остроконечными шатрами.
Въ уныньи горькомъ и слезахъ,
Я, плѣнникъ въ станѣ семъ великомъ,
Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
Напрасно, подъ покровомъ ночи,
Я звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
Напрасно сумрачныя очи
Искали древній нашъ Сіонъ...
Увы! надъ брегомъ Іордана
Померкло солнце прежнихъ дней;

Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
Не слышно лютень вдохновенныхъ,
Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
Порвались струны лиръ священныхъ —
Настало время слезъ и мукъ!
Но Ты, Господь, въ завѣтъ съ отцами,
Ты рекъ: «Не кину Свой народъ!
Кто сѣетъ горькими слезами,
Тотъ жатву радости сберетъ».
Когда-жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
Созовешь ко браннымъ знаменамъ
Оружеборцевъ молньекрылыхъ
На месть неистовымъ врагамъ?
Когда съ главы своей усталой
Израиль пепелъ отряхнетъ,
И зазвенятъ его кимвалы,
И съ звономъ арфъ онъ воспоетъ?

1838.

II.

(Къ картинѣ: Введеніе во храмъ).

Колыбель моя качалась
У Сіона, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;

Бѣлыхъ лилій Идумеи
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудеи
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;

Отчего-жъ порой грущу я?
Что̀ готовитъ мнѣ судьба?
Все смиренно, все приму я
Какъ Господняя раба!

1840.

III.

МОЛИТВА БЕДУИНА.

О солнце! твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ —
А море племенъ здѣсь клокочетъ и плещетъ...
Вдали отъ серебряныхъ рѣкъ и ручьевъ,
Тамъ бродитъ и гибнетъ въ степи караванъ позабытый:
Напрасно ждутъ люди отъ вихрей песчаныхъ защиты
Подъ грудью верблюдовъ и сѣнью шатровъ.

О солнце! накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагія; росой благовонной
Кокосъ нашъ и финикъ и пальму питай;
Смягчи серебро ты овновъ бѣлорунныхъ Кедара;
Верблюдамъ дай силу идти средь безводья и жара;
Конямъ легкость вѣтра пустыннаго дай!

Самума отъ насъ отврати ты заразы;
А къ вечеру звѣздъ сыпь на небѣ алмазы:
Пусть кроткій ихъ блескъ въ сѣнь радушныхъ шатровъ
Къ намъ путниковъ степи ведетъ на ночлегъ изъ-далека!
И ярче лей пурпуръ и розы съ златого востока
На люльки дѣтей и гробницы отцовъ!

1839.

IV.

ВЕРТОГРАДЪ.

Посмотри въ свой вертоградъ:
Въ немъ нарцисъ ужъ распустился;
Зеленъ кедръ; вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ;
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ снѣжномъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ соннымъ...
Вертоградъ свой отопри:
Чтобъ зацвѣсть, твой розанъ снѣжной
Ждетъ твоей улыбки нѣжной,
Какъ луча младой зари.

1841.

V.

ЕДИНОЕ БЛАГО.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталой
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой!

1837.

VI

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣчный стражъ ея отъ вѣка;
Другой — во всемъ величьи зла,
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому-жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ-ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ.
Такъ лучезаренъ и могучъ!

1841.

IV.

ЭЛЕГІИ.

I.

ИСПОВѢДЬ.

Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: все тщетно! Тяжкихъ узъ
Мой духъ чуждается... Когда на взоръ мой томный
Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной, —
Я самъ не свой! Прости Сенека, Локкъ и Кантъ,
И пыльныхъ кодексовъ старинный фоліантъ,
Лицей блистательный и портикъ величавый,
И знаменитый рядъ именъ, вѣнчанныхъ славой!
Опять ко мнѣ прійдутъ игривая мечта,
И лики блѣдные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепетъ сладкой нѣги,
И стихъ таинственный задумчивыхъ элегій.

1841.

II.

* * *

О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю,
О чемъ, при свѣтѣ дня, всечасно помышляю,
То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
Ты, другъ мой вѣтреный, услада днéй моихъ,
Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
А то разскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ молчаньи
Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

1841.

III.

* * *

Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума,
Меня гнететъ одна мучительная дума?
Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
Иль міра торжество не праздникъ для меня?..
Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
Кто, волей оторвавъ сомнѣнія ума,
Святую Библію читаетъ съ умиленьемъ,
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу завѣтную, и плакалъ передъ нимъ.

1841.

IV.

ЖИЗНЬ.

Грядущихъ нашихъ дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебнаго ихъ сна
Не будитъ ранній вѣтръ, играя съ камышами.
Пытливый юноша, годовъ пронзая мглу,
Подходитъ къ берегамъ, разводитъ осторожно
Густыя вѣтви ивъ и мыслію тревожной
За взоромъ слѣдуетъ... По водному стеклу
Аврора пурпуръ свой разсыпала струисто...
Какъ темны гряды скалъ! какъ небо золотисто!
Какъ стаду мелкихъ рыбъ, блистая въ серебрѣ,
На солнцѣ радостно играть и полоскаться!
Но... юноша, бѣги! на утренней зарѣ
Опять не приходи смотрѣть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шопоту деревъ и плеску волнъ шумливыхъ;

А тамъ, подъ образомъ блестящей красоты,
Съ приманкою любви, съ приманкой ласкъ стыдливыхъ,
Красавицъ легкій рой мелькнетъ передъ тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
Съ родного берега... Паденья шумъ мгновенный,
Урчаніе и стонъ пучины пробужденной
Окрестность огласитъ, и скоро смолкнетъ онъ,
И стихнетъ все. И что-жъ, подъ зеркаломъ кристалла,
Увидишь ты?.. Увы! исчезнетъ все какъ сонъ!
Ни рощъ коралловыхъ, ни храмовъ изъ опала,
Ни скалъ, увѣнчанныхъ въ златые тростники,
Ни нимфъ, свивающихъ въ гирлянды и вѣнки
Подводныя причудливыя травы...
Нѣтъ! ты падешь къ однимъ скаламъ нѣмымъ,
Къ растеньямъ, дышащимъ губительной отравой:
И, вызвана паденіемъ твоимъ,
Толпа алкающихъ чудовищъ
На жертву кинется, низвергнутую къ нимъ
Приманкой красоты и счастья, и сокровищъ.

1841.

V.

БЕЗВѢТРІЕ.

Какъ часто возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ,
Мой духъ кипитъ въ избыткѣ силъ!
Онъ рвется въ облака мучительнымъ желаньемъ,
Онъ жаждетъ воли, жаждетъ крылъ.
О! молодая мысль съ презрѣньемъ и тоскою
Глядитъ на жизни темной даль,
На трудъ, лелѣемый пурпурною зарею,
На скорбь, на радость, на печаль...
Питая свой восторгъ, безумный и строптивый,
Мятежно рвется въ высь она...

Въ чертоги вымысла влекутъ ее порывы —
Ужъ вотъ предъ ней блеститъ волна,
Корабль готовъ отплыть, натянуты канаты,
Вотъ якорь поднятъ... съ береговъ
Народъ подъемлетъ крикъ... вотъ паруса подъяты:
Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ грудь валовъ
Кормою разсѣкать... на палубѣ дрожащій
Пловецъ желаніемъ горитъ;
«Простите берега!..» Но — моря въ влагѣ спящей
Ни зыби вкругъ не пробѣжитъ,
Не будитъ вѣтерокъ игривыми крылами
Отяжелѣвшихъ моря водъ,
И туча сизая съ сребристыми кудрями
Грозы дыханьемъ не пахнетъ...
На мачтѣ паруса висятъ и упадаютъ
Безъ силы долу... и пловецъ
Въ отчаяньи глядитъ, какъ воды засыпаютъ
Вездѣ недвижны, какъ свинецъ;
Глядитъ на даль... но тамъ лишь чаекъ слышитъ крики
И видитъ рѣзкій ихъ полетъ.
Вдали теряется въ извивахъ берегъ дикій:
Тамъ безпредѣльность настаетъ...
Онъ смотритъ съ грустію — ни облака, ни тучи
Не всходитъ въ синихъ небесахъ,
Не плещетъ, не шумитъ на мачтѣ флагъ летучій...

Ужъ ночь ложится на водахъ:
Онъ все еще глядитъ на руль, гдѣ клубы пѣны
Облиты мѣсячнымъ лучомъ,
На мачты тонкій верхъ туманомъ покровенный,
На флагъ обвившійся кругомъ...

1839.

VI.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились: въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго идоломъ забытымъ любовался,
И онъ мнѣ изъ кустовъ лукаво улыбался.

Мнѣ стало жаль его. «Ты нѣкогда былъ богъ,
Циническій кумиръ! Тебѣ, при флейтѣ звонкой,
Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
На камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка
И кровью орошалъ тебя... О! разскажи:
Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда — бывали ближе-ль къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья?
Иль вѣкъ одни и тѣ-жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?.. Потомъ была пора,
Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,
Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали
Тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ,
И римскихъ цезарей и греческихъ боговъ;
А все смѣялся ты, умильно осклабляясь...
Ты видѣлъ бальный блескъ. По саду разливаясь,
Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья...
Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ
Ненарушимыми? любовь въ сердцахъ у нихъ
Горѣла вѣчно ли, и долѣе-ль, чѣмъ имя

И увѣренья ихъ, на мраморѣ твоемъ
Напечатлѣнныя и... смытыя дождемъ?
Иль, можетъ-быть, опять подъ липами твоими
Являлися они, условившись, съ другими?
И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?
. . . . . .

Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошалъ,
А циникъ мраморный язвительно смѣялся.

1841.

VII.

ПРИЗВАНІЕ.

Шумя, на полныхъ парусахъ,
Какъ на распущенныхъ крылахъ,
Летѣлъ корабль, безстрашно споря
Съ волнами дѣвственнаго моря.
Казалось, чуждо было имъ
Досель невѣдомое бремя;
Спокойно вѣнчанное темя
Онѣ склоняли передъ нимъ.
Былъ вечеръ. Палуба безмолвна:
Одинъ пловецъ въ плащѣ стоялъ
И взоръ на западъ устремлялъ,
Гдѣ вечеръ гасъ, краснѣли волны.
Онъ видитъ—слѣва, между водъ
Громады скалъ. Ихъ очеркъ странный

Ему знакомъ. Въ выси туманной
Изъ-за утесовъ возстаетъ
Нѣмая конная статуя,
Одѣта броней, со щитомъ,
И гордо каменнымъ перстомъ
Ему на западъ указуя.
Корабль летѣлъ, за водный склонъ
Зеленый островъ погружался,
Тонули скалы: только онъ,
Недвижный всадникъ, оставался,
На дальній западъ обращенъ.

И понялъ странствователь свѣта
Сокрытый смыслъ скалы нѣмой:
То Божій перстъ! не столпъ запрета!..
Впередъ! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни ядъ, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни въ гнѣвѣ небеса
Его полетъ не устрашали.
Онъ плылъ... И скоро, будто дымъ,
Подъ небомъ вечера златымъ
Открылись очерки утесовъ,
Подъ сѣнью пальмъ, въ вѣнцѣ кокосовъ.
И пали ницъ пловцы предъ нимъ,

Познавъ въ немъ Божьяго пророка...
Что̀-жъ думалъ онъ, пловецъ высокій,
Когда на землю онъ взиралъ,
Молился, и рукою смѣлой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесовъ знамя водружалъ?

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
Свое призванье въ жизни сей,
И смѣло шелъ между зыбей
Къ предѣлу избранныя цѣли;
Кто къ ней всегда руководимъ
Единой мыслью неизмѣнной,
Какъ Генуэзецъ, вдохновенный
Гранитнымъ всадникомъ своимъ!

1841.

V.

ОЧЕРКИ РИМА.

I.

НА ПУТИ.

Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой,
Съ какою завистью гляжу на домикъ твой!
Не здѣсь ли счастіе? Лишь съ юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
Съ холмовъ межь зеленью младою утекутъ,
Твой столъ обѣденный искусно уберутъ
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоихъ игривыя затѣи,
И стадо даръ несетъ, съ полей его собравъ,
Дышащій запахомъ новорожденныхъ травъ;
И голосъ соловья въ саду звучитъ и блещетъ.
И ласточекъ семья подъ кровлею щебечетъ,
И пчелы шумною гирляндою летятъ
Къ цвѣтущимъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ...
Ты любишь ближняго, и гордъ своей свободой,
Ты все нашелъ, чего вѣками ждутъ народы...

1843.

II.

CAMPAGNA DI ROMA.

Пора, пора! ужъ утро славитъ птичка,
И свѣжестью пахнуло мнѣ въ окно.
Изъ города зоветъ меня давно
Къ полямъ широкимъ старая привычка.
Возьмемъ коней, оставимъ душный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышимъ полевымъ.

О! какъ легко! какъ грудь свободно дышетъ!
Широкій горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,
Земля горитъ и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи снѣговѣнчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодныя поля,

И будто нищій съ ризою раздранной,
Обломокъ башни, обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ смѣлыхъ сводовъ.
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...
Величіе и ужасъ запустѣнья...
Угрюмаго источникъ вдохновенья...
Все тяжко спитъ, все умерло почти...
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселянина,
И долго дикій всадникъ за горой
Виднѣется въ плащѣ и съ палкой длинной,
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины
Еще монахъ усталый и босой,
Окутавшись широкимъ капишономъ,
Заснулъ, склонясь на камень головой,
А вдалекѣ, подъ синимъ небосклономъ,
На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
Вошелъ я внутрь руинъ, безвѣстныхъ мнѣ.
Я былъ объятъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
Такъ сладостно!.. Тутъ цѣлый міръ видѣній!..

То циркъ былъ нѣкогда; теперь онъ опустѣлъ,
Полынь и тернъ усѣлись на ступени,
Тамъ, гдѣ народъ ликующій шумѣлъ;
Близъ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильницъ и амфоръ:
Какъ будто бы они здѣсь возсѣдали
Еще вчера, увеселяя взоръ
Ристаніемъ... но по аренѣ длинной
Цвѣтистый макъ пестрѣетъ межь травой
И тростникомъ, и розой полевой;
И рыщетъ вѣтръ, одинъ, что конь пустынный.
Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
Съ чернокудрявой, смуглой головой,
Пасетъ ребенокъ козъ пугливыхъ стадо.
Трагически ко мнѣ онъ руку протянулъ,
«Я голоденъ» — со злобою взывая.
— «Я голоденъ!»... Невольно я вздохнулъ,
И нищаго, и циркъ обозрѣвая,
Промолвилъ: «вотъ она—Италія святая!»

1844.

III.

* * *

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ
Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну, вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль
завѣса;
Въ срединѣ, межь двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.
Къ фонтану альбанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ
тѣни
Покрова сіяютъ у ней! что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!)
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой

Вечернимъ лучомъ головѣ... Художникъ (должно быть, германецъ)
Спѣшитъ срисовать ихъ, довольный, что случай нежданно
Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣпую рожу тритона,
Альбанокъ и даже—его самого съ его кистью!

1844.

IV.

AMOROSO.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душитъ запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озаритъ
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланитъ.

Выглянь! глазками легонько,
Или пальчикомъ грозя,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай мнѣ знать, краса моя!

О, какъ много бъ при свиданьѣ
Я хотѣлъ тебѣ сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
И гитары тихій звонъ...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?.. заснулъ ужь онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной.
Промелькнула предъ окномъ;
Слышу, съ лѣстницы проворно
Застучала башмачкомъ..

1845.

V.

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ВАТИКАНСКАГО МУЗЕЯ.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной...
Я видѣлъ ихъ: въ землѣ отрытые антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грознаго властителей священныхъ,
Весталокъ дѣвственныхъ, Вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межь пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой, и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль, и чувство въ нихъ скрывались...
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій...

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
Гдѣ боги межь людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно,
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
Курился мурры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной...

Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ Скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

1845.

VI.

* * *

На дальнемъ Сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду;
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,
И олеандръ блестѣлъ цвѣтами;
Густаго мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли
Какъ будто плавали вдали
И акведуки, и руины...
При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньѣ:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ»...

1844.

VII.

НИЩІЙ.

Дряхлъ старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молитъ помощи онъ именемъ Мадонны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
Два дома выстроилъ, и третій кончитъ скоро,
Женилъ двухъ сыновей, и внучекъ любитъ страхъ.
На пышной лѣстницѣ стариннаго собора,
Красиво развалясь на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
Казалось, онъ заснулъ... А тутъ, въ его ногахъ,
Сидѣла дѣвочка. Подъ этимъ жгучимъ жаромъ —
Съ открытой шеею, съ открытой головой,
Съ обрывкомъ на плечахъ какой-то ткани грубой, —
Но — волосы, глаза — и точно перлы зубы, —

И взглядъ, поднявшійся на насъ какъ бы съ мольбой —
«*Его* не разбудить». — Худыя ноги, руки —
Мурильо!.. Но старикъ Джузеппе не дремалъ:
Во всемъ величіи отчаянья и муки
Онъ вдругъ приподнялся и глухо простоналъ:
«Я три дня голодалъ»... Рѣсницы опустила
Невольно дѣвочка — и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула, и что-то намъ хотѣла,
Казалося, сказать — но говорить не смѣла,
И — быстро спряталась въ лохмотья старика...

1844.

VIII.

КАПУЦИНЪ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ работнною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ слезы проливалъ, полнъ рвенія святаго,
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятьямъ и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой,
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.

Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчикъ, ростовщикъ,
Тамъ, блѣденъ, слезы лилъ разбойникъ закоснѣлой;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
Что̀ плачешь ты? о чемъ? Бѣды-ль тебя нежданной
Томитъ предчувствіе? Иль, съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой напугалъ теперь раскрытый свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройти чрезъ тотъ же путь, и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

1844.

IX.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пеппо, выпьемъ!... Видишь, буря
Разыгралася въ горахъ!
Въ блескѣ молній, очи жмуря,
Кони бѣсятся впотьмахъ.

Что̀ колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?
Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боясь суда людскаго,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь...

Вѣдь таковъ и левъ свирѣпой;
Былъ Андроклъ... слыхалъ ли ты?..
Нѣтъ? Такъ выпьемъ лучше, Пеппо,
Безъ ученой пустоты!

1811.

X.

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что̀ тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!..
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что̀ въ сердцѣ—не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!

Я любви не числю и не мѣрю;
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.

Я люблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!..

Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ ввѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя ввѣкъ...

1845.

XI.

НИМФА ЭГЕРІЯ.

Fecémmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ златаго дня,
И ночи тишь—все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ, съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ, на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый, иль смиренной.

Онъ иногда довольствомъ свѣтелъ былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Явилась я ему въ тотъ мигъ жестокій.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

«Ужель вѣкамъ пишу законъ громовый?
Чтобъ межъ людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?..»

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ и писалъ опять.

1844.

XII.

ТИВОЛИ.

Боже! какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины;
На этотъ городъ, прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ изящныхъ,
Маленькій храмикъ Цибелы, алтарь и статуи —
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!...
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, и ничто въ этой бѣдной природѣ

Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ этой
Виллы обломки: «здѣсь нѣкогда, съ чашей Фалерна,
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Туллій отыскивалъ тайны законовъ созданья»;
Розы лепечутъ: «вѣнчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
Сладко поющихъ Милета и Делоса дщерей,
Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла»;
Воды: «подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Горацій»;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
«Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
Жрецъ многодумный таинственно въ лунныя ночи
Слушалъ глаголы богини, и послѣ вѣщалъ ихъ
Робкой толпѣ со ступеней Цибелина храма...
Въ нѣдрахъ горы, между тѣмъ, собирались, какъ тѣни,
Ратники новыя вѣры, и рабъ, и патрицій;
Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
Будто Везувій, во мракѣ клокочущій лавой —
И выходили потомъ, просвѣтленные свыше,
Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...»

1844.

XIII.

* * *

— «Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?»
— Она была прекрасна...
— «Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла-ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньѣ никогда,
Съ твоими горячо-ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда-бъ застали васъ,

Достало ли въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
Глядѣла ли въ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли въ она любви своей позоромъ?...
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!...»

— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады...

Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
— «И вы разсталися?»
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли — должны мы были замолчать...

— «Любить! Молчать!!... И вы любили?!... Боже,
Боже!...»

1844.

XIV.

ХУДОЖНИКЪ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Тщетно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что̀? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что̀? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

1845.

XV.

FIORINA.

«Смуглянка милая, я изъ страны далекой,
И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одинокой,
И все-то чудно мнѣ... Скажи, ты рождена
Въ долинѣ здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?»
— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А на̀ зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,
Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

1845.

XVI.

ДВОЙНИКЪ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотаго,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучшій вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что-жъ дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ...

А гдѣ же друзья? гдѣ она?.. отчего не явилась?.. Быть можетъ...
Вѣдь женское сердце и женская клятва, что̀ вѣтеръ...
Эхъ, сяду за кубокъ, одинъ я... Одинъ ли?.. А онъ, неотступный,
Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,
Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью...
Софистъ неотступный, оставь меня! Что̀ тебѣ пользы.
Хирургъ безпощадный, терзать мою душу?..

1844.

XVII.

LORENZO.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на брови надвину,
Плащъ широкій перекину
Чрезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббатъ,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ навстрѣчу полетятъ.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
Рѣчь — серебряная нить;
Знаю тайну всѣхъ уловокъ
Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...

Потоскуетъ сердце Нанны,
Знаю я... да что̀-жь мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что̀-жь за дѣло?
Молотокъ возьму я свой,
Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
У скульптора въ мастерской.

А наскучитъ — повалюся
Я на паперти церквей
И калѣкой притворюся,
Молъ, уродецъ съ дѣтскихъ дней!

Стыдно, что-ль? Пускай пеняютъ,
Что казны не клалъ подъ спудъ!..
А маркизы?.. Не узнаютъ!
А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что̀ мнѣ въ нихъ? всегда отъ Нанны,
Будь въ чести-ль, въ лохмотьѣ-ль я,
Я услышу: «другъ желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

1845.

XVIII.

* * *

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ, подъ землей,
Въ гробницахъ, въ циркахъ!.. Ну, пусть трудъ свершаютъ свой
Сопутники мои — этрурскій антикварій,
И нѣмецъ — кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общею въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...

И жаръ невыносимъ! вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шумя плющомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
А! вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
Домишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
Потомокъ Ромула, Помпея иль Нерона!
Стучусь. «Э-ге! кто тамъ! Signor padron! padrona!..»
О Римъ, о чудный край! все кажется здѣсь сномъ!
Передо мной стоитъ, съ широкими косами,
Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
Со смугло-палевымъ классическимъ лицомъ
И южной граціей движеній и улыбокъ...
А какъ роскошный станъ изваянъ!—какъ онъ гибокъ!..
Я съ жадностью слѣдилъ, какъ ставила она
Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
«Вы замужемъ?»—«Мой мужъ уѣхалъ въ городъ».—
«Долго
Пробудетъ?»—«Дня два, три...» Тутъ говорилъ я ей
О мнимой святости супружескаго долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,
Иль съ миной набожной серьёзно отвѣчала:

«Такъ Богъ велитъ». Потомъ, вдругъ пальчикъ свой
прижавъ
Къ устамъ и глазками на уголъ указавъ,
Шепнула: «Завтра». Я взглянулъ на уголъ темный,
И вижу, капишонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленья видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

1845.

XIX.

ГАЗЕТА.

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера — поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ
поколѣнья:
Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады, и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима
Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ
долетаютъ;
Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молніи стрѣлы
Тучи чертятъ, вѣковые лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ, и разгонятъ
Въ страхѣ людей, какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
Такъ бы хотѣлось туда! тоже смѣло бы, кажется, бросилъ

Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!... Поникнешь
въ раздумьѣ
Вдругъ головой: выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но, какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной
драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель — впрочемъ
великаго дѣла —
Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Наннѣ сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
Губки надувъ, и нарочно не смотришь мнѣ въ очи...
Мгновенно
Все позабудешь, и грязь, и величье общественной драмы;
Бросишься мигомъ тебя цѣловать. Ты противишься, съ
сердцемъ,
Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцѣлуевъ,
и послѣ
Легкой борьбы добровольно уступишь, и долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры, и брань.

1845.

XX.

АНТИКИ.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскали средь пепла и камней;
Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
Трудяся съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоцѣнные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ...
Творцы твои были, быть можетъ, честимы и славны,
На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили, какъ лучшіе гости!..
Иль, можетъ быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и, можетъ быть, поздно
Узнали ихъ геній... и имъ непзвѣстно осталось,
Какой ѳиміамъ воскуренъ имъ далекимъ потомствомъ,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго бога...

1843.

XXII.

* * *

Сижу задумчиво съ тобой наединѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы...
Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры...
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ —
Не дѣва юная... ты слышишь, призываетъ
Меня нѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

1843.

XXIII.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ,
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телѣгъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѳской капители
Рогатые волы, — въ смущеньи я читалъ
Всю лѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,

Въ благоговѣніи глядитъ, и, полнъ тревогъ,
Онъ мыслитъ: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ, —
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли —
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ,
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровъ и домъ, —
И кланялся сенатъ строптивому народу...

. . . . . .

Такимъ же кончилъ ты... Пускай со всей вселенной
Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
Пусть голосъ доблести уже толпы не движетъ;
Пускай Лициніа она цѣлуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,—
Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,

И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
«Покуда молоды — плюща и винограду!
Дооблачныхъ палатъ; танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что̀ можетъ дать намъ міръ!
И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы, —
И вкругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать».

1845.

XIV.

PALAZZO.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,

И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой,
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускшемъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;
Какъ будто говоритъ она: «здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...»

Та — жизни полная, и въ блескѣ самовластья —
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь —
И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души глубоко оскорбленной...

. . . . . .

И нынѣ пусто все въ блестящей галлереѣ...
На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
А вы — вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: «Италіи свобода!»
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!..
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно:
Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847.

VI.

ЖИТЕЙСКІЯ ДУМЫ.

I.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсенъ,
Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
Гдѣ-бъ былъ огонь и вдохновенье,
И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ-бъ походило все на бредъ,
Гдѣ-бъ каждый былъ хоть мигъ — поэтъ!
А то — сберетеся вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
Забава ихъ — хула и ложь;
Танцуетъ въ залѣ молодежь —
Дѣвицы съ устъ улыбку гонятъ,
По лицамъ ихъ не разберешь —

Тутъ веселятся иль хоронятъ...
Вы сами — бьетесь въ ералашъ,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздникъ званый вашъ!
Не даромъ, съ бала исчезая,
И въ санки быстрыя садясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричитъ: пошелъ въ танцклассъ!
А ваши дамы и дѣвицы
Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ
На пиръ разгульный модной львицы,
На золотой ея позоръ!

1850.

II.

УТОПИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
На попеченіе отдавъ,
Ты самъ межь ними чужеземцемъ
Проводишь вѣкъ — и что̀-жь? ты правъ...
Твои мечты витаютъ выше...
Что̀ передъ ними — нищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучъ завѣсу,
Сидишь съ собой наединѣ.

Сидишь — для міра вымышляя
И лучшій строй, и новый чинъ,—
И весь Олимпъ молчитъ, гадая,
Чѣмъ озабоченъ властелинъ?..
И лишь для рѣзваго Эрота —
У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
Спадаетъ съ грознаго лица.

1857.

III.

Передъ твоей душой пугливой
Титаномъ гордымъ онъ предсталъ,
Въ которомъ міръ непрозорливый
Родства съ богами не призналъ.
И ты, воспитанная въ горѣ,
Внезапнымъ свѣтомъ залита,
Въ замаскированномъ актерѣ
Не разгадала ты — шута!
И, какъ обманутая Геба,
Ты отъ Зевесова стола,
Скорбя, ему, какъ сыну неба,
Зевесовъ нектаръ подала...
Чтобъ заглушить его угрозы
Всему, что̀ дорого тебѣ,
Ты падаешь, глотая слезы,
Къ его стопамъ, въ нѣмой мольбѣ;

Но тщетно трепетныя руки
Зажать уста его хотятъ!
Твои младенческія муки
Его смѣшатъ и веселятъ...
Ему такъ новы — думъ свобода,
И свѣжесть чувствъ въ твоихъ рѣчахъ,
Какъ горожанину природа
Въ весеннихъ краскахъ и лучахъ.

1853.

IV.

Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!
У насъ сердецъ восторженный порывъ
Передъ твоимъ бездушьемъ замираетъ —
Ты желченъ, золъ, самолюбивъ...
Межь тѣмъ какъ мы, изъ жизненнаго мрака,
Стряхнувши прахъ вседневной суеты,
Вступаемъ въ царство свѣта — сзади ты
За икры насъ кусаешь, какъ собака.

1852.

V.

(Отрывокъ).

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами осыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну;
И каждый повторялъ, съ слезами на глазахъ:
«Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ!»
Но вдругъ среди толпы ужасный крикъ я внемлю...
То на-земь кинулся какъ жердь сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,

Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,
Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшися и бормоча безъ связи,
На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи;
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать,
Но Вождь мой удержалъ. «Вашъ гнѣвъ пѣвца обидитъ»,
Сказалъ: «Стекайтеся, какъ прежде, совершать
Поминки надъ пѣвцомъ и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный — пусть живетъ и видитъ!»

1855.

VI.

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ.

Еще печаль! опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ занылъ
Надъ прахомъ бѣднаго собрата:
Куда жь онъ шелъ? зачѣмъ онъ жилъ?

Ужель затѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки,
И неразгаданнымъ уйти?..

Я эти звуки повторяю —
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней,
Уже иначе я внимаю...
Онѣ звучатъ уже полнѣй...

Какъ будто въ нихъ теперь всецѣло
Вошла, для жизни безъ конца,
Душа, оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца.

1857.

VII.

ЭОЛОВЫ АРФЫ.

Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы — это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ, какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, еслибъ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ —
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими бъ звуками откликнулись онѣ!..

1856.

VIII.

Какъ чудныхъ странниковъ сказанья
Про дальніе края,
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
Въ душѣ читаю я...

Какъ сонъ блестящій, вижу горы,
Статуи, рядъ дворцовъ,
Рѣзные, темные соборы
Старинныхъ городовъ...

Гремятъ веселые напѣвы
За дружескимъ столомъ;
Въ златомъ туманѣ идутъ дѣвы
Подъ розовымъ вѣнкомъ...

Но клики пира, дѣвъ улыбки
Меня не веселятъ,
И прежде милыя ошибки
Соблазномъ не манятъ...

Иного счастья сердце проситъ...
Ужь изъ знакомыхъ водъ
Въ иныя воды вѣтеръ вноситъ
Мой челнъ; волна реветъ;

Кругомъ угрюмѣй видъ природы,
И звѣздъ иныхъ огнемъ
Небесъ таинственные своды
Осыпаны кругомъ...

Къ нимъ такъ и тянетъ взоръ мой жадный,
Но ихъ спокойный видъ,
Ихъ блескъ холодный, безотрадный
Мнѣ душу леденитъ!

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
Чѣмъ билось, я дрожу,
И въ даль туманную уныло,
Оставивъ руль, гляжу,—

И не садится ангелъ бѣлый
Къ рулю въ мой утлый чолнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ...

1857.

IX.

Когда гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И за-одно съ нимъ рвется въ небеса...

1857.

X.

ФИЛАНТРОПЫ.

Они обѣдали отлично:
Тепло вращается ихъ кровь,
И къ человѣку безгранично
Ихъ разгорѣлася любовь.

Они — и мухи не погубятъ!
И — дай Господь имъ долги дни! —
Мнѣ даже кажется, что любятъ
Другъ друга искренно они!

1853.

XI.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Опрятный домикъ... садъ съ плодами...
Бесѣдки, грядки, цвѣтнички...
И все воздѣлываютъ сами
Мои сосѣди старички.

Они умѣютъ достохвально
Соединить въ своемъ быту
И романтизмъ сантиментальный,
И старыхъ нравовъ простоту.

Полна высокихъ чувствъ святыней,
И не растративъ ихъ въ глуши,
Старушка вѣруетъ и нынѣ
Въ любовь за гробомъ, въ жизнь души.

Чужда событій чрезвычайныхъ,
Вся жизнь ея полна была
Самопожертвованій тайныхъ
И угожденій безъ числа.

Пучки цвѣтовъ, вѣнки сухіе
Хранятся въ комнатѣ у ней;
Она святитъ въ нихъ дорогія
Воспоминанья прошлыхъ дней;

Порою въ спальню къ дочкѣ входитъ;
Рукою свѣчку заслоня,
Глядитъ и плачетъ... и приводитъ
Себѣ на память, день отъ дня,

Все прожитое... тамъ все ясно!
О чемъ же сѣтуетъ она?
Иль въ сердцѣ дочери прекрасной
Она читаетъ и сквозь сна!

Старушка мучится сомнѣньемъ,
Что чуждъ для дочки отчій кровъ;

Что дочь съ упрямымъ озлобленьемъ
Глядитъ на ласки стариковъ;

Что въ ней есть странная забота...
Отсталый лебедь — точно ждетъ
Свободной стаи перелёта,
И кликъ заслышитъ — и вспорхнетъ!..

Но не вспорхнетъ она на небо!
Ужь демонъ вѣка ей шепталъ,
Что жизнь — не мука ради хлѣба,
Что красота есть капиталъ!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи очей,
За ней слѣдящихъ въ шумѣ бала,
Какъ за царицей бальныхъ фей...

Полночный пиръ... шальныя рѣчи...
Бокалы въ дребезги летятъ...
Покровы прочь! открыты плечи,
Язвитъ и жжетъ прекрасной взглядъ —

И передъ нею на колѣняхъ
Толпа вельможъ и богачей
Въ мольбахъ неистовыхъ и пеняхъ —
И сыплютъ золото предъ ней!

Уйди, старушка!.. Богъ во гнѣвѣ
Шлетъ бичъ намъ въ дѣтищѣ твоемъ
За попеченье лишь о чревѣ,
И зло караетъ тѣмъ же зломъ!

Великолѣпные чертоги
Твою возлюбленную ждутъ;
Къ ней вѣка денежные боги
На поклоненіе прійдутъ,

И — осмѣявшіе стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узна́ютъ жгучія мученья
Въ крови родившихся страстей!

И будутъ, млѣя въ жаждѣ страстной,
Искать божественной любви

Подъ этой маской вѣчно ясной,
Подъ этой граціей змѣи!

Напрасно! нѣтъ!.. одинъ ужь лопнетъ,
Другой пойдетъ открыто красть,
Острогъ за третьимъ дверь захлопнетъ,
Кто пулю въ лобъ... благая часть!

Одна владычица ихъ міра —
Она лишь блескомъ залита...
Спокойный профиль... взглядъ вампира...
И неподвижныя уста...

1857.

XII.

СТАРЫЙ ХЛАМЪ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ.

Все-то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плечи ленты, съ золотомъ кафтаны:

Дней давно минувшихъ знатные вельможи —
Полны и дородны, жиръ сквозитъ подъ кожей.

Между ними жены съ лебединой шеей:
Грудь впередъ какъ панцырь, мрамора бѣлѣе,

Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты,
Перьями, цвѣтами пышно перевиты...

И во всѣхъ-то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ... И смѣшно, и грустно!

Кто они такіе? этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галлереяхъ, гдѣ почетъ завидной

Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздаетъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавной

Главные актеры, главныя актрисы...
Эти-жь видно были вѣку лишь кулисы!

Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;

А сошли со сцены — всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды,

И стоятъ у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтреный развратникъ!..

Но — вотъ ликъ знакомый, и свѣжѣе краски...
Скоро-жь до печальной дожилъ онъ развязки!

Грубо намалеванъ — а вѣдь образъ чудный!
И его никто-то, въ часъ развязки трудной,

Не сберегъ отъ срама, — и свезенъ жидами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами!..

Крышку-ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа-ль измѣнила? откупъ что ли лопнулъ?..

Въ Римѣ и Аѳинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтреныя жрицы пламенной Киприды;

Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...

Злая Мессалина, въ дикомъ сладострастьѣ,
Въ Вандалѣ косматомъ обнимала счастье...

Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;

Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты,
И связей и денегъ ищутъ спекулянты...

Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ ли разрѣшала страсть у ней снуровку;

Но она не мало жертвъ съ сумой пустила,
И еще робѣвшихъ воровать учила!

Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ —
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ.

Плечи восковыя, голова Медеи,
Смоляныя косы сплетены какъ змѣи;

Руку на колѣняхъ на̀ руку сложивши,
Смотритъ изъ-подлобья, губу закусивши,

И изъ полумрака, въ углубленьи ложи —
Точно выбираетъ жертву въ молодежи —

Такъ-вотъ и казалось —кинется тигрица!..
Не любви, а денегъ жаждала блудница!

1856.

XIII.

ОНЪ И ОНА.

(Четыре картины).

1.

Давно-ль была она малютка,
Давно-ль вся жизнь ея была
Лишь смѣхъ, да бѣганье, да шутка,
Какъ сонъ легка, какъ май свѣтла?
И вотъ — ласкаясь и безгласно,
Она глядитъ ему въ глаза
Съ такой довѣрчивостью ясной,
Какъ смотрятъ дѣти въ небеса.
А онъ, ребенокъ милый вѣка,
Лепечетъ вдохновенно ей
Про назначенье человѣка,
Про блескъ и славу нашихъ дней,

Про пальмы свѣтлаго Востока,
Про Рафаэлевыхъ Мадоннъ;
Но о любви своей намека
Не смѣетъ выговорить онъ.
Ихъ милый лепетъ, ихъ мечтанья
Порой подслушиваю я —
И точно розъ благоуханье
Пахнетъ внезапно на меня.

2.

Гремитъ оркестръ, вино сверкаетъ
Предъ новобрачною четой.
Счастливецъ мужъ въ толпѣ сіяетъ
И сѣдинами, и звѣздой.

На молодой — горятъ алмазы;
Блестящій свѣтъ у ногъ ея;
Картины, мраморы и вазы —
Все ей твердитъ: здѣсь все твое!

И зажигается румянецъ
Въ ея лицѣ, и вдругъ она

Летитъ безумно въ шумный танецъ,
Какъ бы очнувшись ото сна —

Всѣ рукоплещутъ!.. Имъ не слышно,
Изъ нихъ никто не угадалъ,
Что въ этотъ мигъ отъ дѣвы пышной
На небо ангелъ отлеталъ!

И улетая, безотрадно
Взиралъ на домикъ, гдѣ дрожитъ
Сожженныхъ писемъ пепелъ хладной,
Гдѣ о слезахъ все говоритъ!

3.

Онъ снесъ ударъ судьбы суровой,
Тоску любви онъ пережилъ;
Въ сухомъ трудѣ для жизни новой
Онъ зачерпнулъ отважно силъ...

И вотъ — идетъ онъ въ блескѣ власти,
Весь въ холодъ правды облеченъ;

Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ.

Его ничто не возмущаетъ:
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ...

И если вдругъ, какъ стонъ въ пустынѣ,
Какъ кликъ невѣдомой борьбы,
Отвѣтитъ что-то въ немъ и нынѣ
На вопль проклятья и мольбы —

Онъ вспомнитъ все, что̀ прежде было,
Любви и вѣры благодать,
И ту, что сердце въ немъ убила —
И проклянетъ ее опять!

4.

Какъ перелетныхъ птичекъ стая
Встрѣчать весну у теплыхъ водъ,
Готова въ путь толпа густая.
Ворча, дымится пароходъ.

Средь бѣготни, подъ смѣхъ и горе,
Смягчаютъ мигъ разлуки злой
И солнца блескъ, и воздухъ съ моря,
И близость воли дорогой.

Но вотъ среди блестящей свиты
Жена прекрасная идетъ;
Лакей, весь золотомъ залитый,
Предъ ней расталкивалъ народъ...

И всѣ сторонятся съ молчаньемъ,
Съ благоговѣйною душой,
Предъ осіянною страданьемъ
И міру чуждой красотой.

Какъ будто смерти тихій геній
Надъ нею крылья распростеръ,
И намъ невѣдомыхъ видѣній
Ея духовный полонъ взоръ...

Свистя, на палубу змѣею
Канатъ откинутый взвился,
И надъ качнувшейся волною
Взлетѣла пыль отъ колеса:

Она на берегъ уходящій
Едва глядитъ; въ туманѣ слезъ
Уже ей виденъ Югъ блестящій,
Отчизна миртовъ, царство розъ:

Но этотъ темный миртъ уныло,
Подъ гнетомъ каменнаго сна,
Стоитъ надъ свѣжею могилой,
И въ той могилѣ спитъ она —

Одна, чужда всему живому,
Какъ бы на казнь обречена —
За то, что разъ тельцу златому
На мигъ повѣрила она.

1857.

XIV.

ПРИДАНОЕ.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать?
Просталъ красавицу дочь!

Сидитъ гробовщица за крепомъ,
И шьетъ — а въ глазахъ, какъ узоръ,
По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣнечный уборъ.

И думаетъ: «Справлю жь невѣсту,
Одѣну ее, что княжну —
Княженъ повидали мы вдоволь —
На-дняхъ хоронили одну:

Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла:
Такъ, въ брачномъ нарядѣ, и клали
Во гробъ-то... красотка была!

Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужь въ грязь не ударимъ лицомъ!..»

Мечтаетъ старушка — у двери жь
Звонокъ за звонкомъ... «Ну, житье!
Заказовъ-то — Господи Боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859.

VII.

ФАНТАЗІИ.

I.

РОЗЫ.

Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами, —
Она покоилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Откинувъ голову съ открытыми устами.
Сіяло чудное лицо живымъ румянцемъ...
Остановился балъ, и музыка молчала,
И — соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ,
Я, на другомъ концѣ блистательнаго зала,
Съ красавицею вдругъ очами повстрѣчался...
И — какъ и отчего, не знаю!—мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отдаленьѣ,
И вилла, садъ и пиръ временъ горацiанскихъ...
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,
Плыветъ среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ—Лидія, подобная Венерѣ...

И что̀ жь? обманутый блистательной мечтою,
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грёзы
У ногъ красавицы... Ахъ, вы всему виною,
О розы Пестума, классическія розы!..

1857.

II.

РАЗМѢНЪ.

«Нѣтъ! прежней Нины нѣтъ! когда я застаю,
Опомнясь вдругъ, себя предъ образомъ лежащей,
Молиться жаждущей, но словъ не находящей,
И чувствую, какъ жжетъ слеза щеку мою,
И наболѣла грудь, тоскуя въ жаждѣ знойной, —
Я прежней дѣвочки, безпечной и спокойной,
Въ себѣ не узнаю!

«Я все ему — все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной!
Не вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
Въ возможность счастія, въ возможность страсти нѣжной...

«Онъ все — мои мечты, мой чистый идеалъ,
И сердце, склонное къ блаженству и надеждѣ —

Какъ бы свое, потерянное прежде,
Сокровище нашелъ во мнѣ — и взялъ!..

«Взамѣнъ онъ далъ мнѣ, что̀ его томило:
Сомнѣніе, и слезы, и печаль...
Но я не плачу, нѣтъ! мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бъ то, что̀ было мнѣ такъ мило,
Что̀ взялъ онъ у меня — ему бъ во благо было...»

1852.

III.

ПЕРИ.

Грѣхи омывшая слезами,
Еще тѣхъ слезъ не осуша,
Въ селенья горнія взлетаетъ
Творцомъ прощенная душа.

Ее обнявъ, въ пространствѣ звѣздномъ
Съ ней пери чистыя летятъ:
Толпы малютокъ-херувимовъ
При встрѣчѣ пѣснями гремятъ...

О, ей восторженнымъ бы кликомъ
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И все земное позабыть, —

Но пери смотрятъ съ любопытствомъ,
И, съ лаской вкругъ нея віясь,
Умильно просятъ имъ повѣдать
Ея паденія разсказъ...

Отрадно ль имъ утѣшить душу
Въ земныхъ возросшую скорбяхъ—
Иль ходятъ чудныя преданья
Про грѣшный міръ на небесахъ?

1857.

IV.

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ.

Я съ содроганіемъ смотрѣлъ
На эту кость иного вѣка...
И насъ такой же ждетъ удѣлъ:
Пройдетъ и племя человѣка...

Умолкнетъ славы нашей шумъ;
Умрутъ о людяхъ и преданья;
Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ —
Въ иныя не войдетъ созданья.

Оледенѣлою звѣздой
Или потухнувшимъ волканомъ
Помчится, какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.

И, странствуя между міровъ,
Возсядетъ духъ мимолетящій
На остовъ нашихъ городовъ,
Какъ на гранитъ неговорящій...

Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
Читаетъ намъ... но сердце бьется,
Надежду робкую тая —
Авось онъ, гордый, ошибется!

1857.

V.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяной,
Какъ уголь искряся на рамѣ золотой...
Мнѣ дорогъ этотъ часъ. Сосѣдка за стѣной
Садится въ сумерки порой за фортепьяно,
И я слѣжу за ней внимательной мечтой.
Въ фантазіи ея любимая есть дума:
Долина, сельскаго исполненная шума,
Пастушескій рожокъ... домой стада идутъ...
Утихли... разошлись... земные звуки мрутъ
То въ бѣгломъ говорѣ, то въ пѣснѣ одинокой —
И въ плавномъ шествіи гармоніи широкой
Я ночи, сыплющей звѣздами, слышу ходъ...
Все днемъ незримое таинственно встаетъ
Въ сіяньи мѣсяца, при запахѣ фіалокъ,
Въ волшебныхъ образахъ какихъ-то чудныхъ грёзъ,

То фей порхающихъ, то плещущихъ русалокъ
Вкругъ остановленныхъ на мельницѣ колесъ...

Но вотъ торжественной гармоніи разливы
Сливаются въ одну мелодію, и въ ней
Мнѣ сердца слышатся горячіе порывы,
И звуки говорятъ страстямъ души моей.
Crescendo... вотъ мольбы, борьба и шопотъ страстный,
Вотъ крикъ пронзительный и—рядъ аккордовъ ясный,
И все сливается, какъ сладкій говоръ струй,
Въ одинъ томительный и долгій поцѣлуй.

Но замиравшіе опять яснѣютъ звуки...
И въ пѣсни страстныя вторгается струей
Одинъ тоскливый звукъ, молящій, полный муки...
Растетъ онъ, все растетъ, и льется ужь рѣкой...
Ужь сладкій гимнъ любви въ одномъ воспоминаньѣ
Далеко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идетъ, идетъ страданье —
И каждый шагъ его грохочетъ надо мной...
Одинъ какой-то вопль въ пустынѣ безпредѣльной
Звучитъ, зоветъ къ себѣ... увы! надежды нѣтъ!..
Онъ ноетъ... и среди громовъ ему въ отвѣтъ
Лишь жалобный напѣвъ пробился колыбельной...

Пустая комната... убогая постель...
Рыдающая мать лежитъ, полуживая,
И блѣдною рукой качаетъ колыбель,
И «баюшки-баю» поетъ изнемогая...
А вкругъ гроза и ночь... вдали подъ этотъ вой
То колоколъ во тьмѣ гудитъ и призываетъ,
То, бурей вырванный, изъ мрака залетаетъ
Вакхическій напѣвъ и танецъ удалой...
Несется оргія, кружася въ вальсѣ дикомъ,
И вотъ страдалица ему отозвалась
Внезапно бѣшенымъ и судорожнымъ крикомъ
И въ пляску кинулась, безумно веселясь...
Порой сквозь буйный вальсъ звучитъ чуть слышнымъ эхомъ,
Какъ вопль утопшаго, потерянный въ волнахъ,
И «баюшки-баю», и пѣснь о лучшихъ дняхъ,
Но тонетъ эта пѣснь подъ кликами и смѣхомъ
Въ раскатѣ яркихъ гаммъ, гдѣ каждая струна
Какъ веселящійся хохочетъ сатана —
И только колоколъ въ пустынѣ безконечной
Гудитъ надъ падшею глаголомъ кары вѣчной...

1856.

VI.

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

(Апол. Алекс. Григорьеву).

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла..

Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска —
И влетѣлъ ко мнѣ юноша—свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.

Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись;

Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...

Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой!

«Оглянися — я богъ, богъ видѣній и грёзъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
И блаженство небесъ я впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы...»

Говорилъ — и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами...

Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: «ты моя! ты моя!»
Точно арфы далекіе звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужь былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что̀ было со мною...

1861.

VIII.

КАМЕИ.

I.

У ХРАМА.

Что̀ это? прямо на насъ и летятъ въ перегонки,
Прямо съ горы и несутся, шалуньи!
Знаю ихъ: эта, что̀ съ тирсомъ — Аглая,
Сзади — Коринна и Хлоя;
Это идутъ онѣ съ жертвами Вакху!
Розъ, молока, и вина молодаго,
Меду несутъ и козленка молочнаго тащутъ!
Такъ ли приходитъ молиться степенная дѣва!
Спрячемся здѣсь, за колонной у храма...
Знаю ихъ: рѣзвы онѣ уже слишкомъ и бойки —
Скромному юношѣ съ ними опасно встрѣчаться.

Ну, такъ и есть! быстроглазыя! насъ увидали!
Смотрятъ сюда изподлобья,
Шепчутъ, другъ друга толкая;
Щеки ихъ сдержаннымъ смѣхомъ такъ и трепещутъ!

Если бы только не храмъ здѣсь, не жрецъ величавый,—
Это вино, молоко, и цвѣты, и козленокъ—
Все бъ полетѣло на насъ и пошли бъ мы, какъ жертвы
Вѣчнымъ богамъ на закланье,
Медомъ обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдемъ-ка, ужь такъ онѣ насъ не отпустятъ!
Видишь — съ жрецомъ въ разговоры вступили,
Старый смѣется и щуритъ глаза на открытыя плечи.
Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воску,
Чудныя, полныя руки, и — что всего лучше —
Блескъ и движенье, здоровье и нѣга,
Грація съ силой во всѣхъ сочеталися формахъ.

1851.

II.

АНАКРЕОНЪ.

(И. А. Гончарову).

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отвореннаго сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —
Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлекъ къ себѣ старикъ!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый—
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ!

1852.

III.

ЮНОШАМЪ.

Будьте, юноши, скромнѣе!
Что̀ за пылъ! чуть сталъ живѣе
Разговоръ — душа пировъ —
Вы и вспыхнули, какъ порохъ!
Что̀ за крайность въ приговорахъ,
Что̀ за рѣзкость голосовъ!

И напиться не сумѣли!
Чуть за столъ — и охмѣлѣли,
Чѣмъ и какъ — вамъ все равно!
Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,
И на свѣтъ, и обоняньемъ
Оцѣняетъ онъ вино.

Онъ, теряя тихо трезвость,
Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,
Умиляется душой,
И, владѣя страстью, гнѣвомъ,
Старцамъ милъ, пріятенъ дѣвамъ,
И — доволенъ самъ собой.

1852.

IV.

АНАКРЕОНЪ СКУЛЬПТОРУ.

(Графу Ѳ. П. Толстому).

Что̀ чиниться намъ, ваятель!
Оба мы съ тобой, пріятель,
Удостоены вѣнца;
Свѣжій лавръ — твоя награда,
Я въ вѣнкѣ изъ винограда
Вѣкъ слыву за мудреца.

Такъ подъ старость, хоть для смѣху,
Хоть для юношей въ потѣху,
Мнѣ одинъ вопросъ рѣшп!
Видѣлъ я твои творенья;
Формы, мысли выраженье —
Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущенъ я крѣпко...
Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
Съ нашихъ модныхъ героинь,
Жрицъ аѳинскаго разврата, —
А съ любимыхъ мной когда-то
Юныхъ дней моихъ богинь!

Горлицъ, манною вскормленныхъ!
Купидономъ припасенныхъ
Мнѣ, какъ баловню его!
А съ красотъ ихъ покрывало,
Милый другъ, не упадало,
Знаю я, ни для кого!

Вотъ хоть Геба молодая,
Что кувшинъ съ главы спуская,
Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ —
Это Дафна! та жь незрѣлость
Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
И ужь взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я таилъ отъ свѣта!
Этой розы ждалъ расцвѣта —

Но напрасно! Разъ она,
Искупавшися, нагая,
Въ воду камешки кидая,
Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась,
И съ уступа на уступъ —
Въ самый омутъ... Къ ней лечу я,
Всплылъ — и что же? Выношу я
Изъ воды холодный трупъ!

Зналъ еще я дочь сатрапа!
Подкупивъ ея арапа,
Проникалъ въ гаремъ я къ ней...
Что же? ликъ ея надменный,
Нетерпѣньемъ оживленный,
Вижу въ Герѣ я твоей!

Та жь игра въ ланитахъ смуглыхъ,
Та же линія округлыхъ,
Чудно выточенныхъ ногъ,
То жь изнѣженное тѣло,

И спины волнистость бѣлой...
Нѣтъ! ты видѣть ихъ не могъ!

Иль художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
То, что̀ смертнымъ, въ доляхъ малыхъ,
Открываетъ божество?

1853.

V.

АЛКИВІАДЪ.

Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда:
Вѣрь — надъ женщиной побѣда
Намъ труднѣй, чѣмъ надъ врагомъ.
Здѣсь все случай, все удача!
Сердце женское — задача,
Нерѣшенная умомъ!

Ты слыхалъ ли имя Фрины?
Покорялися Аѳины
Взгляду гордой красоты, —
Но на насъ она взирала,
Какъ богиня съ пьедестала
Недоступной высоты.

На пирахъ ея быть званнымъ —
Это честь была избраннымъ;
Принимала какъ сатрапъ!
Всѣмъ серебряныя блюды
И хрустальные сосуды,
И за каждымъ — черный рабъ!

Разъ былъ пиръ... то пиръ былъ грацій!
Острыхъ словъ, импровизацій
И рѣчей лился каскадъ...
Мнѣ везло: привѣтнымъ взглядомъ
Позвала ужь сѣсть съ ней рядомъ —
Вдругъ вошелъ Алкивіадъ.

Прямо съ оргіи онъ, что ли!
Но, крича какъ варваръ въ полѣ,
Сшибъ въ дверяхъ двухъ Скиѳовъ съ ногъ,
Оттолкнулъ меня обидно,
И къ красавицѣ безстыдно
На плечо лицомъ прилегъ!

Были тутъ послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Онъ бесѣдой овладѣлъ,

Хохоталъ надъ мудрецами,
И безумными глазами
На прекрасную глядѣлъ.

Что̀ тутъ дѣлать?.. Полны злости
Расходиться стали гости...
Смотримъ — спитъ онъ! Та — молчитъ
И не будитъ... Что̀ жь? добился!
Ей повѣса полюбился,
Да и насъ потомъ стыдитъ!

1853.

VI.

АСПАЗІЯ.

Что̀ скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?
Владычица Аѳинъ, Периклова подруга,
Которую Сократъ почтилъ названьемъ друга,
Какъ дѣвочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Все позабыто — блескъ, правленье, государство,
Дѣла, политики полезное коварство,
И даже самыя лѣта... но, впрочемъ, нѣтъ!
У женщинъ для любви не существуетъ лѣтъ;
Хоть, говорятъ, глупа послѣдней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а онъ еще мальчишка,
Но счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить,
И чувствомъ пламеннымъ сгорать и наслаждаться;
Нѣтъ, счастіемъ его дышать и любоваться,
И въ немъ неопытность къ блаженству пріучить...
А онъ — онъ чистое подобье полубога!..
Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дикъ немного,

Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,
И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!
Еще онъ очень юнъ: щека блеститъ атласомъ,
Но рано слышится въ немъ страсть повелѣвать,
И позы любитъ онъ героевъ принимать,
И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ.
На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллъ!
Но, побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ:
Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій,
И, точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій,
Глядитъ съ презрѣніемъ, хотя въ душѣ гроза,
И горькою слезой туманятся глаза...
О, какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди,
И говорить: «не плачь, не плачь, то злые люди...»
Въ ланиты, яркія румянцемъ вешнихъ розъ,
И въ очи цѣловать, блестящія отъ слезъ,
Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!

1853.

VII.

ПРЕТОРЪ.

Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Толстопузый преторъ мой,
Съ этой лысой головой,
И съ лицомъ своимъ багровымъ!
Милъ, когда ты щуришь глазъ
Передъ плѣнницей лезбійской,
Что̀ выводитъ напоказъ
Для тебя евнухъ сирійской;
Милъ, когда тебя несутъ
Десять ликторовъ на форумъ,
Чтобъ творить народу судъ
И внушать покорность взоромъ!
И люблю я твой порывъ,
Въ мигъ, когда въ носилкахъ лежа,
Съ своего ты смотришь ложа,
Какъ подъ гусли пляшетъ скиѳъ,

Выбивая дробь ногами,
Внизъ потупя мутный взглядъ
И подергивая въ ладъ
И руками, и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ-стать —
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходятъ ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ морскихъ.

1857.

VIII.

АРКАДСКІЙ СЕЛЯНИНЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

Здѣсь сатиры прежде жили;
Одного мы разъ нашли
И живаго изловили,
И въ деревню привели.

Всѣ смотрѣть пришли толпами;
Онъ на корточкахъ сидѣлъ,
И безцвѣтными глазами
На людей, дичась, глядѣлъ.

Страхъ однакоже унялся;
Съ нами ѣлъ онъ, пилъ вино,
Объѣдался, опивался,
Впрочемъ велъ себя умно.

Но весна пришла — такъ мочи
Намъ не стало отъ него.
Не пройдетъ ни дня, ни ночи
Безъ лихихъ проказъ его...

Женщинъ сталъ ловить и мучить!..
Чуть увидитъ — задрожитъ;
Ржетъ, и лаетъ, и мяучитъ,
Цѣловаться норовитъ.

Стали бить его мы больно;
Онъ исправился совсѣмъ,
Сталъ послушный, богомольный,
Такъ что любо было всѣмъ.

Бабы съ нимъ смѣлѣе стали
Обходиться и играть,
На работы въ поле брали,
Стали пряниковъ давать.

Не прошло, однако, года,
Какъ у всѣхъ у насъ — дивись —

Въ козлоногаго урода
Ребятишки родились!

Да! у всѣхъ на лбу-то рожки
Съ небольшой лѣсной орѣхъ,
Козьи маленькія ножки,
Даже хвостики у всѣхъ.

Къ намъ въ деревню прошлымъ лѣтомъ
Русскій баринъ заѣзжалъ.
Обо всемъ услыша этомъ,
Усмѣхнувшись, онъ сказалъ:

«Хорошо, что мы съ папашей
Безъ хвоста и съ гладкимъ лбомъ,
Быть иначе бъ дворнѣ нашей
И съ рогами, и съ хвостомъ».

1853.

IX.

ПОСЛАНІЯ.

I.

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ.

Вотъ онъ по Гатчинскому саду
Идетъ съ толпой учениковъ;
Вотъ онъ садится къ водопаду
На мшистый камень, въ тѣнь деревъ;
Вкругъ дѣти жмутся молчаливо
Къ нему все ближе. Очи ихъ
Или потуплены стыдливо,
Иль слезъ полны, и самъ онъ тихъ,
Но ликомъ свѣтелъ. Онъ читаетъ
Въ младыхъ сердцахъ. Онъ ихъ проникъ;
Одинъ душой онъ понимаетъ
Неуловимый ихъ языкъ.
Въ сердцахъ, забитыхъ отъ гоненья,
Ожесточенныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Онъ вызвалъ слезы умиленья,
Онъ пролилъ въ нихъ надежды свѣтъ;

И указуя въ жизнь дорогу,
Онъ человѣка идеалъ
Предъ ними долго, понемногу
И терпѣливо раскрывалъ...
И вотъ открылъ! — и ослѣпило
Его сіянье юный взглядъ,
И дѣти съ робостію милой
И изумленіемъ глядятъ.
И каждый самъ въ себя невольно
Ушелъ и плачетъ о себѣ,
И за прошедшее имъ больно —
И всѣ готовятся къ борьбѣ.
Ахъ, Цейдлеръ! въ этомъ идеалѣ
Вѣдь ты себя нарисовалъ;
Но только дѣти не узнали,
Да ты и самъ того не зналъ!

1856.

II.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

1.

Твой стихъ, красой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ,
Блуждаетъ странникомъ косматымъ
Между міровъ, свѣтя во мглѣ.
Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ млечнаго пути,
И желтый листъ дубравъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьи;
Стремится рѣчь его свободно;
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

1855.

2.

Полонскій! суждено опять судьбою злою
Намъ розно дни влачить:
Межь тѣмъ моя душа сроднилась ужь съ тобою —
Ей нужно такъ любить!
Да! въ мірѣ для нея нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знакъ подать, что мы, другъ друга понимая,
Свершаемъ путь земной!
И часто я, когда иду лѣсной опушкой
И, прячася за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумитъ ручей студеноводный,
А ровъ, гдѣ льется онъ,
Ужь тѣни полнъ, и паръ надъ нимъ бѣжитъ холодный,
Межь тѣмъ какъ озаренъ
Вверху растущій лѣсъ послѣднимъ солнца свѣтомъ, —
Отъ сердца полноты
Я бъ перемолвиться желалъ тогда съ поэтомъ,
И думаю — гдѣ ты?

Гдѣ ты?.. О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
И Римъ я не забылъ!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Подъ небомъ голубымъ, —
Величіемъ своимъ и грязью живописный
Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
Неслись во весь опоръ;
Коней остановивъ, снимали видъ руины
И очеркъ дальнихъ горъ,
И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
А тамъ водопроводъ
И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
Въ осокѣ, изъ болотъ...
И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ
Какъ будто ошалѣвъ,
Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австеріи,
Суровыхъ поселянъ
Напаивали мы, крича «ура!» Россіи,
Ругая Ватиканъ,
И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ...

А пламенный народъ
На вѣтреную рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ
Бывало слезы льетъ...
Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
Вазари и Тацитъ,
И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
И Дантъ, и Ѳеокритъ...
А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!..
Мнѣ кажется теперь,
Что игры звѣрскія я видѣлъ, и, нѣмѣя,
Внималъ, какъ злится звѣрь,
Какъ шумно валитъ чернь, толкаясь на ступени,
При кликахъ торжества,
А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни
Ждутъ, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
О, какъ свѣтла тогда
Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
Всходившая звѣзда!
Гдѣ жь сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? Гдѣ Ивановъ?
Ставассеръ милый мой?
Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
Гдѣ геній ихъ живой?
Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
Гдѣ бъ *нашихъ* имена

Сіять должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
Какъ вѣчная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,
Ихъ Римъ похоронилъ, кого, увы! не зная
Землѣ онъ предаетъ!..
А братъ мой, милый братъ... ахъ, многіе почили!
И имя ихъ звучитъ
Воспоминаніемъ какой-то чудной были,
И сердце мнѣ щемитъ...
Всѣ сгибли, полные надеждами святыми,
И въ блескѣ силъ своихъ,
И я, оспротѣвъ, я плачу и надъ ними,
И надъ мечтами ихъ!..
Ахъ, жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной въ пути
Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата...
Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводить тоски тебѣ не буду
Непрошенной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
На все махнувъ рукой.

1858.

III.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между насъ, задумчивый, ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

1855.

IV.

М. Л. МИХАЙЛОВУ.

Урала мутнаго степные берега,
Лѣса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры горъ изъ сизаго порфира,
Простыя племена, между которыхъ ты
Сбиралъ преданія исчезнувшаго міра,
Далекая любовь, пустынныя мечты
Возвысили твой духъ: прощающимъ, любящимъ
Пришелъ ты снова къ намъ — и, чутко слышу я,
Въ стихахъ твоихъ, ручьемъ по камешкамъ журчащимъ,
Ужь льется между строкъ поэзіи струя.

1857.

V.

И. А. ГОНЧАРОВУ.

Море и зѣмли чужія,
Обликъ народовъ земныхъ —
Всѣ предо мной, какъ живыя,
Въ чудныхъ разсказахъ твоихъ.

Сѣверъ нашъ блѣдный, но милый,
Милый затѣмъ, что родной,
Нынѣ опять мнѣ унылой
Вдругъ показался тюрьмой.

Въ сердцѣ судьбы оскорбленья
Злѣе, что̀ раны, горятъ,
И золотыя видѣнья
Въ даль голубую манятъ...

Такъ надъ рѣкою ширяя,
Въ городъ, гдѣ пыль и гранитъ,
Бѣлая чайка морская
Въ солнечный день залетитъ;

Жадно слѣдимъ мы очами
Гостьи нежданной полетъ—
Точно въ тотъ мигъ передъ нами
Воздухомъ съ моря пахнетъ.

1855.

VI.

(Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной).

Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ.
Столпился къ пристани народъ нетерпѣливо —
И вотъ — ея корабль уже среди залива...
Причалили. Ее на берегъ по коврамъ
Свели и встрѣтили съ архонтами, съ жрецами,
Вели по улицѣ, усыпанной цвѣтами...
Я, пылкій юноша, ее воображалъ
Съ осанкой царственной, съ поднятой головою,
И въ лавровомъ вѣнкѣ, и съ лирой золотою,
И взоръ властительный я встрѣтить ожидалъ —
И что жь? она прошла, потупивъ очи, просто,
Такая слабая и маленькаго роста.

И пышной встрѣчею и кликами она,
Какъ робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторамъ болѣзненно внимала
И взоромъ тихаго убѣжища искала,
Куда бы кинулась и, кажется, тотчасъ
Неудержимыми бъ слезами залилась.

1859.

VII.

Е. А. Шеншиной.

Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны,
Тебѣ бы смѣхъ, да бѣганье, да шутка.
Хоть не одинъ уже сатиръ румяный,
Осклабясь, на тебя глядитъ, малютка!
Онъ — старый плутъ! На, помани цвѣтами,
Пусть за тобой бѣжитъ онъ, и, со-слѣпа
Завязнувъ въ топь козлиными ногами,
Смѣшитъ боговъ гримасою нелѣпой.

1859.

X.

НА ВОЛѢ.

I.

ВЕСНА.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грёзы
О счастьи иномъ...

1857.

II.

Весна! выставляется первая рама —
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!

1854.

III.

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что̀ за день!
Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтетъ сирень... ·

А еще ты въ сладкой лѣни
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой

Вдругъ на сонную-то брызну...
То-то сладко будетъ мнѣ
Побѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ!

1855.

IV.

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны..
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескѣ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ..
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ...

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внемля, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857.

V.

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома;
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку...
Помнишь — какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился —
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

1856.

VI.

ЗВУКИ НОЧИ.

О ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ — стеклянный звонъ ліющихся ключей;
Тамъ — листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ — пташки полевой свистокъ однообразный;
Стрекозы, какъ часы, стучатъ между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ топкихъ острововъ,
Съ разливовъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной
По вѣтру то звончѣй, то въ тихомъ замираньѣ,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звѣзды... Нѣтъ, и тамъ, по тверди голубой,
Въ ихъ металлическомъ сіяньѣ и движеньѣ
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.

1856.

VII.

У Т Р О.

(Преданіе о виллисахъ).

Близко, близко солнце!
Понеслись навстрѣчу
Грядки золотыя
Облачковъ летучихъ,
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Изъ ущелій черныхъ
Вылетѣли тѣни —
Бѣлыя невѣсты:
Широко въ полетѣ
Вѣютъ ихъ одежды,
Головы и тѣло
Дымкою покрыты,
Только обозначенъ
Въ нихъ лучомъ румянымъ
Очеркъ лицъ и груди.

1856.

VIII.

ВЪ ЛѢСУ.

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Ліясь блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно, какъ гать, лежащей въ немъ.
Вкругъ темнъ лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ! здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я...
Вдругъ все свершавшееся тутъ
Остановилося при мнѣ,
И всѣ слѣдятъ за мной и ждутъ,
И злое мыслятъ въ тишинѣ;
И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,
И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдавленъ и смущенъ.

1857.

IX.

Маститые, вѣтвистые дубы,
Задумчиво поникнувъ головами,
Что̀ старцы древніе на вѣчѣ предъ толпами,
Стоятъ, какъ бы рѣшая ихъ судьбы.
Я тщетно къ ихъ прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мнѣ тайны ихъ бесѣдъ...
Ахъ, жаль—что подлѣ нихъ тутъ рѣзвой рѣчки нѣтъ:
Она бъ давно сказала мнѣ ихъ думу...

1870.

X.

ГОЛОСЪ ВЪ ЛѢСУ.

Давно какой-то дѣвы пѣнь
Въ лѣсу преслѣдуетъ меня
То замирая въ отдаленьѣ,
То гулко по лѣсу звеня.

И возмущенъ мечтой лукавой,
Смотрю я въ чащу, гдѣ средь мглы
Блестятъ на солнцѣ листья, травы
И сосенъ красные стволы.

Идти ль за дѣвой молодою?
Иль сохранить, въ душѣ тая,
Тотъ милый образъ, что̀ мечтою
Подъ чудный голосъ создалъ я?..

1856.

XI.

Все вокругъ меня, какъ прежде —
Пестрота и блескъ въ долинахъ...
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ...

Отчего жь такъ сердце ноетъ,
И стремится, и болѣетъ,
Неиспытаннаго проситъ,
И о прòжитомъ жалѣетъ?

Не начать вѣдь жизнь сначала -
Даромъ сила растерялась,
Да и по-пусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокругъ меня, какъ прежде,
Пестрота и блескъ въ долинахъ!
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

1857.

XII.

Вотъ бѣдная чья-то могила
Цвѣтами, травой зарастаетъ;
Подъ розами даже не видно,
Чье имя плита возглашаетъ...

О, бѣдный! и въ сердцѣ у милой
О жизни мечты золотыя
Не такъ же ль, какъ розы, закрыли
Когда-то черты дорогія?

1857.

XIII.

ЖУРАВЛИ.

Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи
Я подымаю отъ земли:
Въ лазури темной, къ полуночи
Летятъ станицей журавли.

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальномъ
Какъ будто благовѣстъ идетъ,—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ,
Привѣтъ знакомымъ плесамъ водъ!..

Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жь еще? вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

1855.

XIV.

ОБЛАЧКА.

Въ легкихъ нитяхъ, бѣлой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бѣгутъ по небу,
Съ вѣтеркомъ рѣзвясь.

Любо ихъ слѣдить очами...
Выше—вѣчность, Богъ!
Взоръ безъ нихъ остановиться бъ
Ни на чемъ не могъ...

Страсти сердца! сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Былъ бы чуждъ безъ васъ и страшенъ
Сердцу Божій свѣтъ!

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда —
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда.

1857.

XV.

БОЛОТО.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ:
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньѣ!..

А были дни, мое воображенье
Плѣнялъ лишь видъ подобныхъ тучамъ горъ,
Небесъ глубокихъ праздничный просторъ,
Монастыри, да бѣлыхъ виллъ ограда
Подъ зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восходъ
Между колоннъ руины молчаливой,
Надъ серебромъ съ горы падущихъ водъ...
Мнѣ въ чудные гармоній переливы
Слагался ревъ катящихся зыбей;
Въ какой-то міръ вводилъ онъ безграничный,
Гдѣ я робѣлъ душою непривычной,
И радостно присутствіе людей
Вдругъ ощущалъ, сквозь этотъ гулъ упорный,
По погремушкамъ вьючныхъ лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вотъ — теперь такою же мечтой
Душа полна, какъ и въ былые годы,
И такъ же здѣсь заманчиво со мной
Бесѣдуетъ таинственность природы.

1856.

XVI.

ПАНЪ.

Панъ — олицетвореніе природы; по-гречески Πᾶν значитъ: *все*.

Онъ спитъ, онъ спитъ
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жаръ
И сладкій духъ
Поспѣлыхъ травъ
Умаялъ бога —
Онъ спитъ и грезитъ,
И видитъ сны...

По темнымъ норамъ
Ушло звѣрье;

Въ травѣ недвижно
Лежитъ змѣя;
Молчатъ стада,
И даже лѣсъ,
Пѣвучій лѣсъ,
Утихъ, умолкъ...
Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!..

Надъ нимъ кружитъ,
Жужжитъ, звенитъ,
Блеститъ, сверкаетъ
И вверхъ и внизъ
Блестящій рой
Жуковъ и пчелъ;
Сереброкрылыхъ
Голубокъ стая
Кругами рѣетъ
Надъ спящимъ богомъ;
А выше — строемъ
Иль острымъ клиномъ,
Подобно войску,
Черезъ все небо
Перелетаетъ
Полкъ журавлей;

Еще же выше,
На горнемъ небѣ,
Въ густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышенъ голосъ...
Всѣ словно бога
Оберегаютъ
Глубокій сонъ —
Чудесный сонъ —
Когда предъ нимъ
Разверзлось небо,
Онъ зритъ боговъ
Своихъ собратій;
И, какъ цвѣты,
Рои видѣній
Съ улыбкой сыплютъ
Къ нему съ Олимпа
Богини-сестры...

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядемъ

Въ травѣ густой,
И будемъ слушать, —
Какъ спитъ онъ — слушать,
Какъ дышитъ — слушать;
Къ намъ тоже тихо
Начнутъ слетать
Изъ самой выси
Святыхъ небесъ
Такіе жь сны,
Какими грезитъ
Великій Панъ, —
Великій Панъ...

1870.

XVII.

ПЕЙЗАЖЪ.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый;
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ,
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ —
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,

А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что̀ карлы сказочные спятъ...
Ужь солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ — то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу — дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А, хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

1853.

XVIII.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Ка́къ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужь въ иной сторонѣ—
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

1856.

XIX.

Осенніе листья по вѣтру кружать,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
«Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
«О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ!»

Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ,
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны.

1864.

XX.

ОСЕНЬ.

Кроетъ ужь листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ:
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!

Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;

Мохъ не приподнять, не взрыть
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не висить
Пурпуръ брусничныхъ кистей,

Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...

Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой,
И, какъ безумный, пою!

Знаю, не даромъ средь мховъ
Ранній подснѣжникъ я рвалъ;
Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ:

Что имъ сказала душа,
Что ей сказали они —

Вспомню я, счастьемъ дыша,
Въ зимніе ночи и дни!

Листья шумятъ подъ ногой...
Смерть стелетъ жатву свою!
Только я веселъ душой —
И, какъ безумный, пою!

1856.

XXI.

И городъ вотъ опять! опять сіяетъ балъ,
И полнъ жужжанія, какъ улей, свѣтлый залъ!
Вотъ люди, вотъ та жизнь, въ которой обновленья
Я почерпнуть рвался изъ сельской тишины...
Но, Боже! какъ они ничтожны и смѣшны!
Какой въ нихъ жалкій видъ тоски и принужденья!
И слушаю я ихъ... душа моя скорбитъ!
Подъ общій уровень ей подогнуться трудно;
А рѣзвая мечта опять меня манитъ
Въ пустыни Божіи изъ сей пустыни людной...
И неба синяго раздолье вижу я,
И жаворонокъ въ немъ звенитъ на полной волѣ,
А колокольчиковъ безчисленныхъ семья
По вѣтру зыблется въ необозримомъ полѣ...
То рѣчка чудится, осыпавшійся скатъ,
Съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ
Отъ лѣса, наверху разросшагося дико.

Чу! шорохъ — я смотрю: вокругъ гнилаго пня,
Надъ муравейникомъ, алѣетъ земляника,
И вѣтки спѣлыя манятъ къ себѣ меня...
Но вижу — разобравъ тростникъ сухой и тонкій
Къ пурпурнымъ ягодамъ двѣ блѣдныя ручонки
Тихонько тянутся... какъ легкій, рѣзвый сонъ,
Головка дѣтская является, роняя
Густые локоны, сребристые какъ ленъ...
Одно движеніе — и нимфочка лѣсная,
Мгновенно оробѣвъ, малиновки быстрѣй,
Скрывается среди качнувшихся вѣтвей.

1856.

XXII.

МЕЧТАНІЯ.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей.
Пусть сѣетъ мелкій дождь или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рябитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаяся, шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно,
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтный,
Природу грустную ночной холодной мглѣ, —
Я одиночества не знаю на землѣ.
Забившись на диванъ, сижу; воспоминанья
Встаютъ передо мной; слагаются изъ нихъ
Въ волшебномъ очеркѣ чудесныя созданья,
И люди движутся, и глубже каждый мигъ
Я вижу души ихъ, достоинства ихъ мѣрю,
И такъ ужь наконецъ въ присутствіе ихъ вѣрю,

Что даже кажется, ихъ видитъ черный котъ,
Который, помѣстясь на столъ, подъ образами,
Подыметъ морду вдругъ и желтыми глазами
По темной комнатѣ мурлыча поведетъ...

1855.

XI.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Зачѣмъ, шутя неосторожно,
Въ мою ты вкрадывалась душу?
Я зналъ, что, міръ карая ложный,
Я сонъ души твоей нарушу...

И что жь? мы смотримъ другъ на друга:
Ты — въ изумленьѣ и безсильѣ,
Какъ ангелъ чистый, отъ испуга
Расправить немогущій крылья...

А я... я чувствую — надъ бездной
Теперь поставлена ты мною...
Ахъ, мчись скорѣй въ свой міръ надзвѣздный,
И — не зови меня съ собою!

Нѣтъ, не одна у насъ дорога!
То, чѣмъ я гордъ, тебя пугаетъ,
И не увѣруешь ты въ бога
Который грудь мнѣ наполняетъ...

1857.

II.

Еще я полнъ, о другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой!...
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной, —

И, проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его...

1852.

III.

Люблю, если, тихо къ плечу моему головой прислонившись,
Съ любовью ты смотришь, какъ, очи потупивъ, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнутъ тобою,
Я очи къ тебѣ обращу и съ твоими встрѣчаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, какъ будто бы въ сладкомъ
молчаньѣ
Мы мыслью сошлися и много сказали улыбкой и взоромъ.

1850.

IV.

Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы,
На рукахъ у меня, какъ младенецъ, ты спишь:
На лицѣ твоемъ кроткомъ послѣдняя дума
Съ неотертой послѣдней слезинкой дрожитъ.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что безчувственъ къ слезамъ я казался твоимъ...
Не затѣмъ ли сквозь сонъ ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря на тебя,
Тихо няньча тебя на рукахъ какъ младенца,
Я страдаю какъ ты, и заплакать готовъ?

1851.

V.

Порывы нѣжности обуздывать умѣя,
На ласки ты скупа. Всегда собой владѣя,
Лелѣешь чувство ты въ безмолвіи, въ тиши,
Въ святилищѣ больной, тоскующей души...
Я знаю, страсть въ тебѣ питается слезами.
Когда жь, измучена ревнивыми мечтами,
Сомнѣнья, и тоску, и гордость побѣдя,
Отдашься сердцу ты, какъ слабое дитя,
И жмешь меня въ своихъ объятіяхъ рыдая,—
Я знаю, милый другъ, не можетъ такъ другая
Любить, какъ ты! Нѣтъ словъ милѣе словъ твоихъ,
Нѣтъ искреннѣе слезъ и клятвъ твоихъ нѣмыхъ,
Краснорѣчивѣе — признанья и укора,
Признательнѣе нѣтъ и глубже нѣту взора,
И нѣтъ лобзанія сильнѣе твоего,
Которымъ бы сказать душа твоя желала,
Какъ много любишь ты, какъ много ты страдала.

1852.

VI.

Точно голубь свѣтлою весною,
Ты веселья нѣжнаго полна,
Въ первый разъ, быть можетъ, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И межь тѣмъ, какъ музыкою счастья
Упоенъ, хочу я въ тишинѣ
Этотъ мигъ, какъ лучъ среди ненастья,
Охватить душой своей вполнѣ,

И молчу, чтобъ не терять ни звука,
Что̀ дрожатъ въ сердцахъ у насъ съ тобой —
Вижу вдругъ — ты смолкла, въ сердцѣ мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мнѣ, что̀ проникло
Въ грудь твою, чѣмъ сердце сражено —
Говоришь: ты къ счастью не привыкла,
И страшитъ тебя — къ добру ль оно?..

Ну, такъ что̀ жь? пусть снова идутъ грозы!
Солнце вновь вослѣдъ проглянетъ имъ.
И тогда страданія и слезы
Мы опять душой благословимъ.

1855.

VII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Жизнь еще передо мною
Вся въ видѣніяхъ и звукахъ
Точно городъ дальній утромъ,
Полный звона, полный блеска!..

Всѣ минувшія страданья
Вспоминаю я съ восторгомъ,
Какъ ступени, по которымъ
Восходилъ я къ свѣтлой цѣли...

1857.

XII.

ДОЧЕРИ.

I.

Новая, свѣтлая звѣздочка
Въ сумракъ души моей глянула!
Это она, моя дѣвочка!
Въ глазкахъ ея уже свѣтится
Нѣчто безсмертное, вѣчное,
Нѣчто, сквозь міръ сей вещественный,
Дальше и глубже глядящее...

1856.

II

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужь видимы уловки.
Зову ль ее къ себѣ, хочу ль поцѣловать,
И трачу весь запасъ ласкающихъ названій,—
Она откинется, смѣясь, на шею няни,
Старушку обовьетъ руками горячо,
И обѣ щеки ей цѣлуетъ безъ пощады,
Лукаво на меня глядитъ черезъ плечо,
И тѣшится моей ревнивою досадой.

1857.

III.

Эти дѣтскіе глазки
Полны счастья и ласки,
Такъ же смѣло глядятъ
Въ очи людямъ прохожимъ,
Какъ и ангеламъ Божьимъ,
Что̀ надъ ними кружатъ..

1858.

IV.

Не можетъ быть! не можетъ быть!
Она жива!.. сейчасъ проснется...
Смотрите: хочетъ говорить,
Откроетъ глазки, улыбнется,
Меня увидитъ, обоймет — —
И вдругъ понявъ, что̀ плачъ мой значитъ. —
Ласкаясь, нѣжно мнѣ шепнетъ:
«Какой смѣшной! о чемъ онъ плачетъ!..»

Но нѣтъ!.. лежитъ... тиха, нѣма,
Недвижна...

1867.

V.

Вотъ ужь и гробъ!.. и она
Тихо лежитъ межь цвѣтовъ...
Что же за призраки вкругъ
Въ бѣлыхъ одеждахъ стоятъ?
Свѣтлыхъ ли грёзъ ея рой,
Свѣтлыхъ мечтаній, надеждъ,—
Спутницы жизни ея?
Тѣ, съ кѣмъ она по часамъ
Тихія рѣчи вела,
Что провожали ее
Всюду — въ поляхъ и лѣсахъ?..
Смолкли и плачутъ онѣ,
Тихо обнявшись вокругъ
Бѣдной подруги своей...
Плачутъ — она жь и теперь
Имъ улыбается... Да!
Да, улыбается имъ...
О, безпощадная смерть!

1867.

XIII.

ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ.

I.

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкругъ берегъ пустъ — скала, песокъ...
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою...
И такъ покой кругомъ глубокъ,

Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится...

Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ,
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,

Что если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ войдетъ, —

То тамъ, межь нихъ воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой, —
«Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!»

1858.

II.

О вѣчно-ропщущій, угрюмый Океанъ!
Съ богами вѣчными когда-то въ гордомъ спорѣ
Цѣпями вѣчными окованный Титанъ,
И древнее свое одинъ несущій горе!
Ты успокоился... на долго ли?.. О, мигъ —
И, грозный, вдругъ опять подымется старикъ;
И — злобствуя на все, на солнце золотое,
На пѣсни Нереидъ, на звѣздный тихій свѣтъ,
На счастіе, какимъ исполнился поэтъ,
Обрѣтшій свой покой въ его святомъ покоѣ, —
Ударитъ по волнамъ, кляня суровый рокъ,
И грозно требуя въ неистовой гордынѣ,
Чтобы не смѣлъ глядѣть ни человѣкъ, ни богъ,
Какъ горе онъ свое несетъ въ своей пустынѣ...

Біарица. 1859.

III.

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ,
А тамъ — какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ дѣвственномъ веселѣ,
Въ багрянцахъ утра — ледники!

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой
И свѣта полной глубины!

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людскаго тамъ слѣда, —
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: «туда! туда!»

1859.

IV.

АЛЬПІЙСКАЯ ДОРОГА.

На горѣ, сіяньемъ утра
Деревянный крестъ облитъ,
И малютка на колѣняхъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоитъ...

Помолись, душа святая,
И о странныхъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ, и о злыхъ...

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду одинокъ...

1859.

V.

Все — серебряное небо!
Все — серебряное море!
Теплой влагой воздухъ полонъ!
Тишина такая въ мірѣ,
Какъ въ душѣ твоей бываетъ
Послѣ слезъ, когда, о Нина,
Сердце кроткое осилитъ
Страстью поднятую бурю,
И на блѣдныя ланиты
Ужь готовъ взойти румянецъ,
И въ очахъ мерцаетъ тихій
Свѣтъ надежды и прощенья...

Ницца. 1858.

VI.

Здѣсь весна, какъ художникъ ужь славный, работаетъ тихо,
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣлѣ проходитъ и болѣ.
Словно кончитъ картину и публикѣ дастъ наглядѣться,
Да и публика знаетъ маэстро — и ужь много о немъ не толкуетъ:
Репутація сдѣлана: бюстъ ужь его въ Пантеонѣ.
То ли дѣло нашъ Сѣверъ! весна, какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лучахъ, и растопитъ снѣга и угонитъ,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровы,
Вздуетъ почки въ лѣсу, и — цвѣтами ужь зыблется поле!
Не успѣетъ крестьянинъ промолвить: «никакъ нынче ведро»,
Какъ — и соху справляй, и сырую разрыхливай землю!
А на небѣ-то, Господи, праздникъ, и звонъ, и веселье!
И летятъ надо всею-то ширью отъ моря и до моря птицы—
Къ зеленямъ безпредѣльнымъ, къ широкимъ зеркальнымъ разливамъ!

Выбирай лишь гдѣ больше приволья въ водѣ имъ и въ лѣсѣ!
И кричатъ какъ, завидя знакомыя рѣки и дебри,
И съ соломенныхъ крышъ бѣловатый дымокъ надъ поляной!..
Унеси ты, волшебникъ, скорѣе меня въ это царство,
Гдѣ по утреннимъ свѣтлымъ зарямъ бодро дышится груди,
Гдѣ предъ ликомъ Господнихъ чудесъ умиляется всякое
сердце...

Неаполь. 1859.

XIV.

НЕАПОЛИТАНСКІЙ АЛЬБОМЪ.

(МИССЪ МЕРИ).

1858—1859.

I.

ДОНЪ-ПЕППИНО.

Жаръ упалъ. На берегъ моря
Шумно въ садъ толпа валитъ,
И кругомъ, по звонкой лавѣ,
Экипажей рой летитъ...

Звонъ колесъ, и блескъ, и хохотъ...
Крикъ и щелканье бичей!..
Все-то къ саду мчится, къ морю,
Въ сѣнь каштановыхъ аллей.

«Что̀ за женщины!» бормочетъ
Сѣверянинъ отъ души;
Сѣверянки жь прибавляютъ:
«И мужчины хороши!»

Хороши! но вотъ, смотрите —
Изъ красавцевъ Аполлонъ!
Какъ онъ божески спокоенъ,
Точно нектаромъ вспоенъ!

Даже эта эспаньйолка!
Съ шикомъ лондонскимъ нарядъ,
Даже розочка въ петлицѣ
Сходству съ богомъ не вредятъ!

Вотъ онъ бросилъ свой миланскій
Щегольской кабріолетъ,
Входитъ въ садъ — въ толпѣ движенье,
Всѣ глядятъ ему вослѣдъ...

Аполлонъ!.. Но вотъ къ миссъ Мери
Олимпіецъ подошелъ...
Вкругъ нея какъ будто вспыхнулъ
Тотчасъ свѣтлый ореолъ...

Ахъ, я чувствую, неловко
Ей отъ этихъ черныхъ глазъ,
Хоть глядитъ онъ такъ покорно,
Говоритъ полусмѣясь....

И должно быть въ этомъ взглядѣ
Власть и сила безъ границъ!
Ледяныхъ я зналъ красавицъ,
Величавыхъ, гордыхъ львицъ...

Но взглянулъ онъ — прочь величье!
Эта львица передъ нимъ
Тише, тише — и ужь смотритъ
Вдругъ звѣркомъ совсѣмъ ручнымъ!

Такъ и ластится, и ходитъ,
И съ него не сводитъ глазъ...
О, миссъ Мери, о, миссъ Мери!
Признаюсь — дрожу за васъ!

II.

Боже мой, какая нѣга
Въ этихъ палевыхъ ночахъ!
Все какъ будто замираетъ
Въ сладострастныхъ, жаркихъ снахъ!

На цвѣты посмотришь, право —
Покраснѣешь со стыда!
Какъ ласкаются, что̀ шепчутъ,
И что̀ дѣлаютъ — бѣда!

Нѣтъ, домой скорѣй, миссъ Мери!
На замокъ скорѣй балконъ!
Прогоните донъ-Пеппино...
Онъ отваженъ и влюбленъ...

Въ эту ночь, какъ разъ забудешь,
Что̀ дозволено, что̀ грѣхъ,
И въ одну минуту сердце
Скажетъ вамъ: все вздоръ и смѣхъ!

III.

Вотъ смотрите, о, миссъ Мери,
Весь на аркахъ, весь сквозной,
Королевы Іоанны
Замокъ темный и нѣмой.

Днемъ въ тотъ замокъ ѣздятъ даже
Кушать устрицы — тамъ видъ
Чудный къ морю, и бесѣдка
Виноградная стоитъ.

По ночамъ — другое дѣло!
Не пройдетъ вблизи руинъ
Безъ воззванія къ Мадоннѣ
Босоногій капуцинъ;

Въ страхѣ ослика колотитъ
Здѣсь погонщикъ въ поздній часъ,
И бѣжитъ проворной рысью
Самъ, за хвостъ его держась;

И съ компаніей веселой
Изъ Пуццоло каретьеръ
Только съ хлопаньемъ и гикомъ
Пролетитъ во весь карьеръ.

Слухъ идетъ о королевѣ,
Будто чортъ, поспоря съ ней,
По ночамъ ей обязался
Приводить богатырей;

Что въ своихъ объятьяхъ много
Ихъ замучила она,
Но доселѣ не сказала:
«Мнѣ довольно, сатана!..»

И въ урочный часъ, сіяя
Красотой могучей женъ
Тѣхъ желѣзныхъ, тѣхъ кровавыхъ,
Полуварварскихъ временъ —

Въ замокъ свой она приходитъ...
Стражи тутъ тревогу бьютъ,
Видно, какъ пажи въ аркадахъ
Съ канделябрами бѣгутъ,

И въ коронѣ многоцвѣтной
Въ свой чертогъ она идетъ,
И съ своей порфирой алой
То мелькнетъ, то пропадетъ...

И безумцевъ такъ и тянетъ
Съ ней, женой богатырей,
Испытать и пылъ, и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Разъ и я былъ, о, миссъ Мери,
Этой чарою объятъ...
Долго ждалъ я, скоро ль въ окнахъ
Канделябры заблестятъ...

И когда бъ тутъ не промчался
Мистеръ-Джона экипажъ,
И при бѣломъ лунномъ свѣтѣ
Не мелькнулъ мнѣ образъ вашъ —

Образъ, полный тѣмъ прозрѣньемъ,
Торжествомъ и тишиной,
Что̀ въ страдальцахъ предъ кончиной
Поражаетъ насъ порой —.

Я, клянусь вамъ, о, миссъ Мери,
Въ эту ночь съ ея луной,
Съ этой нѣгой — я не знаю,
Что̀ бы сдѣлалось со мной!

IV.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

(Романсъ донъ-Пеппино).

Andante.

Se io fossi un angelo...

Когда бъ я ангелъ былъ небесный,
Тебя бъ на небо я умчалъ,
И, полонъ радости чудесной,
Съ тобой къ Всевышнему предсталъ,
Чтобы — о, чистое созданье! —
Средь ликованья горнихъ силъ
Онъ красоты твоей сіянье
Лучомъ безсмертья озарилъ!

Allegro.

«Океанъ кидаетъ волны!
Все глядитъ къ звѣздѣ своей!
И въ волнахъ, на каждомъ взломѣ,
Блещетъ свѣтъ ея лучей.
Упади, звѣзда златая,
Упади ко мнѣ на грудь,
А не то вѣдь я сумѣю
И до неба досягнуть!»

V.

Весь Неаполь залитъ газомъ,
Шумомъ улицы полны,
Но въ Hôtel di Gran-Bretagna
Окна всѣ затворены.

Лишь въ одномъ окошкѣ лампа:
За газетой мистеръ Джонъ...
Точно саванъ примѣряя,
Times развертываетъ онъ...

За работой вы, миссъ Мери!
Какъ идетъ румянецъ къ вамъ,
И разсыпанныя просто
Ваши кудри по плечамъ!

Блескъ въ глазахъ... и грудь какъ дышитъ...
Такъ я видывалъ не разъ,
Дышитъ птичка, изъ-подъ лапы
У кота освободясь...

VI.

Я люблю въ Café d'Europa
Смѣхъ и шумъ во всѣхъ углахъ,
Серебро, хрусталь на звонкихъ
Бѣломраморныхъ столахъ.

Всѣмъ тутъ весело: Французамъ
Съ вѣчной сахарной водой,
Саввѣ Саввичу съ шампанскимъ
И съ котлетой отбивной.

Итальянцы жь, какъ на балѣ,
Всѣ во фракахъ щегольскихъ...
Лишь блестящій донъ-Пеппино
Нынче что-то пріутихъ.

«Вотъ ужь каменное сердце!»
Онъ шипитъ: «Не вмоготу!..
И даетъ же имъ Создатель
Неземную красоту!..

«Чай, сидитъ теперь и пишетъ
Про Неаполь чепуху
Своему такому жь точно
Ледяному жениху!

«Вздохи шлетъ свои въ Калькутту,
Гдѣ Альфредъ ея — лѣтъ пять
Сѣетъ макъ, во имя Мери, —
Чтобъ китайцевъ отравлять!»

VII.

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ...

Какое утро!.. Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ;

И — слѣдъ утихнувшаго гнѣва —
Бурунъ вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухого рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ...

Плыву я, счастьемъ тихимъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожитъ:
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользитъ...

Молчитъ — и лишь съ улыбкой взглянетъ.
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣткомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ будто сильфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скалъ, дыша тепломъ,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ...

VIII.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

Передъ тобой синѣетъ море,
Заря играетъ по горамъ,
Но какъ тоскующая лебедь
Блуждаешь ты по берегамъ;

За убѣгающей волною,
Сжимая руки, ты слѣдишь, —
И «гдѣ онъ? гдѣ? скажи, о море!»
Въ пустыню съ воплемъ говоришь!

IX.

Князь NN. и графъ фонъ-Дум — енъ,
Мимчанъ С., артистъ Б — инъ,
Мечутъ съ хохотомъ червонцы
Въ глубину морскихъ пучинъ.

За червонцемъ въ ту жь минуту
Мальчикъ — прыгъ! исчезъ въ водахъ, —
И ужь вынырнетъ навѣрно
Съ золотымъ кружкомъ въ зубахъ...

Молодецъ!.. Но, милый мальчикъ,
Знаю бездну я одну...
Самъ Господь червонцевъ вопалъ
Много въ эту глубину, —

Только дна ты въ ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной миссъ Мери,
Англичанки ледяной!

X.

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ —
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ.

Вы войдете: что малютокъ
Улыбается! что глазъ —
Черныхъ глазъ—въ толпѣ безмолвной
Подымается на васъ!

XI.

Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно
Держитъ рѣчь къ толпѣ монахъ
И къ огромному распятью
Припадаетъ весь въ слезахъ.

«Се Страдалецъ!» восклицаетъ:
«Острый тернъ чело язвитъ!
Се божественныя ребра!
Кровь ручьемъ изъ нихъ бѣжитъ!

«Онъ за васъ пріемлетъ муки!
Вамъ же трудно для Него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..»

И толпа вокругъ рыдаетъ,
Все готова обуздать, —
Лишь бы, выйдя вонъ изъ храма,
Черныхъ глазъ не повстрѣчать.

XII.

Ахъ, межь тѣмъ какъ вы стояли,
На рѣшетку опершись,
Въ темномъ храмѣ, и душою
Въ свѣтлый куполъ унеслись —

Я глядѣлъ на васъ, миссъ Мери!
Понялъ я вашъ грустный взоръ! —
Этихъ ангельчиковъ съ вами
Я подслушалъ разговоръ.

— «Жаль, что ты для насъ чужая!»
Вамъ сказали.—«Но, увы!
Воротиться невозможно!»
Отвѣчали кротко вы.

— «У тебя такъ много горя!
Съ кѣмъ ты выплачешь его?
— «Съ кѣмъ? — Одна! сама съ собою! —
Вкругъ—пустыня! никого!» —

— «Кто въ пути тебя наставитъ?»
— «Умъ!» — «Все умъ..! а сердце что жь?»
— «Умъ для сердца лучшій кормчій!»
— «Лжешь, миссъ Мери, право, лжешь!

«Мы вѣдь знаемъ—какъ ребенокъ,
Сердце скажетъ вдругъ: «хочу» —
И прощаемъ!..» — «Вы жь съ улыбкой:
— «Но сама я не прощу!»

Тутъ поднялись вы — и легкимъ
Наклоненьемъ головы
Съ свѣтлымъ сонмомъ силъ небесныхъ,
Какъ съ дѣтьми, простились вы...

XIII.

Золотой архіепископъ,
Signoria и народъ,
Иностранцы въ черныхъ фракахъ,
Весь Неаполь — чуда ждетъ.

Взоры всѣхъ на стклянкѣ съ кровью...
Только кровь все не кипитъ...
Санъ-Дженнаро, Санъ-Дженнаро!
Или ты на насъ сердитъ!

Или есть межь нами грѣшникъ?
Бейте жь въ грудь себя сильнѣй!
Бейтесь объ полъ головами!
Плачьте громче, горячѣй!

Донна Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счетъ грѣхамъ?

И на исповѣди все ли
Перечли духовникамъ?..

Да не я ли ужь помѣха?
Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!
Не миссъ Мери ль? Но миссъ Мери
Ужь уѣхала домой.

Мимоѣздомъ въ Санъ-Дженнаро,
Въ амазонкѣ и съ хлыстомъ
Появлялася миссъ Мери...
Взглядъ лишь бросила кругомъ —

Боже! точно льдомъ пахнуло
Отъ нея на всѣхъ на насъ —
Льдомъ полярнымъ, правда, чистымъ
И прозрачнымъ, какъ алмазъ!..

Мистеръ Джонъ одинъ остался,
И во всѣ глаза слѣдитъ
За движеньями прелата,
Что̀ предъ стклянкою стоитъ.

XIV.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Далеко, на самомъ морѣ,
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ.

Вставлю въ нихъ кругомъ сапфиры,
Жемчугъ, бирюзу,
Жить туда со мной навѣки
Нину увезу.

И едва кругомъ съ балкона
Нина поглядитъ —
«Солнце всходитъ! солнце всходитъ!»
Все заговоритъ!

XV.

ЕЩЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой,
Умирать — такъ умирать,
Отъ ножа, въ глазахъ у милой!
Станетъ вдругъ она тогда
Говорить — о чемъ молчала,
Цѣловать — какъ никогда
До того не цѣловала!

XVI.

Что̀ за шумъ и крикъ, о Боже!
Нина! Ты ль, моя краса,
Такъ безжалостно вцѣпилась
Лоренцино въ волоса!

Точно молнія блеснула,
Видѣлъ я, въ глазахъ твоихъ —
И изъ ангела въ тигрицу
Превратилася ты вмигъ!

А все вы виной, миссъ Мери,
Что смотрѣли на него,
И этюдъ нашли въ немъ чудный
Для альбома своего!

XVII.

Вы повсюду — о, миссъ Мери! —
Въ этотъ зной!.. Лучи палятъ —
Сотни каторжниковъ красныхъ
Гору бѣлую сверлятъ...

Что вы взорами впились
Въ этотъ пестрый сбродъ людей,
Въ эти бронзовыя лица?
Иль вамъ чуденъ стукъ цѣпей?

Или вамъ въ толпѣ несчастныхъ
Дико видѣть смѣхъ и споръ,
И трагическія позы,
И комическій задоръ?

Знаю — «мучениковъ мысли»
Все вы ищите межь нихъ,
Чтобы нѣсколько имъ бросить
Утѣшенья словъ святыхъ!

О, подъ этимъ яснымъ небомъ,
Посреди счастливыхъ лицъ —
Эти люди вѣдь опаснѣй
И бандитовъ, и убійцъ!

Ихъ катоновская мрачность
И улыбка злая ихъ
Навели бъ и страхъ, и скуку
На людей и на святыхъ!

И, спасибо, ихъ далеко
Убираютъ здѣсь — туда,
Гдѣ и солнце ненарокомъ
Не бываетъ никогда!

XVIII.

ДВА КАРЛИНА.

«Эй, синьйоръ! хоть два карлина
Дайте мнѣ за что-нибудь!
Спѣть вамъ — bella Sorrentina?
Или пыль съ сапогъ стряхнуть?»

«Боже мой! съ какою злобой
Вы кричите: негодяй!
Здѣсь Неаполь! здѣсь особый
И народъ, и самый край!

«Много есть народовъ умныхъ,—
Но философъ—нашъ одинъ,
Хоть живетъ средь улицъ шумныхъ
Какъ поэтъ и арлекинъ!

«Богачи и ладзароны —
Все одна душа! у всѣхъ
Счастье—тѣ же макароны,
Тѣ же пѣсни, тотъ же смѣхъ!

«Наши пѣсни—что̀ ихъ краше?
Какъ цвѣты изъ нѣдръ земныхъ,
Изъ груди пѣвучей нашей
Такъ и тянетъ солнце ихъ!

«Смѣхъ намъ хартія! захочетъ
Деспотъ сжать насъ—смѣхъ ужь тутъ:
Знакъ, два слова—и хохочетъ
Весь Неаполь, всякій людъ!

«Мирно съ церковью онъ ладитъ,
Да и церковь ко двору!
Для него Мадонну рядитъ,
Какъ невѣсту на пиру!

«Галлы, Нѣмцы, Аррагонцы
Споръ вели изъ-за него —
Онъ, отъ всѣхъ ловя червонцы,
Не стоялъ ни за кого!

«Возвѣстилъ ему свободу
Гарибальди — perchè no?
Были бъ праздники народу,
Были бъ пѣсни и вино!

«Все равно, кто правитъ нами —
Тотъ иль этотъ!.. Здѣсь одинъ
Надъ рабами и царями
Есть повыше господинъ...

«Вонъ — чудовище! — открыло
Къ ночи огненную пасть...
Точно ждетъ, сбираясь съ силой,
Только знака, чтобъ напасть!

«Не минуемъ вѣрной кары!
Нынче ль, завтра ль — все одно!..
Ужь подземные удары
Ночью будятъ насъ давно,

«И колеблющейся лентой
По прозрачнымъ небесамъ,
Отъ Пуццоло до Сорренто
Дымъ стоитъ и здѣсь, и тамъ...

«Все, что̀ дышетъ — гибель чуетъ,
И, бояся опоздать,
Веселится и ликуетъ...
Человѣку ль отставать?

«Лучше пѣть, забывши горе,
Передъ часомъ роковымъ,
Какъ поглотитъ огнь иль море
Почву шаткую подъ нимъ...

«Ахъ, ужасная картина!
Вдругъ порвется жизни нить...
Такъ что... ваши два карлина...
Передъ смертью, можетъ быть!»

XIX.

ТАРАНТЕЛЛА.

(На голосъ: *Già la luna è mezz'al mare...*)

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко ужь идетъ!
Вонъ ужь скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вонъ — ужь кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчались въ кругъ живой —
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!..
Вслѣдъ за ними намъ—смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьйоръ, синьйоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьйора? Вы бъ. и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,

Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки —
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былова,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну—такъ къ намъ—и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары
Не сидится старикамъ...

Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль! вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно,
Что̀ такое человѣкъ!..
Что̀ тутъ думать!... шибче скрипки!
Наши — юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

XX.

LACRYMAE CHRISTI.

На Везувіи пустынникъ
Жилъ ужь много лѣтъ;
Былъ здоровъ, румянъ и веселъ,
Хоть давно ужь сѣдъ;
Но, живя въ уединеньи,
Говорить отвыкъ,
И, что годъ, то становился
Туже на языкъ.

Жилъ онъ, жилъ, молился Богу,
Виноградъ садилъ—
Виноградъ же этотъ въ мірѣ
Всѣмъ извѣстенъ былъ:
Только онъ давалъ густое,
Темное вино...
Подъ названьемъ Слезъ Христовыхъ
Славилось оно.

И хотя къ нему названье
Не Христовыхъ слезъ,
А скорѣе слезъ Титана
Лучше бы пришлось —
Жгло оно и страсть будило —
Но, увы! старикъ
Въ миѳологіи не смыслилъ,
Въ жизнь не видѣлъ книгъ...
А могучихъ лозъ обилье,
Въ простотѣ своей,
Все приписывалъ Мадоннѣ.
И молился ей,
И за каменной оградой
У своихъ воротъ,
Ей часовенку поставилъ —
Отъ всѣхъ бѣдъ оплотъ!

Такъ шли годы. На Везувій
Вѣчно шелъ народъ;
Къ старику ужь вѣрно каждый
За виномъ зайдетъ;
Только вотъ — уже съ недѣлю
Сталъ вулканъ бурлить;
Старика предупреждали,
Что ужь худу быть!

Что геологи пугаютъ
Близкою бѣдой, —
Но старикъ лишь улыбался
И махалъ рукой.
Только вотъ съ своей постели
Онъ былъ сброшенъ вдругъ
Отъ подземнаго удара...
Смотритъ — адъ вокругъ!
Изъ жерла вулкана — пламя
Огненнымъ снопомъ!
Громъ — какъ будто сотни пушекъ
Грянули кругомъ.
Всюду лопаютъ вулкана
Черные бока —
И течетъ изъ нѣдръ ихъ лавы
Свѣтлая рѣка...

Ослѣпленъ и задыхаясь,
Еле живъ старикъ;
Чуть доползъ онъ до часовни,
Къ ней лицомъ приникъ,
Лозъ пригнулъ къ себѣ — но листья
Свертываетъ жаръ,
Кисти лопаютъ и каплютъ,
И идетъ съ нихъ паръ...

XXI.

Все ты бредишь Англичанкой,
Что̀ сегодня на зарѣ
Оссіановскою тѣнью
Пронеслася по горѣ...

Я увѣренъ, Савва Саввичъ,
Что и осликъ сѣрый твой
Все арабской кобылицей
Нынче бредитъ день-деньской.

Странно бъ было, еслибъ даже
Вы въ сужденьяхъ разошлись —
Онъ — о кровной кобылицѣ,
Ты — о кровной этой миссъ!

XXII.

Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,
Что судьбой гонимъ съ пеленъ.
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чиномъ обойденъ!

Другъ! не ты одинъ страдаешь!
Вонъ — взгляни: оселъ стоитъ,
И съ горы на весь Неаполь
О бѣдахъ своихъ кричитъ.

XXIII.

Фердинандъ король былъ рыцарь,
Деликатности примѣръ!
Онъ за собственной печатью
Заперъ всѣхъ нагихъ Венеръ,

А раздѣтыхъ Геркулесовъ
Всѣхъ оставилъ по мѣстамъ...
Не боясь мужчинъ обидѣть,
Обижать не смѣлъ онъ дамъ.

XXIV.

Внѣ ограды Campo Santo,
Не въ ряду святыхъ могилъ,
Нынче съ почестью Неаполь
Примадонну хоронилъ.

Безъ военнаго конвоя,
Безъ монаховъ и поповъ,
Самъ народъ «комедіянтку»
Провожалъ дождемъ цвѣтовъ.

Каждый чувствовалъ, что городъ
Точно вдругъ опротѣлъ,
Ото всѣхъ сердецъ какъ будто
Добрый геній отлетѣлъ...

Не безъ зависти, миссъ Мери,
Вы смотрѣли изъ окна,

Какъ за гробомъ примадонны
Шла народная волна.

Какъ, въ своихъ лохмотьяхъ, важно
Ладзароны гробъ несли,
Какъ по ихъ угрюмымъ лицамъ
Слезы тихія текли...

Хоть вы знали, пуританка,
Что цѣною жгучихъ слезъ,
Бурной жизнью, трудной школой
Все божественной далось...

Мистеръ Джонъ объ этомъ знаетъ,
Но молчитъ вашъ мистеръ Джонъ...
Вспоминая, сколько «фунтовъ»
На нее потратилъ онъ...

Но за то мой Савва Саввичъ,
Съ простодушіемъ дѣтей,
Безкорыстно радъ поплакать
Чуждой скорби, какъ своей.

XXV.

Миссъ! не бойтесь легкой шутки!
Мы вѣдь шутимъ надо всѣмъ,
Шутимъ даже надъ героемъ
Нашихъ собственныхъ поэмъ...

Да и что̀ моя вамъ шутка!
Вдругъ у вашихъ ногъ блеснетъ,
И, какъ ящерица въ камняхъ,
Шаловливо пропадетъ.

XXVI.

Донъ-Пеппино Русской бредитъ,
Щеголяетъ въ бирюзѣ,
И въ Café d'Europa всюду
Чертитъ пальцемъ букву З.

Повторяетъ безпрестанно
При другихъ и про себя:
«Зина, Зина — che bel'nome!»
И потомъ: «люблю тебя».

Такъ, по-русски... Вотъ нескромникъ!
Здѣсь вѣдь рѣдкость бирюза,
И любуясь ею, денди
Шепчетъ всѣмъ: «ея глаза».

XXVII.

Пульчинель вскочилъ на бочку,
И толпа ужь собралась;
Жестъ лишь сдѣлалъ — и вся площадь
Яркимъ смѣхомъ залилась.

Берегись, смотри, проказникъ!
Этотъ смѣхъ вѣдь обѣжитъ
Цѣлый городъ — тамъ, какъ эхо,
Въ Аппенинахъ прогремитъ,

Здѣсь раскатится по морю
И ударитъ по скаламъ
Капри, Исхіи, Прочиды,
Въ домы къ смѣлымъ рыбакамъ!

Берегись! хоть Санъ-Дженнаро
И съ тобою заодно —
Но ужь съ фортовъ этихъ пушки
На тебя глядятъ давно!

XXVIII.

Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,
Опротивѣлъ, какъ тюрьма!
Это скалъ на грудѣ груда,
На домахъ еще дома!

Продавцовъ, мальчишекъ крики!
Крики взбалмошныхъословъ...
Точно городъ этотъ вѣчно
Занятъ пробой голосовъ!

Нынче жь, кажется, и въ морѣ,
Заглушая все, идутъ
Репетиціи трескучей
Оперетты «Страшный Судъ».

XXIX.

Душно! иль опять сирокко?
И опять заливъ кипитъ,
И дыханіе Сахары
Въ бурыхъ тучахъ вихорь мчитъ?

Въ лицахъ страхъ, недоумѣнье...
Средь безмолвныхъ площадей
Люди ждутъ въ томленьи страстномъ,
Грянулъ громъ бы поскорѣй...

Чу! ужь за моремъ онъ грянулъ!
И Сицилія горитъ!
Знамя свѣтлое свободы
Ужь надъ островомъ стоитъ!

Мигъ еще — конецъ тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народъ вкругъ Гарибальди
Кинетъ въ воздухъ колпаки!

XXX.

Говорятъ, со всѣхъ соборовъ
Нынче статуи святыхъ
Собирались въ Санъ-Дженнаро
О дѣлахъ судить своихъ.

Несогласье вышло въ мнѣньяхъ,
Кто храбрился, кто робѣлъ;
Порѣшили напослѣдокъ —
Ожидать исхода дѣлъ.

XXXI.

Блеститъ салонъ княгини Зины,
Но въ шумномъ говорѣ гостей —
Надъ мягкой красною фланелью
Сверкаютъ иглы русскихъ фей.

Но какъ пугливы эти феи!
Отъ бурь войны онѣ бѣгутъ:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашняго ждутъ!

XXXII.

Народный вождь вступаетъ въ городъ...
Все ближе онъ... все громче крикъ...
И вотъ онъ самъ, средь этихъ криковъ
Отъ счастья тихъ... о, чудный мигъ!

Къ нему всѣ рвутся, какъ на приступъ;
Но вотъ дорвалася одна —
И ужь съ цвѣткомъ изъ рукъ героя
Уходитъ, гордая, она!

О, сколько тамъ, въ странѣ тумановъ,
Средь вѣчныхъ будничныхъ тревогъ,
Напомнитъ Мери этотъ скромный,
Съ трудомъ доставшійся цвѣтокъ —

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волнъ народныхъ плескъ,
И вкругъ на всемъ, съ высотъ лазурныхъ,
Луча полуденнаго блескъ!

1858.

XV.

ДОМА.

I.

МАТЬ.

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ! не хочешь?... сказки — вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ-темномъ бору...

Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

«*Во сыромъ бору*» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужь день выводитъ —
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется —
«*Во темномъ-сыромъ бору*»
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!

Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что̀ затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ, —
Вдругъ ей ясно стало
Что̀ любви, что̀ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

1861.

II.

ВЕСНА.

(Посвящается Колѣ Трескину).

Уходи, зима сѣдая!
Ужь красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней — царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что̀ шума, что̀ гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой сарапъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ — ужъ пчелъ рои шумятъ.
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

1881.

III.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

(Посв. маленькой К—и).

Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узнаешь его!
Сдернута съ неба завѣса тумановъ,
По небу блескъ, на землѣ торжество!

Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота,
Машутъ знаменами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!

Точно какой побѣдитель вступаетъ
Въ городъ — и все пробудилось отъ сна...
Да, — побѣдитель! и вотъ ему птицы
Словно ужь грянули: «Здравствуй, Весна!»

1870.

IV.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

«Золото, золото падастъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
—Полно-те, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

1856.

V.

СѢНОКОСЪ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ — сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На́ возъ вилами кидаютъ...
Возъ ростетъ, ростетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

VI.

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужь умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...
Одно, прозрачное, какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенье на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

1862.

VII.

ВЪ СТЕПЯХЪ.

1.

НОЧНАЯ ГРОЗА.

Ну, ужь ночка! Воздухъ жгучій
Не шелохнется! Кругомъ
Жарко вспыхиваютъ тучи
Синей молніи огнемъ.

Словно смотръ въ воздушномъ станѣ
Духамъ тьмы назначенъ! Мигъ —
И помчится въ ураганѣ
По рядамъ владыка ихъ!

То-то грянетъ канонада, —
Огнь и громъ, и дождь и градъ,
И по степи силы ада
Съ дикимъ свистомъ полетятъ!..

Нѣтъ, при этакомъ невзгодьѣ,
Въ этомъ мракѣ, предоставь
Все коню! отдай поводья,
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, вѣрнымъ шагомъ,
Не мечася какъ шальной,
По равнинамъ, по оврагамъ,
Онъ примчитъ тебя домой...

2.

РАЗСВѢТЪ.

Вотъ — полосой зеленоватой
Ужь обозначился востокъ;
Туда — тепло и ароматы
Помчалъ со степи вѣтерокъ;

Блѣднѣютъ тверди голубыя;
На горизонтѣ — все чернѣй
Фигуры, словно вырѣзныя,
Въ степи пасущихся коней...

3.

Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ...
Сіяетъ ковыля серебряное море
Въ дрожащихъ радугахъ — незримый хоръ пѣвцовъ
И степь и небеса весельемъ наполняетъ —
И только тѣнь порой отъ бѣлыхъ облаковъ
На этомъ праздникѣ, какъ дума, пролетаетъ.

4.

ПОЛДЕНЬ.

Паръ полуденный, душистый
Подымается съ земли...
Что жь за звуки въ серебристой
Все мнѣ чудятся дали?

И въ душѣ моей, какъ тѣни
По степи отъ облаковъ,
Рядъ проносится видѣній,
Рой какихъ-то давнихъ сновъ.

Орды ль идутъ кочевыя?
Ревъ верблюдовъ, скрипъ телѣгъ?..

Не стрѣльцы ль сторожевые?
Не казацкій ли набѣгъ?

Полоняночка ль родная
Пѣсню жалкую поетъ,
И татарченка качая,
Голосъ милымъ подаетъ?..

5.

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ.

«Се вѣтри, Стрибожьи внуци, вѣютъ съ моря...
на силы Дажьбожья внука, храбрыхъ Русичей...»
Слово о Полку Игоревѣ.

Стрибожьи чада! Это вы
Несетесь съ шумомъ надъ степями,
Почти касаясь крылами
Подъ ними гнущейся травы?
Чего вамъ надо? Эти степи
Уже не тѣ, что въ дни, когда
Здѣсь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожаръ и цѣпи!
Ушелъ далеко Черный Дивъ,

Передъ Дажьбожьими сынами,
Имъ, чадамъ Свѣта, уступивъ
Свое господство надъ степями!
И Солнца русые сыны
Пришли — и степь глядитъ ужь садомъ...
Тамъ — зрѣютъ жатвы; убраны
Тамъ холмы синимъ виноградомъ;
За весью весь стоитъ; косцовъ
Несется пѣсня удалая,
И льется звонъ колоколовъ
Въ степи отъ края и до края...
И слухъ пропалъ о временахъ,
Когда, столь грозное бывало,
Здѣсь царство темное стояло;
И путникъ мчится въ сихъ мѣстахъ,
Стада овецъ порой пугая,
Нигдѣ засадъ не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падшихъ ратей ищутъ тщетно
Въ степи, на клёктъ ихъ безотвѣтной,
Съ высотъ лазуревыхъ орлы...

1863.

VIII.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;

Вонъ — на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Пагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, —
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно —
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

1856.

IX.

Дорогъ мнѣ, передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженый
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я — свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ:
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — мѣдный грошъ вдовицы,
Это — лепта бѣдняка,

Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это — свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

1869.

XVI.

СТРАНЫ и НАРОДЫ.

I.

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ;
Ужь длится града оборона
Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужь не ждали,
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣдъ ихъ — проклинали:
«Елена! ты съ собой ввела
«Смерть въ наши домы! ты намъ плѣна
«Готовишь цѣпи!!!...»
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ;

Въ ней дѣтская сіяла благость,
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.

1869.

II.

ПЛАТОНА

единственные два стиха, до насъ дошедшіе.

Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ,
Чтобы тебя созерцать всѣми очами его!

1883.

III.

ИЗЪ САФО.

Онъ — юный полубогъ, и онъ — у ногъ твоихъ!..
Ты — съ лирой у колѣнъ — поешь ему свой стихъ —
Онъ замеръ слушая — лишь жадными очами
Слѣдитъ за легкими перстами
На струнахъ золотыхъ...
А я?.. Я тутъ же! тутъ! Смотрю, слѣжу за вами —
Кровь — къ сердцу прилила — нѣтъ силъ,
Дыханья нѣтъ! Я чувствую, теряю
Сознанье, голосъ... Мракъ глаза мои затмилъ —
Темно!.. Я падаю... я умираю...

1875.

IV.

РЫЦАРЬ.

(Изъ Bertrand de Born).

Смѣло, не потуня взора,
Но какъ праведникъ, на судъ
Къ вамъ являюсь я, сиьора,
И скажу одно: вамъ лгутъ.
Пусть при первомъ же сраженьи
Я бѣгу какъ подлый трусъ;
Пусть отъ васъ я предпочтенья
Предъ соперникомъ лишусь;
Пусть въ азартѣ, въ честь и нѣчестъ.
Все спущу я — мечъ, коня,
Латы, за́мки и поля;
Пусть мной выхоженный кречетъ
На глазахъ моихъ съ высоть
На́-земь камнемъ упадетъ,

Въ бой вступивъ въ воздушномъ полѣ
Съ цѣлой стаей соколовъ;
Наконецъ, я самъ готовъ
Сгнить у Мавровъ въ злой неволѣ
Отъ истомы и оковъ,—
Коль не ложь — моя измѣна,
Не гнуснѣйшая изъ лжей,
Что я рвусь уйти изъ плѣна
У владычицы моей.

V.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
«Кто это? шопотомъ другъ друга вопрошали —
Давно ужь изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ, въ сіяньи чистоты,
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты».

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду — когда же?

1860.

VI.

МАДОННА.

Стою предъ образомъ Мадонны:
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый;
Видна въ немъ робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ она
Вамъ сострадастъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньѣ
Являлась, видима лишь имъ...

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостѣ церковномъ
Былъ поднятъ иноками онъ —

И, призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и въ умиленьѣ,
Онъ кистью то̀ изображалъ,
Что̀ отъ небеснаго видѣнья
Въ воспоминаньѣ сохранялъ —

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ... и, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились,
И плакали — какъ плачу я...

Флоренція, 1859.

VII.

МИНЬОНА.

(Изъ Гёте).

Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ,
Лимонъ въ садахъ желтѣетъ круглый годъ;
Такимъ тепломъ съ лазури темной вѣетъ,
Такъ скромно миртъ, такъ гордо лавръ растетъ!..
Гдѣ этотъ край? Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

Я помню залъ: колонна за колонной,
И мраморы стоятъ передо мной,
И на меня взирая благосклонно,
Мнѣ говорятъ: малютка, что съ тобой?
Ахъ, милый мой! Туда, туда
Уйти бы намъ съ тобою навсегда!

А тамъ—гора: вдоль сыплющихся склоновъ,
Средь облаковъ карабкается мулъ...
Внизу—обрывъ, гдѣ слышенъ ревъ драконовъ,
Паденье скалъ, потоковъ пѣнныхъ гулъ...
Гдѣ этотъ край?.. Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

VIII.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Кого полюбишь ты—всецѣло
И весь, о, Лидія, онъ твой,
Твой всей душой и безъ раздѣла!
Теперь мнѣ жизнь, что̀ предо мной
Шумитъ, и мчится, и сверкаетъ,
Завѣсой кажется прозрачно золотой,
Черезъ которую лишь образъ твой сіяетъ
Одинъ—во всѣхъ своихъ лучахъ,
Во всемъ своемъ очарованьѣ,
Какъ сквозь дрожащее полярное сіянье
Звѣзда недвижная въ глубокихъ небесахъ...

1875.

IX.

(Изъ Гёте).

Л И Л Л И.

1.

Эта маленькая Лилли—
Цѣлый міръ противорѣчій,
То трагедій, то идиллій!
Что̀ за ласковыя встрѣчи!

Льнетъ къ тебѣ нѣжнѣй голубки,
А обнять хочу—отскочитъ!
Засмѣюсь—надуетъ губки,
Разсержусь—она хохочетъ.

Вонъ въ-сердцахъ хочу бѣжать я—
Дверь собою застановитъ,
Открываетъ мнѣ объятья,
Умоляетъ, руку ловитъ.

Сдался — ужь глядитъ лукаво, —
Такъ и знай, что будетъ худо...
Это бѣсъ какой-то, право, —
Только бѣсъ такой, что чудо!

1864, 1889.

2.

«Надо кончить» — порѣшили
Мы вчера. Финалъ любви!
Съѣхать надо: съ этой Лилли
Вотъ ужь гдѣ мнѣ vis-à-vis!

Занавѣсилась... Уфъ! злится!
Но, — вѣдь, въ щелочку глядитъ...
Уголокъ-то шевелится
Занавѣски... Пусть сидитъ!

Я ужь выдержу. Уткнуся
Носомъ въ книгу. Позоветъ —
И тогда не оглянуся!..
Только долго что-то ждетъ...

Какъ такъ?.. Вѣтеръ кисеею
Размахнулъ до потолка —
И все пусто! Я-то строю
Передъ кѣмъ же дурака!

Бросилъ книгу я съ досадой.
«Ха-ха-ха!» вдругъ слышу. «Ты?»
— Ну, и что̀ жь? — И все какъ надо —
Смѣхъ опять, любовь, цвѣты...

1864, 1889.

X.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сѣтями
Ты у розы огневой,
Что ты въ сѣти къ ней попалось
А не въ сѣти къ мудрецамъ,
Что не имъ внимать досталось
Дивнымъ пѣснямъ и слезамъ;
И хоть слезъ, съ твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь,
И изъ ранъ горячей кровью
Все по каплѣ изойдешь, —
Но за то умрешь мгновенно
Вмѣстѣ съ пѣснею своей
Въ самый пылъ — какъ вдохновенный
Умираетъ соловей.

1875.

XI.

ИЗЪ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Эти черные два глаза,
Съ ихъ глубокимъ, мѣткимъ взглядомъ —
Два бандита съ наведеннымъ
Изъ засады карабиномъ.

2.

Противъ глазъ твоихъ ничуть,
Вѣрь, я злобы не питаю.
На меня, вѣдь, имъ взглянуть
Страхъ какъ хочется, я знаю.
Это — *ты* въ душѣ своей
Строишь ковы! *ты* хлопочешь
О погибели моей —
И позволить имъ не хочешь.

3.

Я — король. Ты — королева.
Мы въ войнѣ. Я главныхъ силъ
И фельдмаршала ихъ Гнѣва
Не боюсь. Я бъ ихъ разбилъ.
Но какъ двинешь ты резервы,
Въ бой войти велишь слезамъ —
Тутъ бѣда! пожалуй первый
Брошусь я къ твоимъ ногамъ!..

4.

Эти очи — свѣтъ со тьмою,
Очи полныя зарницъ!
Окаймленныя густою
Ночью черною рѣсницъ!
Но — былъ мигъ — и ночь вдругъ стала
Раздвигаться, мракъ исчезъ —
И мнѣ въ сердце засіяла
Глубина святыхъ небесъ.

5.

Холодный, смертный приговоръ
Твои глаза мнѣ произносятъ;

Мои жь, снѣдая свой позоръ,
Лишь о помилованьѣ просятъ.

6.

Въ тихой думѣ, на кладбищѣ,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, къ холмамъ печальнымъ
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящимъ тутъ во мракѣ,
Въ забытьи глубокомъ ихъ,
Снится въ райской ореолѣ
Свѣтлый ангелъ въ этотъ мигъ.

1879.

XII.

ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Длинныя кудри твои вдоль высокаго стана
Прячутся въ кольцахъ, но глазъ не спускаютъ съ меня,
Скажешь: віясь, съ кипариса спускаются змѣи,
Чтобы поющаго въ розахъ схватить соловья.

— —

2.

На мигъ упалъ съ лица прекрасной
Ее скрывающій покровъ...
Я думалъ: мѣсяцъ глянулъ ясный
Въ разрывѣ быстрыхъ облаковъ.

— —

3.

Я сказалъ ей: «дай твои мнѣ губки,
Поцѣлуемъ ихъ не опорочишь!»

А она мнѣ: «дамъ тебѣ я губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!»

— «Эти руки знаетъ врагъ корана, —
Я сказалъ — ты въ нихъ, какъ за стѣною!»

— «Но мои — она въ отвѣтъ — сильнѣе,
Если ихъ я подыму съ мольбою!»

XIII.

ДВѢ БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили.
Бѣднаго Петруся
До смерти забили;
А за что̀ жь забили,
За вину какую?
Отъ своей-то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой онъ пани?
Пани — вся въ атласахъ,
Ты жь — въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ

За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
«Ой, бросай, Петруспкъ,
Соху середь поля!
Пана нѣту дома —
Полная намъ воля!»
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскіе хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ — хлоповъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ — чернѣе тучи...
«Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ: тучи
Громовой чернѣе!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужь не дышитъ;
Хлопцы бить устали,

За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
«Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!»

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
«Будетъ вамъ и больше!
Рыбачки,— идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!»

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ —
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ,
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.
Вельможная пани

Бродитъ, какъ шальная;
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!»

И ходила пани
Борами, лѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачется, пеняетъ:

«Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!»

2.

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прійдетъ мой часъ, помирать начну,
Соберитесь вкругъ меня!»

Ходятъ въ горенкѣ, сынки шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ, зятья шепчутся,
Какъ добро раздѣлить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкругъ матушки вьются!
А невѣстушки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

XIV.

СОНЪ НЕГРА.

(Изъ Лонгфелло).

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на́-земь бросился ничкомъ...
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ...
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ —
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ:
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней ласкаясь льнутъ,
И въ лѣсъ, отца искать, зовутъ..
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ...

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ.
Какъ вольный вихорь, конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою сбруею звеня, —
И сабля бьетъ въ бока коня...

Что̀ мигъ — свободнѣй дышитъ грудь!
Что̀ шагъ — торжественнѣе путь,
Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темноголубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ
Какъ знамя красное — и вотъ

Ему открылся Кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
Подобный трубамъ, мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ...
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ...
И ужь не чувствовалъ, какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: «издохъ!..»

1859.

XV.

КУПАЛЬЩИЦЫ.

(Мелодія съ береговъ Ганга).

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ, идущихъ
Съ ночного купанья домой!

Прекраснъ ты, воздухъ, неся издалека,
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Ихъ намъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты, море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ...

1862.

XVI.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ.

Мицкевича.

1.

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана;
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что̀ тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой —
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

— — —

2.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькають предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться — любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь образовъ — долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня —
И я, какъ въ безднѣ челнъ, крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

— —

3.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Предъ солнцемъ — гребень горъ снимаетъ свой покровъ.
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ;

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ — цвѣтовъ летучихъ рой —
Что̀ пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ же часъ
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

1869.

XVII.

РАЗРУШЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь, въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ... и — ужасъ! — вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ, предшествовавшихъ намъ...
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ —
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою...

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились...
«Ахъ, мщенья! мщенія!..» Но дико загремѣли
Ручныя кандалы... «О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь! Ты молчишь!.. Возстань! вооружись

Въ грома и молніи!..» Но все кругомъ молчало...
Съ мечами на-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ...

И повлекли насъ прочь... и все кругомъ молчало...
И Богъ безмолвствовалъ... И снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

1864.

XVIII.

ВАЛКИРІИ.

Высоко, безмолвно
Надъ полемъ кровавымъ
Сіяетъ луна;

Весь берегъ — далеко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почетъ у боговъ!

Вонъ — тѣнь пролетаетъ
По долам, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

То, свѣтлыя, мчатся
Валкиріи-дѣвы
Съ эѳирныхъ высотъ!

Одеждъ ихъ ужь слышенъ
И крылъ лебединыхъ
По воздуху свисть,

Доспѣховъ бряцанье,
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

И радостный окликъ,
И бурныя пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

«Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ — Вседержитель
Ужь пиръ зачиналъ!

«Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука,
Чертоги дрожатъ!

«И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ —

«Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность —
Вашъ свѣтлый удѣлъ—

«Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

«Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!»

1873.

XVII.

ПЕРЕВОДЫ и ВАРІАЦІИ.

ГЕЙНЕ.

ГЕЙНЕ.

(Прологъ).

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ — замки, пѣсенъ звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

1857.

I.

Пора, пора за умъ мнѣ взяться!
Пора отбросить этотъ вздоръ,
Съ которымъ въ міръ привыкъ являться
Я, какъ напыщенный актеръ!
Смѣшно все въ мантіи пль тогѣ,
Съ партера не сводя очей,
Читать въ надутомъ монологѣ
Анализъ сердца и страстей!..

Такъ... но безъ ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смѣшонъ былъ паѳосъ ложный;
Противенъ смѣхъ теперь ему!
Вѣдь все жь, на память роль читая,
Въ ней вопли сердца я твердилъ
И, въ глупой сценѣ умирая,
Взаправду смерть въ груди носилъ!

1857.

II.

Сердце, сердце! что ты плачешь?
Иль судьба тебѣ страшна?
Полно! что зима отыметъ —
Все отдастъ тебѣ весна!

А вѣдь что еще осталось!
Божій міръ не обойдешь!
Выбирай себѣ любое:
Что полюбишь — все возьмешь!

1857.

III.

Осенняго мѣсяца обликъ
Сквозитъ въ облакахъ серебромъ
Стоитъ одинокъ на кладбищѣ
Пастора умершаго домъ.

«Уткнулася въ книгу старуха;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Двѣ дочки сидятъ, сложа руки;
Зѣвнувши, одна говоритъ:

«Вотъ скука-то, Господи Боже:
Въ тюрьмѣ веселѣе живутъ!
Здѣсь только и есть развлеченья,
Какъ гробъ съ мертвецомъ принесутъ!»

Старуха въ отвѣтъ проронила:
— «Всего четверыхъ принесли

Съ тѣхъ поръ, какъ отца схоронили...
Охъ, дни-то какъ скоро прошли!»

Тутъ старшая дочка очнулась.
«Нѣтъ полно! не въ мочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я къ графу!..
Съ терпѣньемъ-то нечего взять!..»

И вторитъ ей братъ, оживившись:
— «И дѣло! а я такъ въ шинокъ,
У добрыхъ людей научиться
Казной набивать кошелекъ!»

Въ лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:
— «Издохни ты лучше, проклятый!
Отецъ бы услышалъ тебя!»

Вдругъ всѣ на окно оглянулись,
Оттуда рука имъ грозитъ:
Умершій пасторъ передъ ними
Во всемъ облаченьѣ стоитъ...

1857.

IV.

Не теряй, мой другъ, терпѣнья,
Что въ стихахъ моихъ порой
Слышно старое мученье,
Вѣетъ прежнею тоской!..

Дай, умолкнетъ въ сердцѣ эхо
Прежнихъ бѣдъ и мукъ моихъ —
Полонъ счастья, полонъ смѣха,
Изъ души польется стихъ.

1857.

V.

Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ,
Наставленій, ласки и обѣтовъ;
Говорили: «только не ропщите,
Мы ужь васъ поддержимъ, погодите!»

Я повѣрилъ, ждалъ, заботы кинулъ,
И едва отъ голоду не сгинулъ...
Да нашелся добрый человѣкъ,
Поддержалъ, спасибо, онъ мой вѣкъ.

Каждый день онъ хлѣба мнѣ приноситъ,
И въ награду ничего не проситъ...
Обнялъ бы его я — да нельзя!
Человѣкъ-то добрый этотъ — я.

1852.

VI.

НА МОРѢ.

Тишь и солнце! спятъ пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.
Весь въ дегтю, у мачты съежась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ,
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжатъ;
Грудь все чаще, чаще дышитъ,
Лобъ наморщенъ, поднятъ взглядъ:

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
«Негодяй! ты — красть селедки!
Вотъ я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!.. Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ; кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.

1857.

VII.

Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобнымъ рвеньемъ объяты,
Пѣснь запѣли свою.

Голоса ихъ звенѣли,
Какъ чистѣйшій кристаллъ;
Въ ихъ руладѣ и трели
Колокольчикъ звучалъ;

Чувства въ дивныхъ ихъ звукахъ
Было столько, что вкругъ
Въ истерическихъ мукахъ
Выносили старухъ.

1857.

VIII.

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождикъ-то льетъ!
Къ окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьметъ.

А вонъ — съ фонаремъ черезъ лужи
Вѣдь вышелъ же кто-то бродить...
Старушка-сосѣдка! дрожитъ, чай, отъ стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочетъ, бѣдняжка, для дочки, для крошки
Пирогъ она завтра испечь...
А дочка, поджавши лѣнивыя ножки,
Изволили въ кресла залечь...

И щурятъ на свѣчку глазенки...
И рады, что пусто вокругъ,
Лепечутъ, шаля, ихъ губенки
Завѣтное имячко вслухъ.

1857.

IX.

Плачу я, въ лѣсу блуждая.
Дроздъ за мной по вѣткамъ скачетъ,
На меня онъ все косится
И щебечетъ: «что онъ плачетъ?»

— «Ты спроси своихъ сестричекъ,
Умныхъ ласточекъ спроси ты,
У которыхъ гнѣзда прямо
Надъ окошкомъ милой свиты!»

1857.

X.

Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни,
Одинъ чудесный ликъ!
Но онъ угасъ — и мракомъ
Я былъ затопленъ вмигъ...

Когда дѣтей внезапно
Въ лѣсу застигнетъ ночь,
Они заводятъ пѣсню,
Чтобъ ужасъ превозмочь;

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей...
Скучна имъ эта пѣсня —
Да мнѣ не страшно съ ней!

1857.

XI.

Я вглядываюсь жадно
Въ портретъ ея нѣмой —
И, мнится, оживаетъ
Она передо мной;

Глядитъ мнѣ прямо въ очи,
Съ улыбкой и слезой,
И, точно сожалѣя,
Качаетъ головой...

Невольно слезы льются
Изъ глазъ моихъ въ отвѣтъ...
Не вѣрится! ужели
Ея ужь больше нѣтъ!..

1856.

XII.

Одинокая слезка
По ланитамъ прокралась...
Лишь одна отъ былого
Мнѣ она оставалась...

Ея свѣтлыя сестры —
Ихъ развѣяли годы!
Съ ними радость и горе
Унесли непогоды...

Расплылися въ туманы
Прежнихъ звѣздъ міріады,
Проливавшихъ такъ много
Мнѣ на сердце отрады...

Въ самомъ сердцѣ ужь нѣту
На любовь отголоска...
Ужь и ты проливайся,
Одинокая слезка!

1857.

XIII.

Въ толпѣ опять я слышу пѣсню,
Что̀ пѣла милая когда-то...
Ахъ, въ это праздничное солнце
Еще страшнѣй ея утрата!

И, уронить бояся слезы,
При всѣхъ я очи потупляю,
И въ лѣсъ спѣшу, но за слезами
Едва дорогу различаю...

1857.

XIV.

Что̀ за милый это мальчикъ!
Какъ онъ радъ всегда поэту
Предложить отвѣдать устрицъ,
Сдѣлать честь его Моэту!

Вѣчно — фракъ и бѣлый галстукъ;
Тонъ хорошаго сословья;
По утрамъ ко мнѣ онъ ходитъ
О моемъ узнать здоровьѣ;

О моей хлопочетъ славѣ,
Остроты мои сбираетъ;
Мнѣ въ дѣлахъ или въ бездѣльѣ
Услужить не пропускаетъ;

Декламируетъ въ салонахъ,
Дамъ плѣняя слухъ и взгляды,
Изъ моихъ твореній дивныхъ
Вдохновенныя тирады...

О, такіе люди — рѣдкость —
Хоть смѣшны порой, какъ дѣти,
Въ вѣкъ, когда ужь лучшихъ нѣту,
Да выводятся и эти!

1856.

XV.

Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ,
Я встрѣтился съ милой моей;
Но — какъ она шла боязливо,
Какъ бѣдно все было на ней!

Въ лицѣ исхудаломъ и блѣдномъ,
Съ своею рѣсницей густой,
Глаза только прежніе были,
И чудной сіяли душой.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ;
За палецъ держась, поспѣвать
За нею другой торопился —
Румяный... какъ нѣкогда мать...

И съ ними пошелъ я, тоскливо
Потупивши въ землю глаза.

Въ груди моей точно проснулись
Подавленныхъ чувствъ голоса.

«Пойдемъ», я сказалъ ей, «жить вмѣстѣ;
Я няньчиться буду съ тобой,
Ходить за дѣтьми и работать,
И вновь расцвѣтешь ты душой!»

Она подняла ко мнѣ очи,
И очи сказали безъ словъ,
Одной только грустью: «Ужь поздно!»
И я зарыдать былъ готовъ...

И въ очи смотрѣли ей дѣти,
Вдругъ обняли мать горячо...
Ихъ крикъ уязвилъ мою душу...
Вдругъ слышу, меня за плечо

Хватаетъ еврей, мой издатель:
«Побѣда!» кричитъ, «торжество!
Въ три дня разошлось все изданье...»
О, какъ же я проклялъ его!..

1857.

XVI.

Меня ты не смутила,
Мой другъ, своимъ письмомъ.
Грозишь со мной все кончить —
И пишешь — цѣлый томъ!

Такъ мелко и такъ много...
Читаю битый часъ...
Не пишутъ такъ пространно
Рѣшительный отказъ!

1857.

XVII.

Не въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать сей—красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.

И шли пиры... но дни текли —
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли:
Ведутъ въ тюрьму... Она стояла
Передъ окномъ и — хохотала.

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
«Я безъ тебя душой изнылъ,
Приди ко мнѣ!» — Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Онъ въ шесть поутру былъ казненъ,
И въ семь во рву похороненъ, —
А ужь къ восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857.

XVIII.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Каждый день въ саду гарема,
У шумящаго фонтана,
Гордымъ лебедемъ проходитъ
Дочь великаго султана.

У шумящаго фонтана,
Блѣдный, съ впалыми щеками,
Каждый разъ стоитъ невольникъ
И слѣдитъ за ней очами.

Разъ она остановилась,
Подняла глаза большіе
И отрывисто спросила:
«Имя? родина? родные?»

—«Магометъ», сказалъ невольникъ:
«Еменъ — родина, а кровью
Я изъ Афровъ, родъ, въ которомъ
Рядомъ смерть идетъ съ любовью».

1856.

XIX.

На мольбы мои упорно
Нѣтъ и нѣтъ ты говоришь,
А скажу ль: ну, такъ простимся!
Ты рыдаешь и коришь...

Рѣдко я молюсь, о, Боже!
Успокой ее Ты разомъ!
Осуши ея Ты слезы,
Просвѣти ея Ты разумъ!

1857.

XX.

ЛИЛІЯ.

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждетъ, все ждетъ тоскливо —
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ, этотъ мѣсяцъ тихимъ свѣтомъ
Ее пробудитъ ото сна
И — всѣмъ дыханьемъ, полнымъ цвѣтомъ,
Къ нему запросится она...

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И — всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

1857.

XXI.

ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ.

Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ,
И, подобныя тѣнямъ,
Похоронныя фигуры
Въ этомъ челнѣ по бортамъ.

Передъ ними — трупъ поэта;
Съ непокрытой головой
Все онъ въ небо голубое
Смотритъ мертвый, какъ живой...

Даль звенитъ... Кого-то кличетъ
Точно нимфа изъ-за волнъ...
Точно всхлипываютъ волны,
Лобызать кидаясь челнъ.

1857.

XXII.

Ночи теплый мракъ гвоздики
Благовоніемъ поятъ;
Точно рой златистыхъ пчелокъ,
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ бѣломъ домикѣ, сквозь зелень
Вижу, гаснетъ огонекъ;
Слышу стукъ стеклянной двери,
Слышу милый голосокъ...

Сладкій трепетъ; робкій шопотъ,
Нѣга счастья и любви...
И — внимательнѣе розы,
Вдохновеннѣй соловьи.

1857.

XXIII.

Онъ ужь снился мнѣ когда-то,
Этотъ самый сонъ любви!..
Воздухъ, полный аромата...
Поцѣлуи... соловьи...

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
И бѣлѣетъ водопадъ...
Такъ же мраморные боги
Сторожатъ у входа въ садъ...

Ахъ! я знаю, какъ жестоко
Измѣняютъ эти сны!
Какъ заноситъ снѣгъ глубоко
Поле, полное весны...

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
Забываемъ и клянемъ, —
Мы, которые такъ любимъ,
И блаженствомъ жизнь зовемъ!..

1857.

XXIV.

Чуднымъ звукомъ даже ночи
Наполняетъ мнѣ весна,
И въ мечтахъ моихъ, какъ эхо,
Отзывается она.

Точно въ сказочномъ я мірѣ...
Все мнѣ чудно — шумъ листовъ,
Пѣнье птичекъ-невидимокъ,
Ароматъ ночныхъ цвѣтовъ.

Розы кажутся краснѣе,
И вокругъ головокъ ихъ
Точно рòзлито сіянье,
Какъ вкругъ ангеловъ святыхъ.

Самъ я — кажется въ ту пору —
Самъ я точно соловей,
И пою я этимъ розамъ
Всю тоску любви моей.

И пою я имъ до солнца,
Иль пока не грянетъ самъ
Соловей весенней рощи
Вызовъ къ братьямъ-соловьямъ.

1857.

XXV.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬДЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ ужь вѣкъ, сидитъ другой,
Съ своей возлюбленной вдвоемъ,
Съ своей царевною морской.

Сидитъ онъ, чарой обойденъ,
Не умирая, не живя;
Въ блаженствѣ тихо замеръ онъ;
Лишь сердце жжетъ любви змѣя.

Склонясь къ коварной головой,
Онъ въ очи демонскія ей
Глядитъ все съ вящею тоской,
Глядитъ все глубже, все страстнѣй.

Онъ, какъ пергаментъ, пожелтѣлъ,
Въ сухой щекѣ скула торчитъ;

Златистый локонъ посѣдѣлъ,
И только взглядъ горитъ, горитъ...

И лишь когда гроза гремитъ,
И вкругъ хрустальнаго дворца
Хлябь, зеленѣя, закипитъ, —
Очнется бранный духъ бойца;

Въ шуму и плескѣ слышитъ онъ
Норманновъ ѳкликъ удалой —
И схватитъ мечъ, какъ бы сквозь сонъ,
И кинетъ прочь, махнувъ рукой.

Или когда надъ нимъ заря
Румянитъ сводъ прозрачныхъ водъ,
Онъ слышитъ пѣснь, какъ встарь моря
Гаральдъ браздилъ средь непогодъ, —

Его встревожитъ пѣсня та;
Но злая дѣва сторожитъ,
И быстро алыя уста
Къ его устамъ прижать спѣшитъ.

1857.

XXVI.

АЛИ-БЕЙ.

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ,
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что̀ игривыя газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу...

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
«Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!»

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ,—

И межь тѣмъ какъ рубитъ Франковъ.
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ...

XXVII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!
Богатство — вѣнецъ красоты!
При этомъ —чудесные глазки...
Ужель недовольна все ты?

На эти чудесные глазки
Я римы сплеталъ какъ цвѣты,
И вышли — безсмертныя пѣсни...
Ужель недовольна все ты?

Ахъ! эти чудесные глазки
Огнемъ роковымъ налиты...
Отъ нихъ я совсѣмъ погибаю...
Ужель недовольна все ты?

1865.

XXVIII.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малыя родятся,
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ,
Свѣтлымъ роемъ, къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачутъ...
Не хотятъ сказать, малютки,
Мнѣ, что̀ слезы эти значатъ...

1857.

XXIX.

Посмотри: во всемъ доспѣхѣ
Мужъ, готовый выйти въ бой;
Онъ ужь бредитъ объ успѣхѣ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбилъ его совсѣмъ:
Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ;

Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо—и славы
Позабытъ святой призывъ.

Узнаешь ли въ этой сценѣ,
Милый ангелъ мой, меня?
Вѣкъ зоветъ, бойцы въ аренѣ,
А — въ твоихъ объятьяхъ я!

1857.

XXX.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ...
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ...

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?..
А эти маленькія ножки...
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна,
И такъ убійственно скучна!

1857.

XXXI.

ВЕСНОЮ.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва одна надъ рѣкою.

И солнце, и зелень! и жжетъ, и томитъ!..
Такъ любится сердцу весною!..
«Кому же вѣнки?» кто-то вслухъ ей твердитъ —
И мчится мечта за мечтою...

Вотъ слышится топотъ... вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ, и блещетъ онъ сталью...
Робѣетъ малютка, и ждетъ, и молчитъ —
Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью!..

И плачетъ, и мечетъ въ златыя струи
Бѣдняжка вѣнки, съ уязвленной душою...
А гдѣ-то запѣлъ соловей о любви...
Такъ любится сердцу весною!..

1857.

XXXII.

НА ГОРАХЪ ГАРЦА.

Раскрывайся, міръ преданій!
Приготовься, сердце, къ нимъ,
Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грёзамъ,
Къ вдохновеньямъ золотымъ!

Я иду въ лѣса густые,
Доберусь до за́мка я,
На который устремляетъ
Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ среди сѣдыхъ развалинъ,
Какъ живые, предо мной
Встанутъ дней минувшихъ люди
Съ прежней свѣжею красой...

Вотъ онъ, вотъ! надъ нимъ, какъ прежде,
Полны блеску небеса,
И внизу — въ волнахъ тумана
Словно плаваютъ лѣса...

Но травой покрыта площадь,
Гдѣ счастливецъ побѣждалъ,
И побѣды призъ у лучшихъ,
Можетъ быть, перебивалъ...

Плющъ виситъ кругомъ балкона,
Гдѣ склонялась на скамью
Побѣдившая очами
Побѣдителя въ бою...

Ахъ! и рыцаря, и даму
Смерть давно ужь унесла...
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣдла!

1868.

XXXIII.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

1.

Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ — на пламенномъ Югѣ
Стройная пальма растетъ и, съ тоской,
Смотритъ на Сѣверъ его ледяной.

2.

Давно задумчивый твой образъ,
Какъ сонъ, носился предо мной,

Все съ той же кроткою улыбкой —
Но — блѣдный, блѣдный и больной...

Одни уста еще алѣютъ,
Но прикоснется смерть и къ нимъ,
И все небесное угаситъ
Въ очахъ лобзаньемъ ледянымъ.

3.

Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою
Плыли по быстрымъ волнамъ...
Тихая ночь навѣвала
Грёзы блаженныя намъ...

Островъ стоялъ, какъ видѣнье,
Луннымъ лучомъ осіянъ;
Пѣсни оттуда звучали
Сквозь серебристый туманъ.

Пѣсни туда насъ манили...
Но, и сильна, и темна,
Въ море, въ широкое море
Грозно влекла насъ волна.

4.

Любовь моя — страшная сказка,
Со всѣмъ, что̀ есть дикаго въ ней,
Съ таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Вотъ — «рыцарь и дѣва гуляли
«Въ волшебномъ саду межь цвѣтовъ...
«Кругомъ — соловьи грохотали
«И мѣсяцъ свѣтилъ сквозь деревъ...

«Нѣма была дѣва, какъ мраморъ...
«Къ ногамъ ея рыцарь приникъ...
«И вдругъ великанъ къ нимъ подходитъ,
«Исчезла красавица вмигъ...

«Упалъ окровавленный рыцарь...
«Исчезъ великанъ»... а потомъ...
Потомъ... Вотъ когда похоронятъ
Меня — то и сказка съ концомъ!..

5.

Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ
Тѣла тамъ зарываются...
На мѣстѣ томъ плакунъ-трава
Одна, какъ тѣнь, качается...

Я тамъ стоялъ... душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакунъ-трава, въ лучахъ луны,
Таинственно качалася.

1867.

XXXIV.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

На тему одной нѣмецкой пѣсни.

Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь,
Въ ладъ подъ визгливыя скрипки.
Вдругъ понеслась одна пара впередъ, изъ толпы
Вынырнувъ точно двѣ рыбки.

Точно плывутъ они, тихо колышась и въ тактъ,
Мѣрно, какъ волны морскія —
Но — усмѣхаются, глядя другъ другу въ глаза...
Вѣдаетъ Богъ, кто такіе!

«Вы — говоритъ кавалеру она — здѣсь чужой?..
Бѣлый на шляпѣ цвѣточекъ —
Только вѣдь въ самой морской глубинѣ — онъ растетъ...
Какъ ни рядитесь, дружочекъ,

«Васъ я узнала — по остренькимъ щучьимъ зубкамъ
Тотчасъ же, съ перваго взгляда!
Вы — Водяной — и красотку сманить за собой
Въ теремъ хрустальный вамъ надо».

Онъ отвѣчаетъ: «Сударыня — ухъ! какъ блестятъ
Ваши зеленые глазки!
Ручки — какъ холодны!.. Если жь обнимутъ — то смерть,
Вѣрная смерть ваши ласки!

«Васъ я по первому книксену тотчасъ призналъ...
Такъ что... секретъ неумѣстенъ...
Вы вѣдь — Русалка, сударыня... Промыселъ нашъ,
Значитъ, другъ другу извѣстенъ»...

Ловко, изящно, отъ смѣха же еле держась,
Легкіе оба такіе,
Плаваютъ, въ медленномъ вальсѣ колышась, они
Мѣрно, какъ волны морскія.

Кончился танецъ — они разстаются, какъ всѣ —
Онъ — съ граціознымъ поклономъ,
Книксенъ глубокій — она — все какъ люди давно
Съ лучшимъ знакомые тономъ.

1889.

XXXV.

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины — тончайшимъ умомъ.

«Любовь въ платоническомъ чувствѣ»,
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбнулась,
Однако промолвила: «ахъ!»

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:
«Любить надо въ мѣру, затѣмъ —
Что иначе — вредъ для здоровья».
Княжна проронила: «а чѣмъ?»

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
«Амуръ — безпощадный тиранъ!»

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть,
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

1867.

XXXVI.

«Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!
Сколько яду, желчи, зла!..»
Что жь мнѣ дѣлать! сколько яду
Въ жизнь мою ты пролила!

«Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!»
Что жь мнѣ дѣлать, жизнь моя!
Столько змѣй ношу я въ сердцѣ,
Да и сверхъ того — тебя!

1867.

XXXVII.

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнокъ,
Садись, рука съ рукою,
Со мной на бережокъ.

Прижмись ко мнѣ головкой,
Не бойся ничего!
Ввѣряешься жь ты морю —
Страшнѣе ль я его?

Ахъ, сердце — тоже море!
И бьется, и бурлитъ,
И также дорогія
Жемчужины таитъ!

1867.

XXXVIII.

ЛОРЕЛЕЯ.

Бѣда ли, пророчество ль это...
Душа такъ уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преслѣдуетъ всюду меня...

Все чудится Рейнъ быстроводный,
Надъ нимъ ужь туманы летятъ,
И только лучами заката
Вершины утесовъ горятъ.

И чудо-красавица дѣва
Сидитъ тамъ въ сіяньи зари,
И чешетъ златымъ она гребнемъ
Златистыя кудри свои.

И вся-то блеститъ и сіяетъ,
И чудную пѣсню поетъ:
Могучая, страстная пѣсня
Несется по зеркалу водъ...

Вотъ ѣдетъ челнокъ... и внезапно
Охваченный пѣснью ея,
Пловецъ о рулѣ забываетъ
И только глядитъ на нее...

А быстрыя воды несутся...
Погибнетъ пловецъ средь зыбей!
Погубитъ его Лорелея
Чудесною пѣснью своей!..

1867.

XXXIX.

AUF FLÜGELN DES GESANGES.

Поэзіи геній крылатый,
Незримой воздушной стезей,
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчитъ насъ, мой ангелъ, съ тобой!

Въ глубокой, цвѣтущей долинѣ,
Въ виду неприступныхъ снѣговъ,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ!

Тамъ пѣнные съ горъ водопады,
И шелестъ волны въ тростникѣ,
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться въ священной рѣкѣ.

Все чудныя сказки намъ скажетъ
Про войны людей и духовъ,
Про женъ, исторгавшихъ супруговъ,
Изъ челюстей адскихъ боговъ...

Услышимъ мы вопль ихъ страданій,
И вдругъ — въ ихъ далекой любви,
Сквозь бездну вѣковъ — мы узнаемъ
Любовь и страданья свои...

1867.

XL.

Нежданной молніей, вполнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокій,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ, ты одна
Въ моемъ минувшемъ — образъ ясный,
Какъ мраморъ божески-прекрасный,
Но и какъ мраморъ холодна!..

О, каковы жь мои мученья!..
Вдругъ этотъ мраморъ тронутъ! онъ
Заговорилъ! и сожалѣнья
Слезою теплой окропленъ!..

А Ты, мой Богъ! Тебя напрасно
Молю я: узелъ развяжи,
Дай мнѣ покой, и положи
Конецъ трагедіи ужасной!

1866.

XLI.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ...
Ну что жъ? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ,
И крикъ, и вызовы, и топотъ...
Ушли... и зала ужъ темна,
Огни потухли... тишина...

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тьмѣ близъ сцены опустѣлой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ?.. Тамъ что? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы...

И лампы гаснутъ, и чадитъ
Отъ нихъ дымящееся масло...
Одна осталась... вотъ — шипитъ,
Шипитъ... чуть тлѣетъ... и угасла...
Ахъ, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857.

XVIII.

EXCELSIOR.

I.

* * *

О царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешься ты!

Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Праксителъ!..
Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ —

Все то — не откровенья ли
Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

1883.

II.

* * *

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ —
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!

Ты — на горѣ;
Они — въ долинѣ,
Но—Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи —

Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,

Что гдѣ-нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь,—
И онъ отвѣтитъ!

1872.

III.

ПУСТЫННИКЪ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ Истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

IV.

EXCELSIOR.

(Изъ Лонгфелло).

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селеньи, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видятъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ-юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо — вверхъ — туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда;
Не смотритъ, есть иль нѣтъ дорога;
Лишь въ высь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
«Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Съ поконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!»
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
«Останься здѣсь, отъ бурь укрытъ,
Любимъ и счастливъ съ нами вѣчно!»
Онъ передъ ней замедлилъ шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужь скрылся онъ изъ глазъ...
Ужь пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьи ледяномъ,
Звучитъ какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнущихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба, —
И — слышитъ голосъ надъ собой
Какъ бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ яснѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки: вмигъ
Онъ къ ней — и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковалъ, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже —
Excelsior!

Ужь горы облило зарей:
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледенѣлыхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ —
Уже чуть внятно — въ высотахъ —
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

1881.

V.

* * *

Куда бъ ни шелъ шумящій міръ,
Что̀ бъ разумъ будничный ни строилъ,
На что̀ бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ, —
Поэтъ, не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа, —
Они все въ Книгѣ Жизни — знай —
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался Самъ пророку,
Его жь, съ премудростью своей,
Не видѣлъ гордый фарисей.
Имъ только видимость — потреба,

Тебѣ же — сущность, тайный смыслъ;
Имъ — только рядъ бездушныхъ числъ,
Тебѣ же — безконечность неба,
Задача смерти, жизни цѣль —
Неразрѣшимыя досель,
Но ужь и въ чаемомъ рѣшеньѣ,
Уже въ предчувствіи его
Тебѣ дающія прозрѣнье
Въ то, что для духа — вещество
Есть только форма и явленье.

1888.

VI.

Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой Весны пролетѣли
Сердце земли встрепенулось, сверкнули ожившія воды...
Мигъ—и проглянутъ цвѣты... Да, Весна это, Радость-весна!
Какъ эти лебеди, мысли видѣньемъ въ душѣ пролетаютъ,
Сердце трепещетъ въ груди... пробиваются слезы восторга:
Чувствую — близятся — ихъ осязаю и вижу — стихи!

1891.

VII.

* * *

Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни
Въ нашъ бренный образъ облекать,
И вымысломъ небесъ пустыни,
Какъ бѣдный міръ нашъ, населять?

Зачѣмъ давать цвѣта́ и звуки
Чертамъ духовной красоты?
Зачѣмъ картины вѣчной муки
И рая пышные цвѣты?

Затѣмъ, что смертный подымаетъ
Тогда лишь взоры къ небесамъ,
Когда тамъ радуга сіяетъ
Его восторженнымъ очамъ...

1887.

VIII.

Вдохновенье — дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось —
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.

Вмигъ поэтъ душой воспрянетъ,
И подхватитъ на-лету,
Отольетъ и отчеканитъ
Въ мѣдномъ образѣ — мечту!

1890.

IX.

ХУДОЖНИКУ.

Къ тебѣ слетѣло вдохновенье —
Его исчерпай все за-разъ,
Покуда творческій восторгъ твой не погасъ,
И полонъ ты и силъ, и дерзновенья!
Оно недолго свѣтитъ съ вышины
И въ смыслъ вещей, и духа въ глубины,
И твоего блаженства мигъ не дологъ!
Оно умчалося — и тотчасъ предъ тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни ночь задернетъ темный пологъ. —

1882.

X.

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ;
Поэтъ ужь въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ порой украдкой и тайкомъ,
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми, въ свѣтлицѣ, тайны полной...

1868.

XI.

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая — ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ — огнемъ души твоей!..

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой —
И ту разсѣетъ тьму — прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

1869.

XII.

* * *

Окончен трудъ — ужь онъ мнѣ трудъ постылый.
Какъ будто кто все шепчетъ: погоди!
Твой главный трудъ — еще онъ впереди,
Къ нему еще ты только копишь силы!
Онъ облачкомъ чуть свѣтитъ заревымъ,
И всѣ затмитъ, всѣ радости былыя —
Онъ впереди — Святой Ерусалимъ,
То все была — еще Антіохія!

1887.

XIII.

«Не отставай отъ вѣка» — лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣтъ: выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!
Пусть ихъ напоръ неровности въ ней сгладитъ,
Порой волна счастливый дастъ толчокъ, —
А золота крупинку мчитъ потокъ —
Оно само въ стихѣ твоемъ осядетъ.

1889.

XIV.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА.

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій мигъ чудесный —
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя...

Нездѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
Земное все — восторги, страсти, муки, —
Въ небесное преобразилось въ нихъ!

1887.

XV.

Мы выросли въ суровой школѣ,
Въ преданьяхъ рыцарскихъ вѣковъ,
И зрѣли разумомъ и волей
Среди лишеній и трудовъ.
Поэтъ той школы и закала,
Во всеоружіи всегда,
Въ сей вѣкъ Астарты и Ваала
Порой смѣшонъ, быть можетъ... Да!
Его коня — равняютъ съ клячей,
И съ Донъ-Кихотомъ самого, —
Но онъ въ святой своей задачѣ
Ужь не уступитъ ничего!
И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
И въ тьмѣ приволье всѣ найдутъ,
И ради похоти и хлѣба
На все святое посягнутъ, —
Одинъ онъ — съ поднятымъ забраломъ —
На площади — предъ всей толпой —
Швырнетъ Астартамъ и Ваалам
Перчатку съ вызовомъ на бой.

1890.

XVI.

ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ.

Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ,
Нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ,
Въ волшебствѣ звуковъ и цвѣтовъ
И горизонтовъ безконечныхъ!
Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,
Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
И вмѣстѣ — старый ювелиръ —
Ихъ обработкой любовался...
Да! ювелиръ ужь этотъ старъ —
Рука дрожитъ — но во мгновенье
Готовъ въ немъ вспыхнуть прежній жаръ
На молодое вдохновенье!

1887.

XVII.

Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Зачѣмъ смущать меня подъ старость!
Ужь на покой я собрался —
Убралъ поля, срубилъ лѣса,
И если новая гдѣ зарость
Отъ старыхъ тянется корней, —
То это — бѣдные побѣги,
Въ которыхъ нѣтъ ужь — прежнихъ дней
Ни величавости, ни нѣги...
Даль безграничная кругомъ,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
Въ безмолвномъ торжествѣ своемъ...
И вотъ — нежданно, къ нелюдиму,
Вашъ стихъ является ко мнѣ, —
И дразнитъ стараго, какъ въ зиму
Воспоминанье о веснѣ...

1887.

XVIII.

К. Р.

Эти милыя двѣ буквы,
Что̀ два яркіе огня,
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня.

Зажжены онѣ въ воротахъ,
Что̀ въ чудесный міръ ведутъ,
Міръ, гдѣ только гости съ неба
Духи чистые живутъ.

Для того живутъ, чтобъ знали
Дѣти бѣдныя земли
Славословье силъ небесныхъ,
Высшей Правды и Любви.

Для того, чтобъ знали тоже
Братья ихъ на небесахъ
Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
Обо всѣхъ людскихъ слезахъ.

И проходятъ мимо люди, —
Люди плоти и страстей
Ихъ не видятъ и не слышатъ
Ни молитвъ ихъ, ни рѣчей.

Но идетъ поэтъ-провидецъ,
Какъ подъ солнечнымъ лучомъ —
Вмигъ они просіяваютъ
Въ полномъ обликѣ своемъ.

1889.

XIX.

ОТВѢТЪ.

(К. А. Дворжицкому).

Во многолюдствѣ шумномъ свѣта,
Съ его базарной суетой,
Ужь чуетъ вѣщею душой
Издалека поэтъ поэта.
Имъ любо, если довелось
Хоть перекинуться порою,
Надъ этой тѣсною толпою,
Букетомъ изъ душистыхъ розъ...
Ты перебросилъ мнѣ нежданно
Свой дорогой, благоуханный,
Даръ поэтической любви —
Такъ вотъ и мой тебѣ — лови!

1887.

XX.

ОТВѢТЪ Л.

Нѣтъ, то не Муза, дщерь небесъ,
Что̀ насъ дѣтьми ужь дразнитъ славой!
То злобный геній, мрачный бѣсъ,
То сынъ погибели лукавый
Къ намъ, улыбаясь, предстаетъ,
Плѣнитъ насъ лирою заемной,
И поведетъ, и понесетъ,
И предъ тобой ужь тартаръ темный,
Но ты летишь въ него стремглавъ,
Безъ разсужденья, безъ сознанья,
Въ душѣ, увы! давно поправъ
Любви и вѣры упованья,
Не признавая ничего,
И, бѣсу въ радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и міръ, и Божество!

Нѣтъ, Муза — строгая богиня:
Ей слава міра — тлѣнъ и прахъ!
Ей — сердце чистое — святыня,
И умъ окрѣпнувшій въ трудахъ!
Въ жизнь проникая постепенно,
И въ глубину, и въ высоту,
Она поетъ Отцу вселенной
Съ своею лирой умиленной
Его твореній красоту!

1887.

XXI.

* * *

Мысль поэтическая — нѣтъ! —
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣтъ,
И — вспыхнувъ вдругъ — какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше — воскресаетъ...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть можетъ, въ сердцѣ рана —
И не одна — чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана...

1887.

XXII.

* * *

Воплощенная, святая
Въ обаяньи красоты,
Ты — землѣ почти чужая, —
Мысль художника — что ты?
Посреди сплошного мрака,
Въ глубинѣ пустынь нагихъ,
Ни пути гдѣ нѣтъ, ни злака,
Ни журчанья водъ живыхъ;
Подъ напоромъ черной тучи,
Что изъ Вѣчности несетъ
Адскій вихрь, что пламя, жгучій,
Отъ котораго все мретъ, —
Ты — ударъ посланца Божья
Въ мракъ сей огненнымъ мечомъ,
Ужасъ тьмы и бездорожья

Вмигъ разсѣявшій кругомъ,
И открывшій для поэта
Солнце Истины надъ нимъ,
Міръ кругомъ — въ сіяньи свѣта,
И въ душѣ его, поэта,
Образъ выстраданный имъ!

1888.

XXIII.

Вчера — и въ самый мигъ разлуки
Я вдругъ обмолвился стихомъ —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечнымъ лучомъ
И близь, и даль озолотило...
Но не кори меня, мой другъ!
Вѣнецъ свой творческая сила
Куетъ лишь изъ душевныхъ мукъ!
Глубокимъ выхваченъ онъ горемъ
Изъ нѣдръ души заповѣдныхъ —
Какъ жемчугъ, выброшенный моремъ
Подъ грохотъ бури — этотъ стихъ!

1889.

XXIV.

*
* *

Изъ темныхъ долинъ этихъ взоръ
Все къ нимъ стремится, къ высямъ горъ:
Все чудится, что тамъ идетъ
Какой-то звонъ, и все зоветъ:
«Сюда! Сюда!..» Ужели тамъ
Въ льдяныхъ пустыняхъ — Божій храмъ?

И я иду на чудный зовъ;
Достигъ предѣла вѣчныхъ льдовъ;
Но храма — нѣтъ!.. все пусто вкругъ:
Послѣдній замеръ жизни звукъ;
Туманомъ міръ внизу сокрытъ, —
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ!
— Сюда! сюда! — все тотъ же звонъ...

1883

XXV.

В. и А.

Все, чѣмъ когда-то сердце билось
Въ груди поэта; въ чемъ, творя,
Его душа испепелилась,
Вся въ буряхъ творчества сгоря —
Въ толпѣ самодовольной свѣта
Встрѣчая чуть-что не укоръ —
Все—гаснетъ, тускнетъ безъ привѣта,
Какъ потухающій костеръ...
Пахнётъ ли вѣтеръ на мгновенье
И вздуетъ уголь здѣсь и тамъ, —
И своего ужь онъ творенья
Не узнаетъ почти и самъ...
Восторгъ ихъ перваго созданья,
Ихъ мощь, ихъ блескъ, ихъ ароматъ,
Исчезло все, и средь молчанья,
Ихъ даже самыя названья

Могильной надписью звучать!
Безмолвный, робкій, полнъ сомнѣній,
Проходитъ онъ подобно тѣни
Средь вѣка хладнаго вождей,
Почти стыдяся вдохновеній
И откровеній прежнихъ дней.

Но поколѣнья ужь иного
Приходитъ юноша-поэтъ:
Одно сочувственное слово —
Проснулся бо́гъ и хлынулъ свѣтъ!
Встаютъ и образы, и лица,
Одушевляются слова,
Племенъ, народовъ вереница,
Ихъ голоса, ихъ торжества,
Духъ, ими двигавшій когда-то,
Все — вѣчность самая встаетъ, —
И душу старшаго собрата
По нимъ потомокъ узнаетъ!
Да! крѣпкій вывѣтрится камень,
Литой изржавѣетъ металлъ,
Но влитый въ стихъ сердечный пламень —
Въ немъ вѣчный образъ воспріялъ!
Творя, избранникъ музъ, лишь вторя
Чудеснымъ сердца голосамъ;

Твори — съ кумиромъ дня не споря,
И строже всѣхъ къ себѣ будь самъ!
Пусть въ испытаньяхъ закалится
Свободный духъ — и образъ твой
Въ твоихъ созданьяхъ отразится
Какъ общій обликъ родовой.

1888.

XXVI.

* * *

Оставь, оставь! на вдохновенный,
На образъ Музы неземной —
Вѣнокъ и вянущій, и тлѣнный
Не возлагай! у ней есть свой!
Ей — полной горнихъ думъ и грёзы,
Ужь въ Вѣчность глянувшей — нейдутъ
Всѣ эти праздничныя розы,
Какъ прахъ разбитыхъ ею путъ!
Ея вѣнокъ — неосязаемъ!
Что за цвѣты въ немъ — мы не знаемъ,
Но не цвѣты они земли, —
А развѣ — доловъ лучезарныхъ,
Что̀ намъ сквозятъ въ ночахъ полярныхъ
Въ недосягаемой дали!

1888.

XXVII.

МОЕМУ ИЗДАТЕЛЮ.

(А. Ѳ. Марксу).

Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья!
Вы — другъ испытанный — вамъ можно ввѣрить ихъ...
А все въ ихъ авторѣ, въ послѣдній самый мигъ,
Такія жь всякій разъ тревоги и сомнѣнья...
Онъ — жилъ въ самомъ себѣ; писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ
Отшельникъ — что же онъ для свѣта можетъ дать!
Къ чему и выносить на рынокъ всенародный
Плодъ сокровенныхъ думъ, и настежь растворять
Святилище души очамъ толпы холодной...

1893.

XIX.

АКВАРЕЛИ.

(1885—1890).

I.

АЙВАЗОВСКОМУ.

Стиха не цѣнятъ моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мнѣ за него
Кусочекъ истиннаго солнца,
Кусочекъ солнца твоего!
Когда бъ стихи мои вливали
Такой же свѣтъ въ сердца людей,
Какъ ты — въ безбрежность этой дали
И здѣсь вкругъ этихъ кораблей
Съ ихъ парусомъ, какъ жаръ горящимъ
Надъ зеркаломъ живыхъ зыбей,
И въ этомъ воздухѣ дышащемъ
Такъ горячо и такъ легко
На всемъ пространствѣ необъятномъ,—

Какъ я цѣнилъ бы высоко,
Какимъ бы даромъ благодатнымъ
Считалъ свой стихъ, гордился бъ имъ,
И мнѣ бы пѣлось, вѣчно пѣлось,
Своимъ бы солнцемъ сердце грѣлось,
Какъ нынче грѣется твоимъ!

1877.

II.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.
Волны, какъ рать уходящая съ боя, не могутъ утихнуть,
И въ безпорядкѣ бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Хвастаясь другъ передъ другомъ трофеями битвы:
Клочьями синяго неба,
Золотомъ и серебромъ отступающихъ тучъ,
Алой зари лоскутами.

1887.

III.

* * *

Надъ необъятною пустыней Океана
Съ кошницею цвѣтовъ проносится Весна,
Роняя ихъ на грудь угрюмаго титана...
Увы, не для него, веселія полна,
Любовь и счастіе несетъ съ собой она!
Иные есть края, гдѣ горы и долины,
Иное царство есть, гдѣ ждетъ ее привѣтъ...
Трезубецъ опустивъ, онъ смотритъ ей во слѣдъ...
Разгладились чела глубокія морщины, —
Она жь летитъ—что сонъ—вся красота и свѣтъ—
Нетерпѣливый взоръ куда-то вдаль вперяя,
И бога мрачнаго какъ будто и не зная...

1885.

IV.

ДЕННИЦА.

Луна — опальная съ дворомъ своимъ царица
Идетъ изъ терема прохладою дохнуть,
Но вотъ бѣжитъ разсвѣтъ, царю готовя путь, —
Царица дрогнула... лишь свѣтлая Денница,
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звѣздъ блѣднѣющихъ, не меркнешь ты предъ нимъ.
Что грозный царь тебѣ? Отринутая имъ,
Царица скорбная пусть ждетъ минуты сладкой
Супруга издали увидѣть хоть украдкой,
И скрыться въ теремъ свой, опять къ слезамъ своимъ...
Царевна жь юная — тебѣ какое дѣло!
Свѣтясь веселіемъ безпечныхъ юныхъ лѣтъ,
Идешь за матерью опальною вослѣдъ,
На грознаго царя оглядываясь смѣло.

1874.

V.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Все готово. Мусикійскій
Данъ сигналъ... сердца дрожатъ...
По аренѣ Олимпійской
Колесницъ помчался рядъ...
Трепеща народъ и боги
Смотрятъ, сдерживая крикъ...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный мигъ!
Главкъ... Евмолпъ... опережаютъ...
Не смотри на отсталыхъ!
Эти... близко... подъѣзжаютъ...
Ну — который же изъ нихъ?
«Главкъ!» кричатъ... и вонъ онъ, гордый,
Шагомъ ѣдетъ взять трофей,
И въ пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887.

VI.

ЖАННА Д'АРКЪ.

(Отрывокъ).

Бой кипѣлъ... Она скакала
На конѣ, на ворономъ —
Гордо поднято забрало —
Съ орифламмой и копьемъ —
И вездѣ, гдѣ чуть опасно —
Ужь звенитъ на страхъ врагамъ
Этотъ звонкій, этотъ ясный,
Женскій голосъ по рядамъ..

1887.

VII.

RENAISSANCE.

(Къ юбилею Рафаэля Санціо).

Въ свѣтлой греческой одеждѣ,
Въ свѣжемъ розовомъ вѣнкѣ,
Ходитъ юноша по свѣту
Съ звонкой лирою въ рукѣ.

Подъ одеждой кармелитокъ,
Преклонясь предъ алтаремъ,
Дѣва таетъ въ умиленьѣ
Предъ Небеснымъ Женихомъ.

Тотъ вступаетъ въ сумракъ храма —
Очи встрѣтилися ихъ —
Мигъ — и кинулись другъ къ другу
Какъ невѣста и женихъ:

«Для него во мнѣ спасенье»,
Мыслитъ дѣва; онъ шепталъ:
«Я нашелъ его — такъ долго
Убѣгавшій идеалъ!..»

Идутъ въ міръ — и гдѣ ни ступятъ,
Всюду клики торжества,
Духъ смягчающія слезы
И прозрѣнье божества!

1887.

VIII.

ГРОЗА.

Кругомъ царила жизнь и радость,
И вѣтеръ несъ ржаныхъ полей
Благоуханіе и сладость
Волною мягкою своей.

Но вотъ, какъ бы въ испугѣ, тѣни
Бѣгутъ по золотымъ хлѣбамъ —
Промчался вихрь — пять-шесть мгновеній
И, въ встрѣчу солнечнымъ лучамъ,

Встаютъ съ серебрянымъ карнизомъ
Чрезъ всѣ полнеба ворота,
И тамъ, за занавѣсомъ сизымъ,
Сквозятъ и блескъ, и темнота.

Вдругъ словно скатерть парчевую
Поспѣшно сдернулъ кто съ полей,
И тьма за ней въ погоню злую
И все свирѣпѣй и быстрѣй.

Ужь расплылись давно колонны,
Исчезъ серебряный карнизъ,
И гулъ пошелъ неугомонный
И огнь, и воды полились...

Гдѣ царство солнца и лазури!
Гдѣ блескъ полей, гдѣ миръ долинъ!
Но прелесть есть и въ шумѣ бури,
И въ пляскѣ ледяныхъ градинъ!

Ихъ нахватать — нужна отвага!
И — вонъ какъ дѣти въ удальцѣ
Ее честятъ! какъ вся ватага
Визжитъ и скачетъ на крыльцѣ!

1887.

IX.

* * *

Ужь побѣлѣли неба своды...
Промчался рѣзвый вѣтерокъ...
Передразсвѣтный сонъ Природы
Уже сталъ чутокъ и легокъ.
Блеснуло Солнце: гонитъ ночи
Съ нея послѣднюю дрему —
Она — вздрогнувъ — открыла очи —
И улыбается ему.

1887.

X.

(Мотивъ Коппе).

Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній,
Парящій къ небу духъ и прелесть пѣснопѣній
Всего дороже ей, всего въ тебѣ святѣй?
Безумецъ! По себѣ ты судишь!.. И Орфей —
Была и у него младенческая вѣра,
Что всюду вслѣдъ ему идущая пантера
Волшебной лирою навѣкъ укрощена...
Но на колючій тернъ онъ наступилъ пятою,
И кровь въ его слѣдѣ почуяла она —
Вздрогнула и, взрычавъ, ударилась стрѣлою
Лизать живую кровь... Проснулся мигомъ звѣрь!..
И та — не чудный даръ твой нуженъ ей — повѣрь!
Ей сердца твоего горячей крови надо,
Чтобъ небо изъ него, въ терзаніяхъ, изгнать,
Чтобъ лиру у него отнять и разломать,
И, тѣшася надъ нимъ, какъ пьяная Менада,
Надъ яростью боговъ — въ лицо имъ хохотать!

1889.

XI.

СИРОТКА.

На ранній благовѣстъ, когда еще поля
Дремали въ сумракѣ, а небо ужь бѣлѣло,
Она шла по́ лугу. Въ ней сердце точно пѣло
Воскресный свой канонъ — и небо и земля,
Казалось, вторили — она имъ улыбалась,
Шепталась съ птичкою, кружившейся надъ ней,
И нѣжно взглядами съ денницею мѣнялась...
Сиротка-звѣздочка — сродни вѣдь будетъ ей:
Такого жь чистаго, таинственнаго свѣта,
Какъ и душа ея; затерянная гдѣ-то
При солнцѣ и звѣздахъ, во весь свой свѣтитъ свѣтъ,
Въ коронкѣ золотой, когда ихъ въ небѣ — нѣтъ;
Обѣихъ Богъ хранитъ десницею Своею —
Малютка знаетъ вѣдь, что съ высоты небесъ
Архангелъ бодрствуетъ невидимо надъ нею,
И — злой ли человѣкъ покажется, иль бѣсъ, —
Онъ руку въ тотъ же мигъ заноситъ на эфесъ...

1889.

XII.

Дѣвочка — братьямъ и другъ, и примѣръ: лепетать только стала —
Знаетъ, малютка, ужь какъ въ шалостяхъ пылъ ихъ унять:
Выступитъ съ важной осанкою, пальчикомъ властно грозитъ имъ,
Строгаго долга для нихъ образъ являя въ себѣ.

1890.

XIII.

У МРАМОРНАГО МОРЯ.

1.

Все — горы, острова — все утренняго пара
Покрыто дымкою... Какъ будто сладкій сонъ,
Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена — и счастьемъ грезитъ онъ...
И, съ небомъ слитое въ одномъ сіяньи, море
Чуть плещетъ жемчугомъ отяжелѣвшихъ волнъ,—
И этой грёзою упиться на просторѣ
Съ тоской зоветъ тебя нетерпѣливый челнъ...

1887.

2.

Румяный парусъ тамъ стоитъ,
Что̀ чайка на волнахъ лѣнивыхъ,
И отблескъ розовый бѣжитъ
На ихъ лазурныхъ переливахъ...

1887.

3.

Заалѣлъ, горитъ востокъ...
Первый лучъ ужь брызнулъ... Мчится
Въ встрѣчу солнцу вѣтерокъ...
Пошатнулся и клубится
И летитъ туманъ, летитъ...
Что жь въ волнахъ его мятели
И алѣетъ, и блеститъ?
Легіоны ль полетѣли
На Царьградъ, на славный бой?
То ихъ вождь — на колесницѣ
И съ поднятою рукой,
И въ вѣнцѣ, и въ багряницѣ?..
Тѣни прошлаго?.. Но нѣтъ!
Скрылся поѣздъ тріумфальный,
На поверхности жь зеркальной
Все стоитъ зеленый слѣдъ...

1887.

XIV.

НА ЧАМЛИДЖИ.

Какъ дышется легко на этихъ высотахъ,
Какой-то радостью ты полонъ безотчетной —
Здѣсь — точно ближе ты къ живущимъ въ небесахъ,
И вдругъ въ тебѣ самомъ проснулся духъ безплотный,
И ты глядишь на міръ не какъ ужь сынъ земли!
Вонъ тамъ — за полосой сверкающаго моря
Бѣлѣютъ городки, чуть видные вдали...
И — точно голосамъ вселенской жизни вторя —
Въ душѣ одна лишь мысль, одна звучитъ струна:
«Когда бъ въ сердцахъ людей, вездѣ, во всемъ бы мірѣ,
Такая жь красота, и свѣтъ, и тишина,
Какъ здѣсь—и на землѣ—и въ морѣ—и въ эѳирѣ!..»

1890. Въ Малой Азіи.

XV.

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНѲСКАГО ЗАЛИВА.

Все время — рѣки безъ воды,
Безъ зелени долины,
Съ хрустящимъ камешкомъ сады,
И тощія маслины;
За то — лазурный поясъ водъ
И розовыя горы,
И безпредѣльный неба сводъ,
Гдѣ ищетъ взоръ и не найдетъ,
Хоть въ легкомъ облачкѣ опоры!...

1890.

XX.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

(Изъ драматической поэмы: *Адріанъ* и *Антиной* *).

1.

Высокая пальма
Надъ бѣднымъ селеньемъ;
Подъ вечеръ на пальму
Рой свѣтлыхъ голубокъ,
Слетаясь, гнѣздится—
На вѣтвяхъ ея.

Но утро блеснуло—
Онѣ встрепенулись

*) Въ поэмѣ Антиной предполагается родомъ изъ Сиріи, черезъ которую проходили всякія философскія и религіозныя ученія древности, оставляя свой осадокъ въ мѣстномъ населеніи. То были ученія Египта, Вавилона, Іудеи, Греціи и Рима и пр. Всѣ эти вліянія отразились во впечатлительной душѣ красавца Антиноя, и въ альбомѣ, куда онъ выписывалъ, что̀ его поразило, и вносилъ также свои замѣтки.

И мигомъ, что на́ полъ
Разсыпанный жемчугъ,
Кругомъ разлетѣлись
Въ безбрежную даль.

Душа моя — пальма,
Рой свѣтлыхъ голубокъ —
Мечты золотыя,
Что̀ на ночь отвсюду
Слетаются къ ней.

2.

Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной
Въ тоскѣ предсмертной я лежалъ,
И вдругъ твой чудный, твой спокойный,
Твой ясный образъ увидалъ —

И я вскочилъ: коня и броню!
Я снова силенъ, я боецъ!
Гдѣ врагъ? на встрѣчу иль въ погоню?
Гдѣ лавръ! Гдѣ слава! Гдѣ вѣнецъ!!?...

3.

Вдоль надъ рѣкой быстроводной
Быстро двѣ бабочки мчатся, кружась другъ
надъ другомъ;
Только другъ друга и видятъ онѣ.
Вѣтку несетъ по рѣкѣ: онѣ сѣли;
Рѣдкими взмахами крылышекъ держатъ кой-
какъ равновѣсье,
Заняты только любовью своей.
Другъ мой! рѣка — это время;
Вѣтка плывущая — міръ;
Бабочки — мы!

4.

Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ
Мертвъ лежалъ; вчера надъ нимъ
Выли плакальщицы, мракомъ
Все одѣлось гробовымъ: —
Нынче жь, свѣтлый, мчится въ небѣ
И земля ликуетъ, вслѣдъ

Торжествующему богу,
Восклицая: смерти нѣтъ!

5.

Вы разбрелися
Овцы заблудшія;
Слышите — гдѣ-то
Стадъ колокольчики,
Рогъ пастуха!
Близко онъ слышится?
Ввѣрьтесь зовущему!
Выведетъ васъ онъ
Къ пастбищамъ тучнымъ!
Къ свѣтлымъ ключамъ!

6.

Ты не въ первый разъ живешь,
Носишь образъ человѣка;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просвѣтляясь вѣкъ отъ вѣка.

Наконецъ достигнешь ты
Черезъ эти переходы
До предѣла красоты
Человѣческой природы;
Здѣсь ужь зрѣлый плодъ — тогда
Высоко взойдешь надъ нами
Вдругъ, какъ новая звѣзда
Между звѣздъ въ ряду съ богами.

7.

Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ,
Я подѣлился съ нимъ водой;
И рѣчи чудныя вѣщалъ
Онъ мнѣ потомъ, идя со мной.
И это было ужь давно.
Я былъ ребенокъ. Тѣхъ рѣчей
Теперь не помню. Лишь одно
Звучитъ досель въ душѣ моей, —
Что должно ближняго любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мнѣ кажется, что онъ,
Тотъ чудный старецъ, людямъ несъ

Разгадку жизни. Опаленъ
Былъ зноемъ, въ рубищѣ и босъ.
И шелъ съ нимъ долго, долго я,
И не замѣтилъ, какъ вошелъ
Въ какой-то городъ — тамъ меня
Ввели съ нимъ въ домъ; накрытъ былъ столъ,
И много свѣчъ — и полонъ домъ
Народу былъ, — и лица ихъ
Сіяли тихимъ торжествомъ
И пѣли всѣ — и былъ у нихъ
Я точно дома...

8.

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна въ нихъ святая
Проходитъ молча и сіяя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночныя чудеса,
Чтобы нашъ духъ рвался изъ плѣна;
Чтобъ въ сердце врѣзывалось намъ,
Что здѣсь лишь зло, обманъ, измѣна,
Добыча смерти, праха, тлѣна,
Блаженство жь вѣчное — лишь тамъ.

1881.

XXI.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

ВОПРОСЪ.

Мы всѣ, блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ; мы, соль земли, мы, свѣтъ,—
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,—
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать —
Намъ есть что дать!

Но... еслибъ умеръ въ немъ живущій идеалъ,
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ — хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что дали бъ мы ему?

1874.

II.

* * *

Для нихъ свобода — что видѣнье...
Плыветъ въ туманѣ золотомъ —
Они бѣгутъ за нимъ и въ немъ
Народамъ чаютъ все спасенье...

Но что она, и въ чемъ она,
Что̀ скрыто золотымъ покровомъ, —
Ошеломленные лишь словомъ,
Имъ дѣла нѣтъ! ихъ мчитъ волна,

У нихъ ни зрѣнья нѣтъ, ни слуха,
И тщетно Распятый стоитъ
У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
«Свобода — только въ царствѣ духа!»

III.

МАНИ-ѲАКЕЛЪ-ФАРЕСЪ.

Въ діадимѣ и порфирѣ,
Прославляемый какъ Богъ,
И какъ Богъ единый въ мірѣ,
Весь собой, на пышномъ пирѣ,
Наполняющій чертогъ —

Вавилона, Ниневіи
Царь за брашной возлежитъ.
Что же смолкли вдругъ витіи?
Смолкли звуки мусикіи?..
Съ ложа царь вскочилъ — глядитъ —

Словно свѣтомъ просквозила
Наверху предъ нимъ стѣна,
Кисть руки по ней ходила
И огнемъ на ней чертила
Странной формы письмена.

И при каждомъ начертаньѣ
Блескъ ихъ ярче и сильнѣй,
И, какъ въ солнечномъ сіяньѣ,
Тусклымъ кажется мерцанье
Пирныхъ тысячи огней.

Поборовъ оцѣпенѣнье,
Вопрошаетъ царь волхвовъ,
Но волхвовъ безсильно рвенье,
Не дается имъ значенье
На стѣнѣ горящихъ словъ.

Вопрошаетъ Даніила —
И вѣщаетъ Данiилъ:
«Въ Богѣ — крѣпость царствъ и сила;
«Длань Его тебѣ вручила
«Власть — и Имъ ты силенъ былъ;

«Надъ царями воцарился,
«Страхъ и трепетъ былъ земли, —
«Но собою ты надмился,
«Самъ себѣ ты поклонился, —
«И твой часъ пришелъ. Внемли:

«Эти вѣщія три слова...»
Нѣтъ, о Муза, нѣтъ! постой!
Что ты снова ихъ, и снова,
Такъ жестоко, такъ сурово
Выдвигаешь предо мной!

Что твердишь: «о горе! горе!
«Въ суетѣ погрязшій вѣкъ!
«Безъ руля, на бурномъ морѣ,
«Самъ съ собою въ вѣчномъ спорѣ,
«Чѣмъ гордишься, человѣкъ?

«Въ буйствѣ мнящій быти Богомъ,
«Самъ же сынъ Его чудесъ —
«Иль не зришь, въ киченьи многомъ,
«Надъ своимъ ужь ты порогомъ
«Словъ: мани-ѳакелъ-фаресъ!..»

1888.

IV.

EX TENEBRIS LUX.

Скорбитъ душа твоя. Изъ дня —
Изъ солнечнаго дня — упалъ
Ты прямо въ ночь, и, все кляня,
За смертный взялся ужь фіалъ...

Нѣтъ! Погоди!.. Въ ту тьму вглядись:
Вонъ — огонекъ блеснулъ... звѣзда...
Другая... третья... вонъ — зажглись
Ужь миріады... Никогда

Ты не видалъ ихъ?.. Но постой:
Онѣ блѣднѣть начнутъ — и тѣнь
Пойдетъ рѣдѣть — и надъ тобой
Внезапно развернется день —

Имъ осіянный, разомъ ты,
Уже измѣривъ бездну волъ,
Рванешься въ горни высоты,
Какъ солнца жаждавшій орелъ!

1887.

V.

РАЗСКАЗЪ ДУХА.

(Отрывокъ).

...И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ изъ здѣшней
Къ загробной жизни?..

. . . И на вопросъ мой началъ духъ:

. . . «Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше — догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ —
И точно врагъ *извнѣ* — меня боролъ.
А *извнутри* меня — я живо помню —
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня —
И этого бъ союзника я назвалъ

Надеждой: такъ, быть можетъ, стала бъ мать
За своего ребенка биться...
Умъ между тѣмъ — онъ бодрствовалъ и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ,
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьмы завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще — и тьма меня
Охватитъ и удушитъ... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась.
И вкругъ меня все — люди и предметы
Какимъ-то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ —
И этотъ свѣтъ шелъ сверху — и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. «Это — Смерть?»
Я спрашивалъ себя. — «Нѣтъ, быть не можетъ!..»
И все не вѣрилъ и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю — и ждалъ, все ждалъ, —
А между тѣмъ давно ужь совершилось —
Все кончено — я понялъ наконецъ,
И ужь извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой — и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,

Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней
Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вкругъ — о, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить,
Сказать имъ, что я пережилъ — но тщетно —
И было мнѣ ихъ жаль...

1876.

XXII.

НАБРОСКИ.

I.

* * *

Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что̀ ты такое?
Ты — плодъ ошибокъ и слезъ, силамъ потраченнымъ счетъ.

Бродитъ вино молодое: не должно броженью мѣшать;
Но и разумный уходъ, крѣпкіе нужны мѣха.

Въ этой толпѣ, подъ волшебною силой искусства
Всѣ въ одну душу слились — чистую душу на мигъ;
Но разбредутся — и въ каждомъ проснется опять своя совѣсть,
Въ каждомъ опять заскребетъ въ сердцѣ таящійся гадъ.

Всюду: «что̀ новаго?» слышишь. Да вдумайся въ старое прежде!
Въ немъ для себя ты найдешь новаго много, повѣрь!

Формы, мой другъ, совершенство — не все еще въ дѣлѣ
искусства:
Чистая пусть извнутри свѣтится въ ней мнѣ душа.

Времени мстить предоставь за порыченье, ложь и обиды:
Тайныхъ агентовъ оно въ каждой имѣетъ душѣ.

Другъ мой! Ученые, вѣрь, не такіе, какъ кажутся, боги;
Наше невѣжество — вотъ въ чемъ нерѣдко ихъ сила!

1882—1883.

II.

О, трепещущая птичка,
Пѣснь рожденная въ слезахъ!
Что, неловко, знать, у этихъ
Умныхъ критиковъ въ рукахъ?
Ты бы имъ про солнце пѣла,
А они тебя корятъ,
Отчего подъ ихъ органчикъ
Не выводишь ты руладъ!

1872.

III.

Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ — извини, не повѣрю:
Столько ты сдѣлалъ добра! столькимъ помогъ!
столькихъ спасъ!
Знай: благодарность для низкой души — нестерпимое бремя —
Ну, а высокихъ-то душъ — много ль ты знаешь?..
Сочти!

1891.

IV.

Гр. О. А. Г. К—й.

Жизнь — достиганье совершенства,
И намъ побѣда надъ собой
Едва ль не высшее блаженство
Въ борьбѣ съ ветхозавѣтной тьмой.

1891.

V.

Въ чемъ счастье?..
Въ жизненномъ пути,
Куда твой долгъ велитъ — итти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и — вѣрить.

XXIII.

О, память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!

Пушкинъ. ✗

✗ Баронов

I.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Мигъ внезапныхъ откровеній,
Мигъ,— когда въ душѣ твоей
Новыхъ чувствъ пробилъ источникъ,
Новый свѣтъ явился въ ней;
Мигъ,— когда восторжествуетъ
Ангелъ твой надъ сатаной;
Мигъ — святаго умиленья
Человѣческой душой —
Все — лишь мигъ!.. Но съ нимъ зажглася
Надъ тобой еще звѣзда,
И лучомъ своимъ пронижетъ
Всѣ грядущіе года...
Дай Господь такихъ мгновеній
Вамъ что̀ звѣздъ на небесахъ,
Чтобы радовалось сердце
Въ перекрестныхъ ихъ лучахъ!

1890.

II.

Улыбки и слезы!.. И дождикъ и солнце!
И какъ хороша —
Какъ солнце сквозь этихъ сверкающихъ капель —
Твоя, освѣженная горемъ, душа!

Май, 1889.

III.

* * *

О море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй
И глубже, можетъ быть... Да, скорбь души моей,
Желала и ждала тебя — и вотъ я нынѣ
Одинъ — въ наполненной тобой однимъ пустынѣ...
Ты — въ гнѣвѣ... Вся душа моя потрясена,
Хоть въ тайномъ ужасѣ есть сладкое томленье,
Чего-то новаго призывъ и откровенье...
Вотъ — темной полосой лазурная волна,
Потряхивая тамъ и сямъ жемчужнымъ гребнемъ,
Идетъ — и на́ берегъ, блестя и грохоча,
Летитъ и — рушится, и съ камнями и щебнемъ
Назадъ сливается, ужь злобно рокоча,
Сверкая космами быстро бѣгущей пѣны...
И слѣдомъ — новая — и нѣтъ конца ихъ смѣны,
И непрерывенъ блескъ, и непрерывенъ шумъ...
Гляжу и слушаю и оглушенъ мой умъ,

Безсильный мысль связать, почти не сознавая,
Теряяся въ шуму и въ блескѣ замирая...

О, еслибы и ты, о, сердце! ты могло
Дать выбить грохоту тѣхъ волнъ свое-то горе,
Все, что̀ внутри тебя такъ стонетъ тяжело,
Предъ чѣмъ, какъ ни ликуй на всемъ своемъ просторѣ,--
Безсильно и само грохочущее море!..

1887.

IV.

* * *

Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ...
Покорность тихая карающей судьбѣ
Горячихъ сердца ранъ въ тебѣ не исцѣлила...
Вездѣ передъ тобой — та бѣдная могила
Съ чугуннымъ крестикомъ, съ невянущимъ вѣнкомъ...
Лучъ даже радости надъ пасмурнымъ челомъ
Нежданно слезы лишь на очи вызываетъ...
Такъ хмурой осенью стоитъ недвиженъ лѣсъ,
И медленно туманъ на листья осѣдаетъ;
Прорвется ль лучъ съ яснѣющихъ небесъ,—
Игривый вѣтерокъ вспорхнетъ, его встрѣчая,—
Но съ улыбнувшихся древесъ
Вдругъ капли крупныя посыплются, блистая...

1871.

V.

Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы!
Насильно подыми поникшій долу взглядъ!
Дай солнцу проглянуть въ туманъ души угрюмый,
И разорвется онъ, и клочья полетятъ,
Какъ привидѣнія — а съ ними мракъ и горе,
И жизнь въ глаза блеснетъ, подъ золотымъ лучомъ,
Какъ вдругъ открывшееся море
Во всемъ своемъ просторѣ голубомъ!

1890. Буюкъ-дере.

VI.

* * *

Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ
Твой день сегодня!.. О, блаженъ
Тотъ, чей приходъ враждой былъ встрѣченъ,
Потомъ — въ слезахъ благословенъ!
Ты самъ какъ будто въ новомъ мірѣ,
И новый свѣтъ тебѣ пахнулъ,
И въ сердцѣ — точно струнный гулъ
На только что умолкшей лирѣ...

1883.

VII.

Внѣ долга — жизни и не зная,
Она несетъ свой крестъ земной,
Для тяжкой ноши почерпая
Лишь въ сердцѣ силу и покой;
Міръ, ею созданный, ревниво
Отъ чуждыхъ взоровъ сторожитъ,
И что въ душѣ у ней — стыдливо
И отъ себя самой таитъ...
Лишь въ мигъ удара громового,
Или когда подъемъ волны
На берегъ вынесетъ — и снова
Настанетъ радость тишины,—
Такое выскажетъ вдругъ слово,
Такія вскроетъ глубины,

Что въ новость ей и въ изумленье,
Вдругъ просіявшій подъ грозой,
Отъ узъ земнаго принужденья
Освобожденный — образъ свой...

1890.

VIII.

Туманомъ мимо звѣздъ сребристыхъ проплывая,
И вдругъ какъ дымъ на мѣсяцѣ сквозясь,
Прозрачныхъ облаковъ разрозненная стая
Несется по небу въ полночный тихій часъ...
Въ тотъ тихій часъ, когда стремленій и желаній
Уймется буйный пылъ, и рой воспоминаній —
Разрозненныхъ какъ эти облака —
Богъ вѣсть откудова, изъ тьмы, издалека,
Изъ безднъ минувшаго, — видѣнье за видѣньемъ —
Плывутъ передъ моей усталою душой.
Но изъ-за нихъ одна, все озаря собой,
Ты, непорочная, недремнымъ Провидѣньемъ,
Усладою очей сіяешь надо мной —
Одна — какъ мѣсяцъ тамъ на тверди голубой,
Недвижный лишь одинъ надъ этой суетой,
Надъ этимъ облачнымъ, безсмысленнымъ движеньемъ.

1889, декабрь.

XXIV.

ИЗЪ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА.

I.

Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ — краткій мигъ.
Кумиры ва́лятся въ забвенье, въ безконечность...
Безумные! ужель вашъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ — есть Вѣчность!..

II.

Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его — Богомъ;
Въ сонмъ неисчетныхъ духовъ, вызванныхъ Имъ въ бытіе.
Міръ сотворенъ, чтобы имъ, воплощеннымъ, въ пути къ совершенству,
Въ срочной борьбѣ съ естествомъ, вящую силу пріять.

III.

Милыхъ, что̀ умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!

Тамъ они — Ангелы
Будутъ Хранители
Въ жизненныхъ буряхъ тебѣ!

IV.

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...

V.

Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце...
Пристальнѣй сталъ я глядѣть въ тотъ ужасающій мракъ...
Вдругъ въ немъ звѣзда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконецъ засіялъ звѣздами весь небосклонъ.
Новая въ каждой изъ нихъ мнѣ краса открывалась всечасно,
Глубже мнѣ въ душу онѣ, глубже я въ нихъ проникалъ...
Въ каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
Съ радостью чувствовалъ я, откликъ въ душѣ моей есть;
Всѣ говорили, что гдѣ-то за ними есть Вѣчное Солнце,
Солнце, котораго свѣтъ — блескъ и красу имъ даетъ...

О, какъ ты блѣдно предъ Нимъ, юныхъ дней моихъ солнце!
Какъ онъ ничтоженъ и пустъ гимнъ, что мы пѣли тебѣ!

1882.

VI.

ЭПИТАФІЯ.

(Списано съ гробницы).

Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что̀ всѣмъ людямъ.
Да! умерла — и живетъ, и немеркнущій свѣтъ созерцаетъ;
Вѣчно жива — для живыхъ! кто же мертвой ее почитаетъ —
Мертвъ тотъ, поистинѣ, самъ!.. О, земля! что̀ дивишься
Новой еще для тебя этой тѣни? Что̀ значитъ твой страхъ?..

1882.

VII.

Заката тихое сіянье,
Вѣнецъ безоблачнаго дня, —
Не ты ли намъ знаменованье
Иной ступени бытія?..
Взоръ очарованный трепещетъ
Предъ угасаніемъ твоимъ,
Но разгорается и блещетъ
Все ярче звѣздный міръ надъ нимъ...
Земнаго, бѣднаго сознанья
Угаснутъ блѣдные лучи, —
Но въ наступающей ночи
Лишь перерывъ существованья:
Отъ узъ освобожденный духъ
Первоначальный образъ приметъ
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подыметъ
Завѣсу Смерть—какъ старый другъ—
И возвратитъ ему прозрѣнье,

Сквозь всѣ преграды вещества,
Во все духовное въ твореньѣ,
О чемъ въ тѣлесномъ заключеньѣ
Онъ и мечтать дерзалъ едва..

1888.

VIII.

Выше, выше въ поднебесной
Возлетай, о мой орелъ,
Чтобы міръ земной и тѣсный
Весь изъ глазъ твоихъ ушелъ!

Возносися въ тѣ селенья,
Гдѣ, какъ спящія мечты,
Первообразы творенья
Въ красотѣ ихъ чистоты, —

Въ свѣтлый міръ, гдѣ пребыванье
Душъ, какъ создалъ ихъ Господь,
Душъ, не вѣдавшихъ изгнанья
Въ человѣческую плоть!..

1887.

IX.

* * *

Катись, катися надо мной
Все просвѣщающее Время!
Завѣсу тьмы влеки съ собой,
Что намъ скрываетъ Свѣтъ Святой
И на душѣ лежитъ какъ бремя, —
Чтобы мой духъ, въ земныхъ путяхъ
Свершивъ свое предназначенье,
Могъ воспріять въ иныхъ мірахъ
И высшей Тайны откровенье.

1892.

X.

Поэзія — вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество;
Тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье,
Въ ней — Божество!

Ея сіяніе святое
Разъ ощутивъ — на вѣкъ забыть
Все мимолетное, земное;
Лишь сю жить;

Одно лишь сознавать блаженство,
Что въ духъ твой глубже все идетъ
И полнота, и совершенство
Ея красотъ...

И вотъ ужь онъ — проникнутъ ею...
Остался мигъ — совсѣмъ прозрѣть:—
Тамъ — вновь родиться слившись съ нею,
Здѣсь — умереть!

1889.

XI.

Пиръ у васъ и ликованья:
Храмъ разбитъ... Но отчего,
Въ блескѣ луннаго сіянья,
Не пройдешь безъ содроганья
Ты предъ остовомъ его?
Отчего же ты, смущенный
Предъ безмолвіемъ небесъ,
Хоть изъ пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой
Ждешь явленій и чудесъ?..

1889.

XII.

«Прочь идеалы!» Грозный кликъ!..
«Конецъ загробной лжи и страху!
«Нашъ вѣкъ тѣмъ славенъ и великъ,
«Что рубитъ въ корень и со взмаху!
«Міръ лишь отъ насъ спасенья ждетъ —
«Такъ — безъ пощады! и впередъ!..»
И вотъ, какъ пьяный, какъ съ просонокъ,
Принявъ за истину символъ,
Ты рушить бросился... Ребенокъ!
Игрушку разломалъ, и золъ,
Что ничего въ ней не нашелъ!..
Ты рушишь храмы, рвешь одежды,
Сквернишь алтарь, престолъ, потиръ —
Но развѣ въ нихъ залогъ Надежды,
Любви и Вѣры видитъ міръ?

Онѣ — въ душѣ у насъ, какъ скрытый
Духъ жизни въ сѣмени цвѣтка —
И что̀ тутъ мечъ твой, ржой покрытый,
И дѣтская твоя рука!..

1889.

XIII.

Творца, какъ духа, постиженье,
О человѣкъ, душой твоей —
Что звѣздъ и солнца отраженье
Въ великомъ зеркалѣ морей!
Ты самъ, пришелецъ въ сей юдоли,
Ты — тоже духъ, созданный Имъ,
И даромъ разума и воли
Стоишь какъ царь надъ всѣмъ земнымъ.
Свободенъ ты — но надъ тобою
Есть судія. Въ дни ветхой тьмы
Онъ налеталъ огнемъ, войною,
Какъ громъ, какъ трусъ, какъ духъ чумы...
Его лица, ни даже тѣни,
Никто изъ смертныхъ не видалъ,
И лишь костями поколѣній
Въ пустынѣ путь его сверкалъ...

Теперь — не то...

Неслышный входитъ. Весь — сіянье.
Съ крестомъ, поправшимъ Смерть и тлѣнъ;
Въ раскрытой книгѣ — начертанье
Святыхъ евангельскихъ письменъ;
Глубокій взоръ по малу свѣтомъ
Охватитъ внутрь всего тебя,
И ты, прозрѣвъ во свѣтѣ этомъ,
Осудишь самъ уже себя,
И самъ почуешь, что въ паденьѣ
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье —
Его: «иди и не грѣши!»

1889.

XIV.

Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья,
На жгучіе твои запросы и сомнѣнья
Ты, Смертный, требуешь отвѣта въ тотъ же мигъ,
И плачешь, и клянешь ты Небо въ озлобленьѣ,
Что не отвѣтствуетъ на твой душевный крикъ...
А Небо на тебя съ улыбкою взираетъ,
Какъ на капризнаго ребенка смотритъ мать,
Съ улыбкой — потому, что все, всѣ тайны знаетъ,
И знаетъ, что тебѣ еще ихъ рано знать!

1892.

XV.

Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ,
Передъ величьемъ божества,
Изрекъ, восторженный, и нынѣ
Еще не смолкшія слова:
«Жизнь эта — сонъ и сновидѣнье,
Миражъ среди нагихъ песковъ;
Лишь въ смерти — полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сонъ въ лонѣ Бога — и безъ сновъ».

Ты правъ, мудрецъ: все въ мірѣ тлѣнье,
Все въ людяхъ ложь... Но что-нибудь
Да есть же въ насъ, что жаждетъ свѣта,
Чему вся ложь противна эта,
Что рвется въ Вѣчность проглянуть...
На всѣ моленья безъ отвѣта,
Я знаю, Время мимо насъ
Несетъ событья, поколѣнья,
Подыметъ насъ въ своемъ стремленьѣ
И въ бездну броситъ тотъ же часъ;

Я — жертва вплоть и до могилы
Всей этой бѣшеной игры, —
Ничто предъ Разумомъ и Силой,
Въ пространство бросившей міры, —
Но говоритъ мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила, и боролась:
Въ ней есть свое живое я!
И жизнь — не сонъ, не сновидѣнье,
Нѣтъ! это пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье
Міръ и небесный, и земной,
И смерть — не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живаго я,
А новый шагъ, и восхожденье
Все къ высшимъ сферамъ бытія!

1893.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED

JUN 8 '76 H

MAY 9 1983

CANCELLED

SEP 28 1985

WIDENER

JAN 03 1998

BOOK DUE

CANCELLED